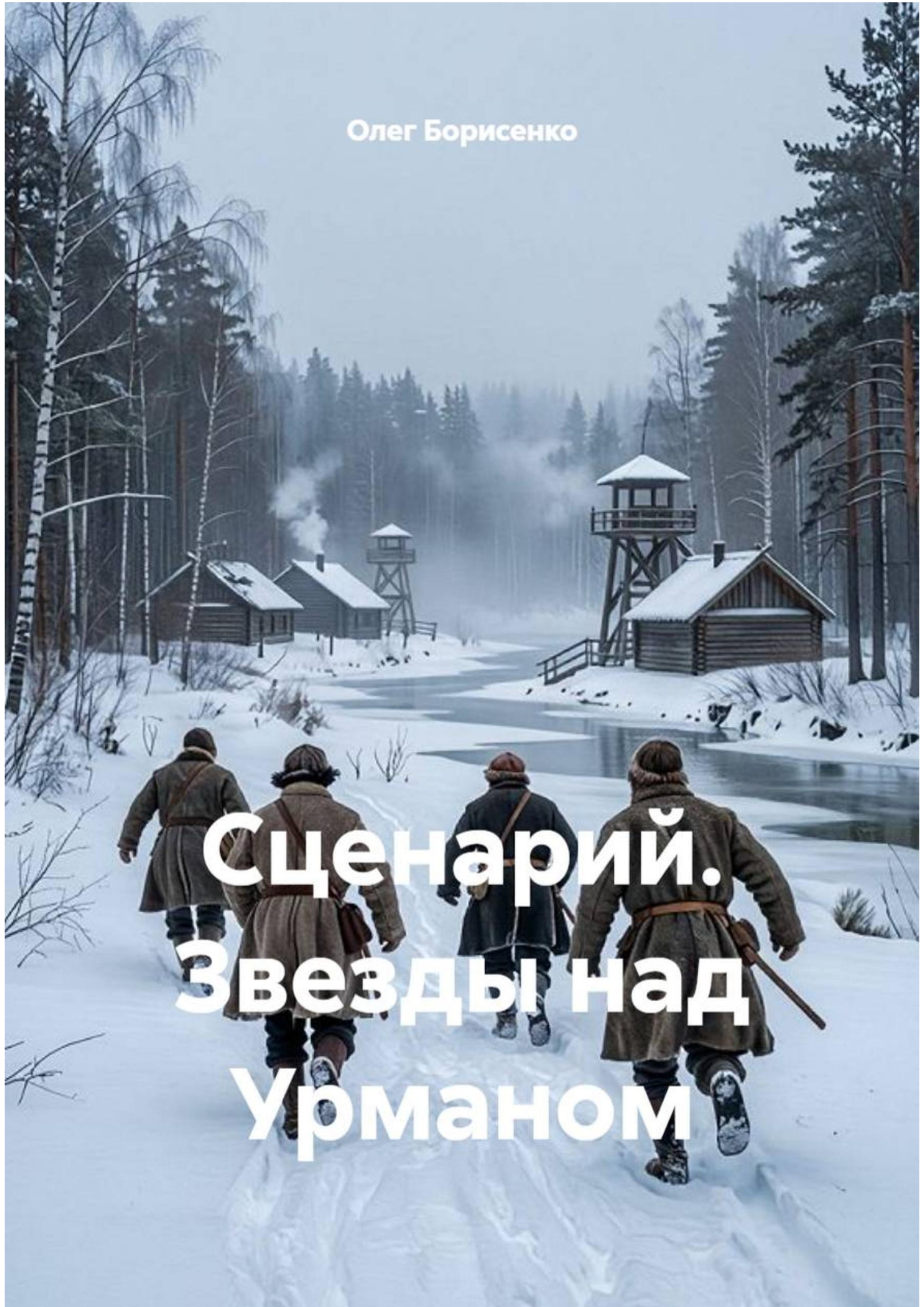

A cinematic winter scene in a forest. In the foreground, four people in heavy winter coats and hats are walking away from the viewer through deep snow. In the middle ground, there are several log cabins and two wooden watchtowers. Steam is rising from the cabins, suggesting a fire. The background is a dense forest of tall evergreen trees under a hazy, overcast sky.

Олег Борисенко

Сценарий.
Звезды над
Урманом

Олег Борисенко

Сценарий. Звезды над Урманом

«Автор»

2026

Борисенко О. А.

Сценарий. Звезды над Урманом / О. А. Борисенко — «Автор»,
2026

Из рабства бегут четыре раба. Путь их лежит в загадочную страну Шыбыр.
Где развиваются события освоения Сибири. Роман - сказка для взрослых.
События происходят на платформе исторического времени.

Олег Борисенко

Сценарий. Звезды над Урманом

Сценарий Звезды над Урманом.

Синопис

Роман эпопея «Звезды над Урманом». (Урман – дикий лес)

860 страниц.

События происходят на платформе исторического времени. Приключения.

Судьба героев переплетается со множеством исторических событий.

Главные герои романа: Кузнец Архип, Угор – представитель коренных народов Севера. Никита – каменотес, волхв Гостомысл, Ванюшка приемный сын Архипа, разбойник Расстрига, индус-Гаджи Ата, пан Казимир, аркар Исатай, Ваулихан-сын Исатая.

Гостомысл организывает побег из рабства русских рабов, и сопровождает героев романа в течение всего повествования, его цель хранить Русь, узнать имя убийцы своего наставника старца Веденя и наказать злодея. В этом ему поможет Ванюшка, который во снах может побывать в прошлых летах.

Действие:

Средняя Азия. Дворец. Эпоха Иоанна Грозного. Волхв Гостомысл является к наместнику Узун Беку во сне. Приказывает ему поставить в поле юрту, остаться в ночь одному, отозвать стражу, оставив только двух охранников, переодетых пастухами.

В эту же ночь из рабства бегут четыре раба. Кузнец Архип, каменотесы Никита, Аника, и внук шамана вогул Угор. Убив охранников и Узун Бека рабы из Средней Азии пробираются в Сибирь, Угор ведет беглецов в сказочную страну, где нет бояр и князей. (ныне Ханты Мансийский округ) Их преследует десяток воинов во главе с Исатаем племянником убитого Узун Бека. В степи беспокойно, и отряд джунгар меняет планы Исатая. Его десяток гибнет в битве с джунгарами. Самого Исатая на берегу находит тяжело раненным девушка Ботагоз.

Ночью на беглецов нападают волки, Аника из-за раны идти дальше не может, и его подбирает, брат Ботагоз, Отар. В это время Едигер Хан – правитель Сибирского ханства, ищет способ наладить отношения с Иваном Грозным. Иван Грозный ставит условие – вернуть тысячу рабов. Хан Сибири собирает тысячу рабов для выдачи их на Русь, в их число попадает и Аника.

Беглецы встречаются с волхвами у Жаман Тау, Никита остается со старцами. Архип и Угор идут дальше на Север.

Но власть в Сибири захватывает Кучум Хан. Архип и Угор пробираются через владения Кучум Хана. Друзья обосновываются в урмане, у Атлымских Юрт, обустраивают свой быт. В

Сибирь с новгородскими купцами приходят разведчики Ермака. Архип помогает им узнать план крепости. Там, при разведке, он у стен Искера (Тобольска), находит себе спутницу жизни, выкупив Ксению и её сына Ванюшку на базаре у купца. Втроем они на упряжке оленей уходят от погони кучумского отряда. В Пермском Крае братья Строгоновы собирают казаков. Вскоре в Сибирь приходит дружина Ермака. Кучум Хан уходит в степь, но его преследует тень его кровного врага мурзы Ибрагима. Ермак, предчувствуя осаду и падение Тобольска передает Архипу серебро и золото на хранение. Архип прячет клад в пещере на острове Чудо озера. Там же в пещере Угор хранит Золотую Бабу – реликвию Северных народов. В поисках сокровищ заинтересованы все, от Ивана Грозного и воеводы Тобольска, до разбойника Расстриги и купца Пайзы.

Ермак погибает и из крепости уходят стрельцы и казаки. После гибели волхвов, в Сибирь приходит Никита. Он появляется вовремя, когда дом Архипа окружают бродячие стрельцы. Сын Ксении Ванюшка обладает даром лечить людей и животных. В округе его так и называют Жас Дерегер (Маленький лекарь). Меняются цари, наступает Смутное Время. На арене повествования появляется Лжедмитрий, Иван Болотников, Минин, Пожарский, Разя, Хлопок. В казахском ханстве ведет борьбу с джунгарами Исатай. Сын Исатая Ваулихан падает с коня и повреждает позвоночник. Его может вылечить только Жас Дерегер. Исатай дает клятву Гостомыслу, что не будет мстить беглым рабам, если его сын выздоровеет. Ванюшка ставит на ноги больного ребенка. Кучум Хан больной и ослепший мечется по степи, но не везде ему предоставляют корм и ночлег. По пятам его отряда идет отряд воеводы Кольцова. Но смерть Кучума наступает от руки его кровника Ибрагима. В Туле казнен Иван Болотников. Казнен Лжедмитрий, а его наставник Расстрига пробирается в Сибирь.

В Москве засели поляки. Благодаря козням пана Казимира распадается первое ополчение под руководством Прокопия Ляпунова. Князю Пожарскому нужны осадные пушки для взятия кремля. За пушками к Крымскому Хану отправляется, отряд кровника Кучум Хана, Ибрагима, в который входит и Ванюшка. Для закупа орудий Гостомysl разрешает взять часть клада Ермака. Минин и Пожарский с ополчением благодаря вовремя доставленным осадным орудиям изгоняют из кремля поляков. Вскоре заканчивается смутное время. Михаил Романов, прознав, что англичане и датчане желают в Сибири организовать колонию, издает запрет под страхом смерти хождения иноземцев сибирскими морями. Государь принимает решение выставить острожек на реке Мутной (Ямал) с целью перекрыть волок на Мангазею. Туда выдвигается отряд младшего воеводы Кольцова. Повзрослевший Ваня уходит с отрядом проводником. Туда же направляется польский лазутчик пан Казимир. У пана Казимира задача поднять бунт северных народов супротив отряда воеводы Кольцова-младшего. А цель воеводы Архангельска, собрать всех шальных людишек и отправить на погибель на полуостров Ямал. События разворачиваются стремительно. Алексей Кольцов выполняет указ государя и не допускает прохода через волок иностранных судов. Ваня в грезах видит лицо убийцы старца Веденя. Он опознает его в нынешнем времени. Мсть Гостомысла настигает убийцу.

В эпизодах. Атаманша Яна, охотник Елейка, первый топограф Руси Афанасий Мезенцев, Борис Годунов, Василий Шуйский, Кучум-Хан, Крымский хан Гирей, купец Пайза и д.р.

Приключения героев переплетаются с историческими событиями.

Роман – приключения, сказка для взрослых.

Роман предназначен для аудитории 16 +.

Цель поднять интерес к одной из славных исторических страничек нашей Родины.

С уважением автор.

Олег Борисенко.

Ханты-Мансийский Автономный Округ.

Borisenko-63@mail.ru

Сценарий Звезды над урманом 1-20 часть

Звезды

над

Урманом

ОЛЕГ БОРИСЕНКО

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ

Сценарий

для художественного или анимационного фильма

ТИТР (голос за кадром):

«Девяностолетнему юбилею Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого Автономных округов, Юбилею Тобольска, первопроходцам земли Сибирской, а также моему прадеду Михаилу Санину, предки которого пришли в Сибирь с охочими людьми воеводы Афанасия Пашкова, посвящается»

Действие: 55 секунд.

Видение.

Над тайгой и озерами парит седой ворон, сверху вид озера, по берегам которого болотистая тайга. Сквозь пузырьки воздуха в глубине воды озера, проплывает чудовище – огромная щука Сорт Лунг.

Остров по середине озера. Сквозь заросли появляется вид скалы и вход в пещеру. В пещере с наскальными рисунками, в каменной нише, стоит запылённая и покрытая тенетами статуя Золотой Бабы. Дремучий лес острова. Ведун (отшельник) в длиннополой славянской рубахе с посохом, седой бородой и усами. Рядом с ним ручной бурый медведь. Седой ворон спускается и садится на плечо старцу. Позади ведуна деревянные языческие идола.

Ворон.

Кар.р.р.

1. Инт. Жилище представителя Малочисленных Народов Севера (Аласык). Строение из коры и луба, четырехугольной формы не имеющее окон.

На стенах жилища висят шкуры, пучки засохшей травы, бубен, старое ружье-курковка с потертым прикладом, лосиные рога с колокольчиками и ленточками на их ветвях, маска шамана.

В помещении находятся двое.

Это дедушка преклонного возраста, одетый в малицу и внук лет двенадцати, он одет в одежду из меха оленя. Горит в чувале (глинобитная печь) огонь.

Старый шаман подбрасывает хвороста в чувал. Отблески огня освещают его глубокие морщины. Он вытаскивает пальцами из топки уголек и, перебросив его с ладони на ладонь, кладет на табак в трубке, раскуривает.

Шаман.

(сетуя)

– Совсем прогорела, однако,

Действие: - рассматривает трубку, разминает между пальцами комочек глины, заклепывает прогоревшее место в трубке.

Внук.

– Дедушка, я шиповник с толстым стволом на берегу Атлыма присмотрел, могу из него тебе новую люльку вырезать.

Шаман

– Нет, не нужна мне новая. Трубку сия, Угор, это память о наших предках, что великими шаманами пребывали, и испокон веков хранили тайну Золотой Бабы.

Наступит время, и я уйду в страну духов, а тебе предстоит хранить эту тайну далее. Я научу тебя ведать будущее и возвращаться в прошлое. Ты найдешь верных попутчиков и проживешь долгую трудную, но прекрасную жизнь.

Внук

– Расскажи, дедушка, о ведуне Никите, о Ванюшке - маленьком лекаре, о князе Гостомысле, о прапрадеде моем шамане Угоре, в честь которого я и ношу свое имя. Про Бабу Златую и клад Ермака Тимофеевича. Ты так ладно рассказываешь, и я верю, что и на самом деле живут многие из них да здравствуют доселе. И хранятся неприкасаемые сокровища земли племени Шыбыр, берегутся они от людей алчных и жадных.

Действие:

Дед, с любовью глядит на внука, улыбается. Отблеск пламени вновь озаряет его лицо.

Шаман

– А-то как же. Жительствуют и ныне ведуны. Ибо должен же кто-то наставлять народец наш на путь истинный. Ведь если не будет у нас умного вожака, то превратимся мы в стадо безмозглых оленей. Ну а ежели вожак зазнается, уповая властью, то и его поставить на место

надобно, ибо поведет он народ на погибель верную. Вожак-то – от слова «вожи», а вожжами управлять тоже кто-то должен.

Действие:

Старый шаман выпускает несколько колечек сизого дыма и продолжает:

Шаман

– Много-много лет прошло и еще пройдет. Сколько воды утечет, никто не ведает. Солнце взойдет и снова зайдет множество раз. Хорошие времена пройдут и наступят тяжелые. Но появляются в самую трудную годину ведуны и пестуют они народ, направляя на путь истинный.

Слушай, внук, сказ про пращуров наших.

Действие:

Видение.

Над тайгой и озерами парит седой ворон, сверху вид озера, по берегам которого болотистая тайга. Сквозь пузырьки воздуха в глубине воды озера, проплывает чудовище – огромная щука Сорт Лунг.

Остров по середине озера. Сквозь заросли появляется вид скалы и вход в пещеру. В пещере с наскальными рисунками, в каменной нише, стоит запylённая и покрытая тенетами статуя Золотой Бабы. Дремучий лес острова. Ведун (отшельник) в длиннополой славянской рубахе с посохом, седой бородой и усами. Рядом с ним ручной бурый медведь. Седой ворон спускается и садится на плечо старцу. Позади ведуна деревянные языческие идолы.

Ворон.

Кар.р.р.

Титры. (голос за кадром) Средняя Азия. 15 век.

2. Инт. Дворец наместника – бая Узун Бека. Опочивальня.

На стенах блистают отблески пламени огней светильников.

Роскошно расписаны дворцовые стены и своды. Большая

кровать с балдахинами, на которой спит толстый бай.

Действие:

Из стены появляется видение высокого, широко-плечного, одетого в белую славянскую рубаху до пят, с длинной белой бородой и такими же длинными седыми усами, старца. (славянского волхва)

Волхв, опираясь на посох, бесшумно подходит к спящему толстому баю Узун Беку.

Шелковые занавески слегка качает теплый южный ветерок.

Видение Спящего бая, с закрытыми глазами, бай присаживается на кровати, его немного качает. Узун Бек открывает испуганно глаза. В глазах явный страх.

Узун Бек

(сидя)

– Как ты прошел сюда старик? Стража, ко мне!

Действие:

Бай пытается поймать рукой нить колокольчика для вызова дворецкого, но его ладонь, проходя через веревочку, не может ощутить твердь. Звонок не звенит. Бай еще больше напуган.

Волхв.

(надменно усмехаясь)

– Не кричи, не услышат. Ты спишь и зришь меня во сне.

Помнишь меня, Узун Бек?

Узун Бек.

(сонно бормочет)

– Да, я помню тебя старик, ты приходил ко мне во сне, когда я был еще маленьким мальчиком.

Волхв.

– Что я тебе сказал в ту ночь?

Узун Бек.

– Не прыгай через арык и не играй вблизи него.

Волхв.

– Ты послушался меня, Узун Бек?

Узун Бек.

– Нет. Я играл, прыгнул и сломал ногу.

Волхв.

– Ты остался хромым на всю жизнь. Завтра, Узун Бек, ты прикажешь поставить себе охотничью юрту в степи. Отзовешь всю свою стражу, оставишь охранять твой покой только двух пастухов. И к тебе снизойдет благодать Всевышнего. Ты станешь вновь здоровым.

Узун Бек.

– Я сделаю, как ты сказал, уважаемый. Но как тебя звать? И кто ты?

Волхв.

– Имя мое – Гостомысл. Я ведун с Жаман Тау. Хранитель древней Славянской веры. Бывший староста Великого Новгорода. Князь. Дед князя Рюрика, который дал потомство роду царскому.

Узун Бек.

– Тогда зачем беспокоишься обо мне?

Волхв.

– Не о тебе гребта моя. Ты мне нужен для славы земли Словенов и Русов.

Действие:

Волхв наклоняется, и бесцеремонно берет со столика пиалу Узун Бека с налитым чаем, с наслаждением отпивает половину напитка. Ставит полупустую пиалу на столик.

Действие:

Узун Бек взбешен, никто не имеет права пить с его пиалы.

Волхв

(усмехаясь)

- Славный чай у тебя Узун Бек. Такой же вкусный, как привозил мне в Новгород, мой друг Гаджи-Ата из Дравении. Когда проснешься, погляди на пиалу, и ты вспомнишь сон.

Действие:

Бай смотрит на полупустую пиалу. Остатки коричневой жидкости отражают огни светильников.

Узун Бек.

– А если я вновь тебя ослушаюсь?

Волхв.

– Ты не поступишь иначе. Это твоя судьба.

Действие:

С последними словами, старец, отступив, делает два шага назад, растворяется в разрисованной орнаментом стене опочивальни.

Узун Бек просыпается.

Сидя на шелковых подушках, пытаясь успокоиться, он долго и глубоко вдыхает свежий предгорный воздух, который заходит через террасу дворца в его покои.

Успокаивается.

Узун Бек

Это только сон. Просто сон.

Действие:

Взор бая устремляется на столик. Где среди сладостей и пряностей стоит недопитая жидкость в пиале, в которой, при отблеске огней светильников, отображается лик Гостомысла.

Видение в пиале волхва.

(Голос Гостомысла).

- Славный чай у тебя Узун Бек. Такой же вкусный, как привозил мне в Новгород, мой друг Гаджи-Ата из Дравении. Когда проснешься, погляди на пиалу, и ты вспомнишь сон.

Видение в пиале исчезает.

Узун Бек дергает за веревку колокольчика.

Открываются резные двери.

Входит, низко кланяясь, дворецкий.

Узун Бек

(ходит по опочивальне в ночной рубахе хромая, обращается к дворецкому)

- Нынче же вели поставить в предгорье горы Эйргимень мою охотничью юрту. Охрана два пастуха. Желая совершить намаз за здоровье. Фард Намазы.

Дворецкий

(смотрит с состраданием на хромящего хозяина)

-Я желаю, вам, достойный Узун Бек, излечиться. Пусть вас

благословит милость Всевышнего.

3. Инт. Хижина раба кузнеца Архипа. В хижине собрались четверо рабов-заговорщиков.

Архип - двух метровый казак, два каменотеса Никита с Аникой - мужчин сорокалетнего возраста и вогул Угор - низкорослый представитель народов Крайнего Севера.

Вид хижины, убогая саманная мазанка. Низкий потолок. В дверном косяке висит холст. На стенах всяческий кузнечный инструмент, хомуты, уздечки, подковы.

Действие:

Вид из окна хижины. По мощенной булыжником улице, стуча в колотушки, проходят одетые в доспехи воинов Средней Азии стражники. Рядом семенят огромные собаки – белые волкодавы – псы с пикированными хвостами.

Архип убирает светильник под верстак.

Стража проходит мимо.

Архип

(шепотом)

- Слухай сюды браты. Наступила пора. Хозяин велел поставить охотничью юрту в степи. Стражи будет у него всего два человека переодетые в пастухов.

Или бежим сейчас, или никогда. Перед рассветом, как только луна за тучи зайдет, нападем на пастухов. Забираем еду и оружие.

Никита

- Может так, Архип, без крови, уйдем. Собаки мной прикормлены, без шума в степи ночной растворимся. Пока нехрести хватятся, мы уже далече будем. А коль убьем охрану погоня свирепей будет.

Архип

- Нет, у меня личные счеты с Узун Беком. Пока ему шею не сверну, не побегу я из рабства. Обратной дороги у меня нет. Живым я им не дамся.

Аника

- Хан Сибири Едигер челом бил царю Иоанну, мира просил. Государь же ему условие поставил, собрать три тысячи рабов, да вернуть их на Московию, и только опосля с ханом будет составлена грамота о мире. Вот и собирают рабов по всей степи для отправки.

Архип

- Здесь, на юге, рабов не отдадут. Надобно до Сибирского Ханства подаваться. И поспешать нам надобно други. Коль упустим мы сегодня свой час, чаю больше другого случая не

предвидится. Намедни купец китайский подковать лошадь приводил, сказывал что наш Исиль течет прям в Сибирское Ханство. Вот по нему и надобно идтить братцы.

Действие:

За окном вновь проходит ночная стража. Воины возвращаются. Мерно стучат в коло-тушки. Собаки бегут следом. Заговорщики в хижине замолкают. Стража уходит дальше по улице.

Никита достает из-под рубахи тростниковую дудочку, прикладывает к губам, и дудит. Раздается звук похожий на крик ночной совы. В открытые двери хижины вбегают три огромных пса и, беря из рук корм у Никиты, виляют обрубками хвостов.

Слышится окрик стражи с улицы, и псы, развернувшись, выбегают из хижины.

Никита

(улыбаясь и отряхивая руки от остатка корма)

От полной луны до полной приучал я их на звук дудочки прибегать. Сон Узун Бека охранять будут стражники, переодетые в пастухов. Собак-то я отвлеку, а вы кончайте охрану.

Архип

Так и порешим. Завтра в ночь уходим.

4. Нат. Степь. Предгорье горы.

Действие:

Ночь. Звездное небо. Синеющие вдалеке вершины снежных гор. Бежит ручей. По левому берегу заросли камыша. Горит костер. У костра дремлют два пастуха. Под халатами виднеются доспехи. Рядом стоит белая юрта.

Один пес – волкодав, услышав крик совы, насторожившись, встает и убегает в темноту. За ним убегают еще две собаки.

Никита треплет по загривку подбежавших к нему собак, кормит их из развернутой тряпицы. Псы виляют обрубками хвостов.

Архип, Угор и Аника ползут на отблеск костра. Виднеются спины пастухов.

Группа беглецов поднимается со стороны спин охранников, и валят их сонных на землю.

Архип поднимается и хладнокровно вытирает об одежду поверженного стражника нож.

При свете костра блестит на лезвии свежая кровь.

Из темноты выходит Никита, рядом идут прикормленные сторожевые псы.

Архип

- Пойду я до бая. А вы тут приберитесь, харчи и копыа заберите. Табак нюхательный возьмите, рассыпьте кругом, чтоб по следам собаки не пошли.

Действие:

Архип подходит к юрте, осторожно отдвигает полог.

5. Инт. В юрте Узун Бека

Архип на цыпочках проходит к постели Узун Бека. При свете жировых светильников он видит беспечно спящего бая.

Бай спит. На голове у него чепчик. Чмокает толстыми губами во сне.

Кузнец берет в руки шелковую подушку, которая лежит на топчане около Узун Бека, и наваливается всем телом на спящего, закрывая лицо обреченного подушкой.

Ноги бая трясутся, вытягиваются, и конвульсии затихают.

Для верности Архип, своими могучими руками, резко выворачивает голову обмякшего хозяина. Слышится хруст позвонков. Труп бая сползает с топчана, заваливается на бок.

Архип оmyвает руки в казане. Собирает со стен три сабли, снимает лук с колчаном и стрелами.

Толкает босой ногой труп бая.

Архип.

(с презрительной усмешкой)

— Вот и поквитались мы с тобой Узун Бек. Это тебе за сыночка и

женушку мою. Сколь дней и ночей я мечтал об этой нашей последней встрече. Токмо вот легче мне от этого не стало. И пока жив раб Божий Архип, душить я вас буду, басурманское племя, где бы вас не споймал, где бы вас не повстречал на лихой тропинке. За все горе, кое вы сотворили народу невольному, ответите. За все лихо.

6. Нат. Рассвет. Камыши. Тропинка.

Действие:

На фоне наступающего рассвета и полосы восходящего солнца в безграничных зарослях камыша идут, пригибаясь четыре человека, вооруженные копьями пастухов, саблями и луком Узун Бека. Увязавшиеся за ними собаки отстают. Никита, прогоняя собак от себя, швыряет в них камни.

7. Нат. Степь. Верхнее течение реки Ишим. Переправа.

Группа конных всадников. Всадники в доспехах из толстой кожи. Один, стройный, лет тридцати-пяти на вид, одет богаче остальных. Это аркар Исатай. С ним десять воинов простолюдинов.

Исатай привстает в стременах. Осматривает акваторию реки, прилегающую степь, заросли камыша и тальника по обоим берегам.

Угасает закат.

Посреди реки вдоль гладкой водной поверхности клубится вечерний туман.

Голос за кадром.

Именно здесь находилось самое мелкое место, пригодное для переправы. Тут издавна переправлялись многочисленные купцы и путники. Здесь гнали полон, перегоняли скот и отары овец. Тут, в излучине, крутой правый берег реки отступал от береговой черты, образуя пологий подъем с песчаным плесом, что позволяло без особого труда подняться путникам, тяжело нагруженным арбам, волокушам и повозкам. Но переправа обычно существовала с середины лета до середины осени. Сейчас же, когда весеннее половодье наполнило русло реки по самую кромку правого берега и затопило до горизонта левобережье, только безумец мог отважиться перейти с берега на берег.

Безумцев же и разыскивал со своим десятком нукеров аркар Исатай.

Ослушники ушли с предгорья горы Эйргимень, от невысокого горного массива Нияз Тау.

Действие:

Исатай осматривает переправу.

Два его воина, спешившись и ведя коней в поводу, осматривают следы вдоль берега.

Исатай

- Встанем засадой тут. Мимо, эти собаки, не пройдут. Только здесь можно переправиться на левый берег. Тут мы и ждать их будем.

Голос за кадром.

Лет пятнадцать назад в степь пришла весть о падении Казанского ханства. Царь Иван, пользуясь ослабленным влиянием Польши, в третьем походе покорил Казань – вечную угрозу Руси с востока, чем прекратил систематические набеги на пограничные земли, разорение поселений, грабежи и угон русских людей в рабство. Пленников и рабов на степных дорогах становилось все меньше и меньше. И они заметно подорожали. Хозяева, которые раньше относились к своим рабам хуже, чем к блохам в кошме их юрт, были вынуждены улучшить условия содержания невольников. Если раньше первый встречный нукер мог отрубить голову любому невольнику за любую мелкую провинность, то сейчас пошли в ход чаще телесные наказания. Теперь покалечить чужого раба каралось материальным наказанием. А многие мастеровые рабы вообще пользовались льготами и привилегиями. Им разрешали заводить семьи и жить в своих лачугах, только дети их продолжали считаться собственностью хозяина.

Рабы стали вести себя дерзко и иногда поднимали восстания, которые жестоко подавлялись. Побегі стали не редкостью, а обыденным делом. Баи вынуждены были держать поисковые конные разъезды для отслеживания и отлавливания беглецов.

7. Нат. Заросли камыша и тальника. Правый берег. Ночь.

Действие:

По зарослям камыша, двигаясь звериными тропами, шагают четверо беглых, босых, полураздетых, раба. Вогул идет впереди, изредка выбирая новую звериную тропку. Никита семенит сзади, чертыхаясь при уколе о камыш босой ногой.

Никита

- Все ноги измочалил, говорил же степью надобно идти, там хоть не колко.

Архип

(шагая перед Никитой по тропе, раздвигает руками камыш)

- В степи бы тебя уже давно поймали, да пятки подрезали. Терпи казак – атаманом станешь.

Действие.

Архип наступает сам на обломыш камыша, подскакивает на одной ноге, морщится от боли.

Группа беглецов, брякая ножнами сабель о стволы камыша, движется дальше. Вогул, идущий впереди группы саблей прокладывает путь. Он зорек и внимателен. Его мохнатые седые космы мешают, и он периодически поправляет их рукой.

Голос за кадром.

В начале первых дней пути беглых рабов пугало и смущало присутствие рядом небольшой стайки степных волков, которые упорно сопровождали спутников на расстоянии видимости. Но Угор, или Игорь, как все путники величали вогула, при приближении стаи к месту дневки, сложив руки ладонькой, тихо издавал звуки, похожие на сопение и чавканье какого-то зверя, и стая, испугавшись, отбегала на безопасное расстояние.

Действие

Вогул, заметив впереди волков, складывает руки ладоньками у рта, и издает рычание, волки, поджав хвосты, уходят в сторону, пропуская беглецов.

Голос за кадром

Впрочем, волки нынешней весной и не были голодны. Уже вышли из гнезд утята и прочая водоплавающая живность. Иногда днем, пока путники отдыхали, стая с шумом кидалась в воду Исиля, преследуя птенцов, не вставших еще на крыло. Вечером она рыскала справа от идущих, вынюхивая лежки зайчат и норки сурков. Но Угор внимательно следил за их поведением, ведь при приближении любой опасности волки становились пугливыми и скрывались в степи или камышах. А при удалении опасности вновь занимали место в походном строю.

8. Нат. Лунная ночь. У переправы. Группа воинов.

Действие:

Исатай смотрит в сторону степи, где поднимается небольшое облако пыли. Слышится топот копыт.

Аманжол

(Воин)

Господин, к переправе едут всадники, их не менее сотни. Наверно это ойраты.

Исатай

Уходим в ночную степь. Нам не стоит встречаться с джунгарским разъездом.

Голос за кадром

В северной части степи правобережья Исиля в последнее время появились многочисленные чужие вооруженные разъезды. Это были зюнгары, дербеты. Иногда появлялись и более южные племена – хошуты и торгуты. Кочевники Киргийс-Кайсацкой степи называли их «ойраты», «джунгары». Это была уже их территория, и Исатай, преследуя беглецов, осторожно, не желая встречи с джунгарами. Дома же, если он не найдет убийц своего дяди, его ждали позор и презрение соплеменников. И десять нукеров шли упорно по следам беглых рабов. Их объединяла одна цель.

Догнать. Догнать. Догнать.

9. Ночь. Береговые кусты. Беглецы.

Действие:

Стая волков, внезапно остановившись, настороженно сбивается в полукруг. Волчица, идущая вслед за вожак, ныряет к песчаному плесу на переправе, и тут же, возвращаясь, мчится назад, уводя стаю в правобережную ночную степь.

Впереди под высоким берегом испуганно фыркает лошадь. Топают копытами другая. У переправы слышится еле уловимое бряцание железа о железо.

Беглецы останавливаются, припадают к земле.

Никита каменотес

– Ну, вот и засада басурманская,

Действие

Никита и остальные опускаются на землю и вынимают из-за поясов сабли. Их три (сабли). Вогулу сабли не достается, и он берет в руки копьё.

Угор, положив Никите руку на спину, кивает вправо, в степь, откуда несется обратно стайка волков.

Стая с шумом и плеском забегает в воду и клином плывет на ту сторону реки.

Слышится движение, звон сбруи, негромкие вскрики и вскоре – удаляющийся топот копыт отряда Исатая.

Отряд Исатая, спешно оставив место засады, растворяется в темноте степной ночи.

А через несколько минут к переправе прибывает разъезд из сотни вооруженных людей.

Их хабарчи, спрыгнув с коней, принимаются изучать следы. При лунном свете блестят чешуйки на доспехах воинов.

До беглецов доносится незнакомая, гортанная речь.

Архип.

(шопотом)

- Джунгары?!

Никита

(шопотом)

- Они самые. Нашу погоню отслеживают. По их законам с оружием нельзя по их земле ездить без охранной тамги. А у аркара Исатая таковой нет. Вот и увел он свой десяток в степь. Тапереча не до нас Исатаю, самому бы ноги унести. Но и нам в руки ойратов, то бишь джунгар, попадать не с руки. Цацкаться не станут, порешат тут же. Мы ведьм рабы, и цена нам грош, да и обуза им ни к чему. Порубят в капусту и далее поедут.

Архип

(сплевывая травину)

- Хрен редьки не слаще. То кыргысы, то джунгары. Вот логово змеиное, прям кишит нечестью степь.

10. Нат. Ночь. Берег у переправы. Джунгарский конный разъезд.

Действие:

Звучит властная команда.

Сотня вооруженных всадников, поднявшись на крутой берег, скачет вслед десятку Исатая.

Топот конских копыт стихает.

Вновь слышится стрекот сверчков, тьяканье степных корсаков, и тысячелетняя степь постепенно заживает тихой ночной жизнью.

Угор поднимается с земли.

Угор

– Айда. Ушла джунгара.

Аника

– А почай воротятся?

Действие:

Архип встает, отряхивает шаровары.

Архип

– Поди нет. Куды там. Не воротятся. Им другое надобно. Одним споймать тех, кто на их землю незвано лукнулся, а другим – унести ноги.

Аника

– А пошто, Архип, волки-то за нами увязались, нешто задумали неладное, серые разбойники?

Архип

(кивает в сторону Угора)

– А ты вон у нашего лешака спроси! Он эту бестию лучше меня знает.

Угор

(спускаясь к кромке воды, снимая исподнее, оборачивается к товарищам))

- На степь ныне много басурмана пришло, с отарой много собак ходит. Тама-ка костер палят и тута-ка палят, дым волки чувуют, нету-ка жизни в степи коскырам, вот и идут за нами новую землю искать.

Архип

(следуя за вогулом к кромке воды)

– Значимо, совсем невмочь жить тут стало, раз даже зверина от этих нехристей бежит.

Угор

(смотрит на звезды)

– От басурмана пойдем до урман.

Архип

– Басурмана знаю, а про урман покамест не слыхивал. Ну-ка разъясни.

Угор

– Урман – это лес дремучая, совсем непроходимая. Там даже зверь жить не хочет. Там токмо ворон старый живет, сторожит оберег предков наших – Золотую Бабу. А округ урман озеро без дна, в нем Сорт Лунг плавает. Злой дух, который вселился в большую щуку. Сорт Лунг арбу может проглотить с человеком. Вот такой он большой, Сорт Лунг,

Действие

Угор разводит в сторону руки, показывая размеры злого духа.

Аника

– А Баба-то Златая шибко большая?

Угор

– Все вместе еле поднимем, однако, тяжела баба шибко, много золота в ней, очень много. А кто на нее глянет, вмиг в медведя обернется.

Архип

– А урман – это чаща что ли?

Угор

– Нет, хуже, очень густо, совсем непроходимая чаща.

Архип

– А бас урман кто же тогда буде?

Действие:

Вогул и для правдоподобности поднимает свои седые мохны волос пальцами обеих рук кверху.

Угор

– Бас - голова мохнатая, нечесаная башка, однако.

Архип

(соглашаясь, чешет бороду)

– Поди прав ты нынче, Игореша! Бас – голова, урман – чаща непроходимая, вот те басурман нечесаный и слагается. А я ведь в полоне почитай осемнадцать весен пробыл и не догадывался, недотепа, по какому случаю их басурманами кличут.

Действие:

Архип снимает у реки одежду, и заворачивает ее в узелок. Рубит стебли тальника, мастерит себе сноп для переплытия реки. Обрубывши у корней присыпает старой листвой. Маскирует.

Архип

– Скидай, братья, портки, на ту сторону реки подадимся от греха подальше. Раз серые разбойники не воротились, то и нам тут, на правом берегу, нече засиживаться.

Действие:

Батага, намазывает свои тела жиром, рубит хворост и, связав его в снопы, пускается вплавь через речку. На пучках хвороста перевозят сабли, лук, торбы с едой.

Идут по плечи в воде. И только на середине проплывают метров пятнадцать, дальше выходят на берег. Развязывают узелки, одеваются. Скрываются в прибрежных зарослях.

11. Нат. Утро берег у переправы.

Действие.

Наступает рассвет. Отряд Исатай возвращается к переправе.

Главный разведчик отряда по имени Мурзабек, разыскивает замаскированные старой листвою срубленные стебли тальника и, показывает пальцем на левый берег реки.

Мурзабек

– Там они, собаки!

Исатай кладет голову на снятое седло и, засыпая, благодарит подчиненного.

Исатай

– Рахмат, Мурзабек.

12. Нат. День. Небольшая полянка на левом берегу реки.

Действие.

Полдень.

Беглецы лежат на небольшой возвышенности песчаной отмели левого берега, заросшего ивняком, и наблюдая за небольшим стойбищем из двух юрт, вполголоса ведут разговор. Архип, грызя камышинку разъясняет своим попутчикам.

Архип

– Это степняк кочевой стоит. От него вреда не будет, токмо ежели кому не выдаст, что мы мимо проходили. Нам денный переход нужно сделать браты, чтоб оторваться от наших врагов. А то на пяты наступают, нехристи; ежели не уйдем, споймают и на арканах поволокут на смерть лютую.

Аника

(перевернувшись на спину)

– Я живым не дамся, лучше пусть тут зарубят, чем там в яму со змеями кинут али по кускам резать и жарить станут.

Никита

– А мне куды, сиволапому, податься? Выйдем с басурман-поля – царева дыба ждет, а не выйдем – пятки подрежут, ироды. Я ведь с Ливонской войны утек, а царь Иван такое не прощает.

Угор

(приподнимаясь на локти)

– Урман ходить нам надо, там ни царя, ни боярина, ни татарина нету-ка. Там рыба есть, зверь есть, ягода есть. Женщина тоже есть, жена покупать буду.

Действие:

Угор хитро улыбается. Снимает через свою косматую голову висевший на шелковой нити кожаный мешочек и, развязав, показывает содержимое.

На ладони у вогула пар семь серебряных сережек, два золотых колечка и еще несколько игл и булавок.

Архип

(выплевывает камышинку)

– Ты дом свой урманый найди сначала, лешак нечесаный, сколь ден уж идем, а степи конца и края не видать. Хоть покажь, куды идти-то.

Действие:

Вогул вытаскивает стрелу из колчана, ловко привязывает к ней шелковую нить, выравнивает так, чтоб стрела висела параллельно земле, а острие не перевешивало конец с оперением. Довольно долго и усердно натирает наконечник о свои волосы и поднимает стрелу за нить. Стрела вертится на нитке, а через минуту вращение прекращается. Улыбнувшись друзьям, вогул, кивает на кованый наконечник, который показывает на север.

Никита

(не доверчиво)

– Там ляга живет, которая за Иван-Царевича замуж вышла, да Кощей Бессмертный. Вычуру нам всякую кажешь, скоморох нечесаный.

Угор

(протягивая Никите нить со стрелой)

– На, спытай-ка.

Никита

– Давай, но коли стрела покажет в другую сторону, не пойду за тобой!

Действие:

Друзья рассаживаются вокруг Никиты, который уже поднял стрелу за нитку. И опять стрела, повертевшись, показала в сторону севера, в том же направлении, что остановилась у вогула.

Архип

(протягивая руку)

– Ну-ка, ну-ка, подай-ка, бес лесной свою забаву.

Действие:

Архип удивляется, разглядывая наконечник, который и у него показывает на север.

Архип

– Ишь ты, чудо чудное.

Действие:

Вдоволь натешившись игрушкой вогула, четверо беглецов вспоминают про две юрты на зеленой поляне у кромки левого берега. Там мирно пасутся бараны. Щипает траву стреноженная лошадь.

Женщина в безрукавке, разукрашенной медными и серебряными кружками, периодически выходит к большому котлу, снимает крышку и, помешав варево, вновь уходит в юрту.

Архип

– Это не джунгары, братья. Это кочевник – колыбыт. Он платит ясак и мирно живет в степи, имея охранную тамгу. Джунгары – это те же мэнголы, токмо стройней поди будут. Обычно они берут ясак оружием да сбруей разной. Но продовольствие войску тоже надобно, вот и пасет такой кочевник своих и чужих баранов. А куды ему деваться-то, у него такой стрелы нету, чтоб к твоему урману податься.

Аника

– А колыбыты, Архипушка, кто такие, пошто их так кличут?

Архип

– Так они куды кол вобьют, там у них и вотчина.

Помню, до Волги придут, набьют колов где попало, а в зиму обратно в степь уходят. Казачки наши повыдергивают колы да пожгут в печах. А весной опять, они, колы, биты начинают по всему степу, и все по-старому начинается. Они бьют, мы выдергиваем да жжем. Вот така басен.

Аника

(пристав на одно колено разглядывает пасбище)

– Наведаться, штоли, к степняку, уж больно скусно тянет шурпой, братья. Голод за душу берет.

Архип

(чесет бороду, рассуждает)

– Ныне кони басурманские в воду не полезут, степные они, до холодной воды не охотны. Аркар Исатай нас на том берегу ловить будет. Джунгарская сотня в броню тяжелую одета, да и не к чему им плавать туды-сюды. Ежели прикинуть, то смекаю, что можно и наведаться к степняку. Да токмо лаской нужно, не устрашением, украшением каким, к нему подойти. А то подымет хай, заголосит нехристь на всю степь. Тогда уж точно не лицезреть нам сказочной стороны урманной, да рыбы и зверя, да ягод и жен дивных.

12. Нат. Стойбище из двух юрт. Стойбище Еркена.

Действие:

Группа беглецов подходит к юртам. На них с лаем кидается маленькая собачка. Никита отгоняет ее копьем.

Никита

– Да подь ты, шельма татарская.

Действие:

Собачка, взвизгнув, забегает за юрту, из которой выходит женщина в безрукавке. Она испуганно осматривает на незваное войско.

Голос за кадром

С оружием, в длинных грязных серых рубахах, шелковых и цветастых шароварах, бородатые и босые, они вызвали бы смех, появившись в наше время на улице. Но в то лихое время апашке было явно не до смеха. Эти вурдалаки могли запросто вырезать кочевье и, наевшись вареной баранины, уйти на все четыре стороны.

Архип

(обращается к старушке)

– Аман сыз.

Действие:

Женщина кивает головой, но по-прежнему стоит как каменный идол в степи. Вперед выходит Угор. Снимает мешочек с шеи, развязывает, и протягивает хозяйке пару серебряных сережек.

Угор

– Кумыс, ет , шорпа давай, баба старая.

Хозяйка стойбища.

(зовет мужа)

– Еркен.

Старческий голос из юрты

– Козыр, козыр,

Действие:

Из юрты, кряхтя, выходит аксакал с белой клиновидной бородкой.

Опираясь на посох, он вопросительно глядит на жену. Та, показывает сережки, и шепчет что-то ему на ухо.

Еркен

– Жаксы

- Ботагоз!

(зовет дочь)

Действие:

Из женской юрты несмело выходит девчушка лет четырнадцати. Увидев в руках матери сережки, радостно подбегает, и, схватив их, забегает в юрту.

Через несколько минут, смотрясь в дно серебряного подноса, она вновь предстает перед родителями. Откидывает за спину длинные косы, показывает вдетые в уши сережки.

Никита

(смеясь)

– Якши, оман, клади карман дивчурка!

Действие:

Кушают, жадно глотая куски мяса. Пьют кумыс, который подносит им Ботагоз.

Путники собираются в путь.

Вогул выторговывает у деда четыре безрукавки из овчины, курдюк с кумысом и торбу с сушеными кусочками весенней конины. Собирает косточки-объедки в тряпицу для волков.

Ботагоз носится по траве с подносом и любитесь серьгами.

Группа беглецов отходит от стойбища. Никита оборачивается.

Никита.

– Носи на здоровье, курносая!

(обращается к друзьям)

Гляди, нехристь вроде, а все понимает, стрекоза. Не все басурмане богато-то живут, есть и голытьба как и мы. И радости, и горести переживают. Поди, и голодают так же, как мы. И баи их тоже забижают и неволят, как бояре наши.

13. Нат. Степь. Берег реки. У переправы. Стоянка преследователей.

Действие:

Исатай просыпается. Перед ним на корточках сидит Мурзабек.

Мурзабек

– Я на тот берег пойду, погляжу урусов.

Исатай

– Возьми с собой Аманжол, в бой не вступать, живыми собак неверных брать будем.

14. Нат. Двое всадников верхом заезжают в воду. Осторожно идут вброд.

Кони, фыркая и выпучив глаза, испуганно смотрят на водную гладь. Лошади, тихо фыркая, идут к середине. Джигиты, сидя в седлах, направляют коней к торчащим вешкам с тряпичами на том берегу. Всадников чуть сносит в сторону, но лошади уже начинают выходить на возвышенность и остальное расстояние проходят без осложнений. Всадники замочили только шаровары. Сапоги же воины, предварительно сняв, провезли через шею на бечеве.

Действие.

Полянка, примятая трава. Музарбек и Аманжол сидя в седлах рассматривают следы.

Аманжол

– Здесь они спали.

Действие:

Мурзабек спрыгивает с коня и тщательно осматривает следы на месте дневки беглецов. Показывает кнутом в сторону стойбища. Запрыгивает в седло.

Мурзабек

– Там надо искать, поехали.

15. Нат. Стойбище Еркена.

Из юрты к всадникам навстречу выходит женщина в безрукавке. Она наливает в пиалу из курдюка кумыс и подает Мурзабеку. Тот выпивает содержимое пиалы и протягивает ее женщине. Вторым испивает кумыс Аманжол.

Мурзабек

– Здравствуй, женщина. Чье это стойбище?

Хозяйка

– Еркен, муж мой, и сын Отар его хозяева. У них есть тамга охранная.

Мурзабек

– Кто сейчас в юрте?

Хозяйка

– Еркен, муж мой. Больной совсем.

Мурзабек

– Урус проходил?

Женщина

– Нет. орыса не было, да и откуда орысу тут быть?

Мурзабек

– Бежало четыре раба, ищем их. Если придут, сына пошли за реку.

(Помедлив)

- Кто там из второй юрты подглядывает? Ну?

Хозяйка

– Дочь моя Ботагоз.

Мурзабек

(обращается к девушке)

– Ну-ка выйди.

Действие:

Девушка выходит и останавливается у входа юрты, чтоб при малейшей опасности нырнуть обратно.

Мурзабек

(Поглядев на девушку, обращается к хозяйке)

– Так не было урусов, женщина?

Хозяйка

– Нет.

Мурзабек

(разворачивая коня)

– Хорошо.

Действие:

Всадники рысью удаляются в левобережную степь.

Отъехав от стойбища, Мурзабек поворачивается к Аманжолу и, улыбаясь желтыми зубами, смеясь, как счастливый ребенок, говорит:

Мурзабек

– Ай, Ботагоз, ай, сережки хороши! Сам мастер взгул делал! Хороший мастер, молодец, я убью его без мучений. Были, собаки, тут, но ушли днем. Ночью на том берегу их ждать будем. Берегом пойдут. Степь на этом берегу для них – смерть.

16. Нат. Левый берег реки Ишим.

Смеркается, вогул ведет за собой беглецов. Вновь нарубив хворосту, беглые рабы переправляются на правый берег реки чуть ниже по течению. Отойдя в степь от поймы реки метров на пятьсот, присаживаются передохнуть. Угор вновь достает стрелу из колчана, трет наконец-

ник о волосы, свешивает стрелу на нити и, сбалансировав центр тяжести, определяет стороны света. Встает.

Угор

(встает)

– Айда за мной.

Архип

(поднимаясь)

– Ну, смотри, на тебя ведь вся надежа.

Остальные беглецы, собрав пожитки и оружие, идут вслед за вогулом и кузнецом. Река остается позади, начинают попадаться березовые околки и лесные продолжительные участки. Околки выплывают из темноты как огромные черные горы. Вогул входит туда смело и, ловко обходя в кромешной темноте деревья, упрямо идет в понятном только ему направлении.

Располагаются на ночлег на небольшой полянке в березняке.

Архип

– Ну и куды ведешь-то, поясни нам, ведь не видно ни зги.

Угор

– К холодному морю, куды река течет, однако. Два ден, и опять речку встретим. Она петляет, а мы прямо пойдем.

Никита

(развалившись на собранных сухих листьях, обращается к вогулу)

– Вот как утечет твоя река в другую сторону, и подойдем мы в степи, а то и нехристи догонят.

Архип

(вздыхая, рассматривая ночное небо)

– Звезды-то какие, прям усыпано все. Токмо вот облака красоту портят, да месяц неполный.

Угор

– Над урманом лучше, небо низко-низко, стрелой достать можно.

Голос за кадром

Так и лежали эти уставшие люди. Бывшие рабы, а сегодня вольные люди, даже если вольные ненадолго, но свободные и счастливые. Лежали, закутав от ночной прохлады босые истертые пораненные ноги в овчинные безрукавки.

Действие.

В темноте раздается легкое повизгивание. Архип приподнимается на локте, разглядев волчью стайку.

Архип

– Вот шельмы, догнали, сучьи дети.

Угор

(испуганно хватая копьё)

– Это не наша волка! Злой волка! Спина спиной вставай!

Действие:

Угор выставляет копьё наконечником вперед. Четверо беглецов, став спина к спине, выхватывают сабли и копыя, приготовившись к нападению.

Матерый вожак, оскалившись, обходит стоящих на поляне беглецов. Следом, показывая клыки, обходит людей его стая, которая насчитывает особей двенадцать. Кольцо замкнулось.

Вожак поворачивается к людям и замирает. Замирает и вся стая.

По ночному небу плывут редкие облака. Поляну тускло освещает лунный свет, бросая зловещие тени от берез и осин.

Вогул

(шепотом)

– Как месяц закроет туча, волк нападать будет. Руби лапа, голова руби, спина, куда попадать будешь! Тока руби! А сейчас на луну не смотри, привыкай к темноте!

Действие:

Услышав человеческий голос, заметив, что тучка закрыла ночное светило, вожак громко рычит и в три прыжка достигает группы людей. Но на лету напорвшись грудью на острие копья, которое проткнуло его и вошло вовнутрь, упал, обняв лапами древко копья, грызет его огромными клыками.

Остальная стая следует примеру вожака, кидается с разных сторон на беглецов, но, попав под удары сабель Никиты и Аники и потеряв трех своих собратьев, временно отступает назад.

Архип успевает нанести колющие удары копьем паре молодых волков, которые с визгом отбегают. Вогул никак не может вытащить из груди подыхающего вожака застрявшее копье. Никита, видя, в какое положение попал Угор, делает глубокий выпад и наносит удар саблей промеж ушей умирающего вожака, который в конвульсиях продолжает грызть древко копья.

Туча уходит, и месяц вновь осветил небольшую полянку, где происходило побоище. Вогул наконец-то освободил свое оружие, и, вновь встав спиной к спине, беглецы готовятся к отражению нападения.

Туча медленно закрывает месяц.

С визгом и рычанием волки бросаются вперед. Никита, рубит по ногам одному зверю, отрубает тому лапу, И тут же бьет саблей по голове другого волка, разрубает хищнику челюсть.

Аника бьет сверху вниз своего врага. Вогул и Архип успевают нанести несколько колющих ударов копьями.

Стая отходит, отползают и раненые волки.

Вой, скуление и рычание наполняют лес.

Супротив людей остаются пять невредимых молодых волков, которые еще способны нападать.

Но прыть уже не та, годовалые волки последнего помета осторожно ходят вокруг людей, опасаясь блестящих во тьме клинков.

Это противоборство продолжается часа два. Звери выматывают свою жертву. Они ждут, когда люди обессилят, устанут стоять, и в плотном строю возникнет брешь, которой можно будет воспользоваться.

Аника

(увидав новую стаю волков)

– Матерь Божья!

Действие

Перепрыгивая кусты, со свирепым рычанием на поляну влетают, оскалив клыки, семь хищников. Вогул первым опускает копьё, увидев, как вцепились в смертельной схватке меж собой звери двух стай.

Угор

(смеясь и радуясь)

– А это наша волка.

Действие:

Чужаки, с позором покинув поле боя, бегут, а раненых лесных собратьев, не способных спастись бегством, принимают догрызать степняки.

Не обращая внимания на освирепевших зверей, рвущих бездыханные тела, вогул отгоняет черенком копьё двух хищников и осматривает труп вожака.

Угор

(Обращаясь к Никите)

– Саблю дай.

Никита

– Да я до самой смертушки ее не выпущу из рук после такой жути.

Угор

– Копьё мое возьми, саблю мне давай, однако!

Действие

Взяв саблю, Угор отрубает жожаку лапы по самое брюхо, кидает отрубленные конечности на землю, рубит их в коленном изгибе. Отложив саблю, пальцами быстро залезает между шкурой и мясом и срывает чулком шкуру. То же самое проделывает и со второй лапой. Вывернув чулки наизнанку, Вогул натягивает их на свои босые ноги.

Угор

– Кисы, однако!

Действие:

Архип, осматривает обувку Угора, и молча поднимает отрубленные задние ноги.

Угор

(Подсказывает Архипу)

– Надевай, пока шкура теплая, они когда сохнуть начнут, по ноге тебе станут. Завтра мохнатый лапоть носить будешь, меня хвалить станешь,

Архип

(натягивает ворсом к ноге шкуру)

– Смотри-ка, и прям сапожки княжичи.

Действие:

Вогул достает шелковую нить, извлекает из мешочка серебряную заколку и зашивает носок своего сапога. Никита, бросив рядом лапы другого зверя, обращается к вогулу.

Никита

– Ну-ка, ну-ка, покажи, Игореша, как сробить это диво Никита.

Голос за кадром

- Пока стая волков-победителей догрызала трупы побежденных, друзья мастерили нехитрую обувь и отдыхали, ведь им придется пройти следующей ночью не менее сорока или пятидесяти верст.

17. Нат. Полдень. Поляна.

Беглецы просыпаются. Полдень. Летают птицы, стрекочут кузнечики. Надвигаются темные тучи.

Глядят на вогула, сидящего со скрещенными ногами и бормочущего на неведомом языке какую-то молитву. В ногах у него лежит старая волчица, а чуть далее – стая степных волков.

Закончив бормотать, Угор развязывает тряпицу и раскидывает кости-объедки, оставшиеся еще от трапезы у степняка-скотовода.

Волки, вскочив с места, принимаются расхватывать и грызть объедки, местами завязывая небольшие стычки между собой. И только волчица, положив голову на лапы, лежит, не шевелясь, глядя своими серо-зелеными глазами на Угора.

Вогул поднимается и, повернувшись к своим попутчикам, поясняет.

Угор

– Дальше волка с нами не пойдет. Она нашла своя земля. Волчица ушла от старого вожака и увела молодого мужа. Остальные дети их. Завтра все они будут одна стая. И наши волки и не наши. Чужая кровь мешать нужно, иначе плохой потомство будет. Слабая стая будет. Без нас она бы не захватила земли. Теперь мы ей враги будем, если не уйдем с их угодья. Я просил ее разрешить нам уйти ночью. Она согласилась. Коскыры проводят нас до реки и вернутся назад. Это хорошее место, много пищи, дичи много, лес есть.

Архип усмехается, подвязывая лыком самодельные сапоги.

Архип

– Глядь-ка, баба старого мужа бросила ради мальчишки сопливого! Ну все как у людей!

Действие:

Подходит Аника и, закатав рукав рубахи, показывает место укуса. Рука в предплечье посинела и чуть припухла.

Архип

(осмотрев рану)

– Подол от рубахи оторви и помочись на тряпицу, опосля перевяжи.

18. Нат. Левый берег реки Ишим. День. Едут два всадника. Мурзабек и Аманжол. Позади виднеется стойбище Еркена.

Аманжол

– Уважаемый. Ты почему не зарубил пастуха и старуху? Ведь эта старая карга солгала тебе!

Мурзабек

– Это не простой пастух, он охраняет территорию конского базара, он человек местного бая. Ты же видел множество конских привязей на поляне у кромки реки и много лежащих разобранных юрт. Когда трава станет высокая, сюда приведут лошадей на продажу. Там и юрты гостевые для торговцев лежат. Это очень хорошее место. Широкое поле по эту сторону реки. Тут проходят караванные пути с Юга на Север и с Востока на Запад. Старуха сказала, что это место так и зовут – Ат-Базар. Конским базаром, в общем, называется. Простому человеку такой лакомный кусочек никогда не достанется, а значит, он человек сильного бая этой земли. Не пойдут урусы левым, болотистым берегом, а по правому берегу в Исиль всего две речки впадают. Тут-то между рек мы их и подкараулим.

Мурзабек стегает камчой коня, и всадники скачут к переправе. Кони переходят в галоп. С фырканием влетают в прохладную июньскую воду. Переправляются на высокий берег.

19. Нат. Стан джунгарских воинов.

На подушках восседает Тэуумтжин, напротив его приставив плеть к груди, чуть поклонившись, стоят начальник хабарчи (разведчиков) Доржхуу, и сотник Туменэнбаатор.

Голос за кадром

Джунгарские воины не смогли догнать и разыскать десяток Исатая в ночной степи. Степняки умели уходить от погони.

В настоящее время сотня Тэмуужина остановилась отдохнуть и напоить коней у мелководной речушки Керегетас.

Тэмуутжин

– Я иду по пятам этих диких кыргысов уже восемь лун. Мои разведчики напали на след их коней у Таи-Табе, у белых могил, и от Караоткеля мы преследуем их до Ат-Базара. Нужно кончать их. Есть у ойратов закон: если ты с оружием на нашу землю ступил, то обязан иметь охранную грамоту для передвижения. Если вооруженный человек ее не имеет, он должен быть предан смерти. Поэтому, Доржхуу, возьми сорок воинов и устрой засаду ниже по течению у слияния двух рек. Ты же, Туменэнбаатор, возьми три десятка и затаись на берегу Исиля за слиянием этих двух рек. Остальные останутся со мной тут, Я все сказал.

Действие:

Почтительно поклонившись Тэмууджину, Доржхуу и Туменэнбаатор, уходят к своим воинам.

20. Нат. День. Берег реки Ишим.

Отряд Исатая медленно движется вдоль правого берега. Впереди на расстоянии видимости идут, держа коней по узды, два разведчика-хабарчи. Они высматривали следы беглецов, разглядывая каждую травинку, каждый куст, любую вмятину на земле. Мимо их пристального взгляда не проходит никакая мелочь.

Голос за кадром

Исатай нервничал и злился. Ведь они уже шли по чужой территории. А по джунгарским законам степняк не мог иметь при себе боевого оружия и доспехов, при встрече с ойратом обязан был сойти с коня и идти, ведя его в поводе, уйти с тропинки и пропустить джунгарина. Невыполнение закона поработителей влекло одно – смерть.

Когда Исатай бросился в погоню за беглецами, он и не мог предположить, что поиск затянется на месяц. Испокон веков степь беглецов выдавала сразу. Сам шайтан помогает этим орысам. Постоянно они уходят от преследования и путают следы.

Но вот один из разведчиков замечает сломанную ветку. Далее обнаруживает примятую траву и еле-еле заметный след человека перед овражком, внизу которого бурлит узкий ручей.

Исен (разведчик) поднимает руку с камчой вверх, что означает «внимание!», и смотрит на ту сторону оврага. Второй хабарчи запрыгивает в седло и поворачивает коня, чтобы доложить Исатаю о результатах поиска.

Раздался свист оперения, и между лопаток хабарчи, пробив доспехи из толстой кожи, вонзились стрелы, выйдя с другой стороны из груди. Всадник хрипит и валится из седла.

Исен вскочить в седло своей лошади, но петля аркана уже охватила его гибкое тело, прижав руки к бокам в локтях, а неведомая сила несет его через кусты, через бурлящий поток на другую сторону оврага.

Он приходит в себя уже связанным, лежа у ног богато одетого джунгарского воина.

Тот, пинает его, и говорит на незнакомом языке. Толмач, (переводчик) сидя на корточках, переводит слова начальника.

Толмач

– Кто такой? Говори!

Исен

– Я Исен, слуга Исатая. Мы ищем беглых орысов, которые убили уважаемого Узун Бека и скрылись в степи.

Толмач

(переводит вопрос джунгарина)

– Сколько вас?

Исен

– Нас десять и почтенный Исатай.

Толмач

– Заводные кони есть?

Исен

– Нет господин, мы не брали с собой вторых лошадей, думая, что быстро поймаем неверных.

Толмач

(переводит слова джунгарина)

– Это хорошо, что не брали.

Туэнбаатор

– Развяжите несчастного и приготовьте к суду.

Действие:

Два огромных джунгарина ставят Исена на ноги. Третий, взяв копье, подходит сзади и приставляет древко к вытянутым в стороны рукам. Двое других, в локтях перевязав древко веревкой, опускают Исена на колени.

Туменбаатор

(приступает к суду)

– Наш тысячелетний закон никто не имеет права нарушать, Ели его нарушить даже один раз, то это уже не закон. Все, кто его нарушит, будут преданы смерти. Умри достойно. Суд окончен. Я все сказал!

Действие:

Туменэнбаатор, взяв в руки другое копье, вставляет его древко между древком копья, привязанного к рукам и лопаткам Исена.

Туменбаатор

– Ты был хорошим воином. Там тебя встретят женщины и сад цветущих деревьев.

Действие:

Туменбаатор с силой надавливает копьё вниз, спина обреченного выгибается назад, раздается хруст позвоночника, и тело хабарчи Исена, дрожа от предсмертных судорог, заваливается набок.

Воины срезают веревки, разбирают доспехи и оружие.

Туменбаатор

– По коням! Остальные далеко не уйдут! Гоним их на засаду Доржхуу! Пошлите гонца к почтенному Тэмуужину, скажите, что один убит, другой допрошен.

21. Нат. Степь с небольшими перелесками.

Беглецы идут по степи. Аника плетется позади всех. Рука у него неимоверно распухла, пальцы онемели и отекли. Он морщится от боли прижимая распухшую руку к груди. Пот на лице. Ноги заплетаются.

Угор

– У тебя жар. Волк слюна пустил и клыком вену проткнул. Совсем нехорошо, очень плохо.

Действие:

День. Беглецы останавливаются в березовом молодняке, располагаются на отдых. Вогоул, бормочет под нос себе то ли песню, то ли заклинание, берет саблю у Никиты, идет осматривать лесочек. Ползая на четвереньках, поднимает старую листву. Срывает кору со старых деревьев, повторяя, как сумасшедший, одно и то же:

– Ёхарья-ёхарья, йохарья-йохарья.

Анику знобит, его укрыли безрукавками.

Угор, вернулся, принес несколько комков плесени разных цветов и оттенков. Усевшись на корточки, перебирает, рассматривает. Срывает листочек с молодой березки и проткнув его булавкой посередине, принялся внимательно разглядывает через дырочку куски коры, грибы и листья, принесенные из леса. К нему подходит Никита.

Никита

– Ты чего такое деешь?

Угор

(не отрываясь от своего занятия)

– Плесень-кисточку отыскать нужно, очень нужно, очень.

Никита

(присаживаясь рядом)

– А листик зачем?

Угор

– Лучше видно.

Угор откидывает от себя принесенный им кусок коры и принимается рассматривать поверхность грибов. Радуеться.

Угор

– Нашел! Как ушки у белки! Кисточки!

Вогул собирает со шляпок и ножек грибов всю плесень на древко своего копья. Берет из котомки несколько кусков сушеного курда, разбавляет остатками кумыса, оставшегося на доньшке курдюка, и толчет кусочки сыра, перешивая с плесенью. Третью часть полученного снадобья он наносит на рану Аники перевязав ее, вторую дает ему съесть, а первую заматывает в тряпицу.

Угор

– Завтра опять вырастет, пусть плесень пока сыр кушает.

Никита поднимает оброненный Вогулом березовый листик и, лежа на боку, запустив себе на обнаженную руку муравья, смотрит на него в дырочку. И дернув рукой, скидывает муравья на землю.

Никита

– О! Ну прям как баран курдючный! В жизнь бы не смекнул, что дырочка увеличить может!

Угор

(подходит к больному Анике)

– Ложись, сосни, Аника, пот прошибет, жить будешь. Дед мой великий шаман научил меня пользоваться, шибко умный мой дед был, много знал, великий шаман он, однако, был.

22. Нат. Стойбище Еркена.

Голос за кадром

Ботагоз была от счастья на седьмом небе. Серебряные серьги, да еще какие! Таких даже нет у почтенной Гулзар, жены их бая Валихана.

Действие:

Девушка время от времени смотрится в поднос. Трогает украшения пальчиками. Бегаёт к берегу реки, глядит в воду на свое отражение и любуясь серьгами, весело хлопает в ладоши, разгоняя волнами отражение.

Ботагоз

- Я покажу их брату Отару, когда он приедет с выпаса. Ему тоже понравятся! Ведь старший брат любит меня и всегда балует, привозя из степи сладости и подарки, которые выменивает у проезжих людей. В прошлый раз брат привез мне шелковый платок, выменянный у купца-уйгура, ехавшего на север в район озера Шелкар, что у предместья Кокшетау – синих гор, которых я никогда не видела.

Действие:

Схватив кувшин, девчушка вприпрыжку бежит к речке, напевая песню о весенней бабочке:

Ботагоз

(поет)

– Кобылэк, кобылэк...

Действие:

Допеть весеннюю песенку девушка не успевает. Она внезапно остановилась, разглядев у кромки воды тело человека, голова и плечи которого находятся на берегу. Незнакомец лежит вниз лицом. В правой лопатке торчит оперенье стрелы. Стрелы так же впились в левое плечо, и в левую ногу чуть выше колена.

Девушка тихонько попятилась и, уронив кувшин, начала было отходить от берега, но вдруг слышит слабый стон...

Исатай, теряя сознание, вместо девушки видит сидящего на корточках у кромки воды незнакомого старца в белой до пят рубахе. (это Гостомысл)

Гостомысл.

– Руку подай, племянник Узун Бека, не пришло еще время твое умирать. Ты нужен для великих дел. И имя твое останется в памяти народной.

Действие:

Старец, подтащив воина к берегу, убедился, что речная волна не заливает ему лицо, и он не захлебнется от набежавшей волны, мельком глядит на не видящую его девушку, отходит на два шага и его образ растворяется.

Ботагоз приседает на корточки возле лежавшего головой вниз на песчаной отмели, раненого воина, и с опаской трогает его за плечо.

Ботагоз

– Эй, ё?

23. Нат. Правый берег реки Ишим.

Голос за кадром

В неполные тридцать девять лет своим мужеством и отвагой Исатай успел добиться уважения соплеменников. В войне против Бухары он командовал большим отрядом. И его тысяча отличилась в боях, правда, не все воины вернулись из-за Сырдарьи, многие навеки остались лежать за рекой. Но нукеры, оставшиеся в живых, готовы были отдать жизнь за своего начальника. Его слово было для них законом.

Командир практически не применял наказание к своим подчиненным, личным примером мужества и отваги вел в бой своих людей. Многие военные начальники, выходцы из богатых родов, завидовали его авторитету. Старались всячески унижить и оскорбить. Но благодаря дяде Узун Беку, Исатай, в войске занимал высокое положение. И вот теперь, когда дяди не стало, его ждет опала, как, впрочем, и всех полководцев, не имеющих богатых корней. И если он не поймает, не приведет на арканах этих урусов, то его воинской карьере и благополучию настанет конец. Все его недоброжелатели обязательно воспользуются этим случаем. Исатаю останется только найти жену и окунуться в семейные заботы. Да вот только подходящих невест нет. Он сын небогатой женщины, и жениться на богатой и родовитой девушке ему никто не позволит. Хотя по материнской линии он является чингизидом. Исатай – дальний потомок хана Мира.

Но времена изменились, сейчас все решают деньги, а не родословная.

Из раздумий Исатая вывел громкий крик Мурзабека:

Музарбек

(гарцуя на коне)

– Джунгары! Засада!

Действие:

Джунгарские всадники галопом поднимаются из оврага, их не меньше сорока.

Исатай

(разворачивая коня)

– Уходим!

Голос за кадром

Исатай не испытывал чувство страха, просто боялся за своих людей. И не напрасно, джунгарская разведка не оставляла шансов на выживание.

Мурзабек и Аманжол, стараясь прикрывать по бокам Исатая, пустились вскачь. Остальные воины, понимая, что от свежих джунгарских лошадей не уйти, развернувшись в редкую шеренгу, остались прикрывать отход своего господина.

Сорок тяжеловооруженных всадников бьются с воинами Исатая.

Все как один погибают под саблями джунгар.

Мурзабек

– Беги, Исатай!

Действие:

Мурзабек показывает саблей на другой берег реки, и, развернув коня, встает у кромки правого берега переправы.

Аманжол достает лук и целится в орду джунгар.

Подъехавшие джунгарские всадники останавливаются опускают копья. Вперед выезжает на арабском скакуне богато одетый джунгарин.

Рядом гарцует конь толмача.

Всадник

– Бросайте оружие!

Мурзабек

– Я умру как воин.

Действие:

Мурзабек держа в обеих руках сабли, подгоняя коня коленями, скачет на Туменэнбаатора. Пыль летит из-под копыт его лошади.

Воины, окружившие полукольцом Мурзабека, поднимают Мурзабека на копья.

Мурзабек

(хрипит поднятый на копы Мурзабек)

– Господин, ты уже на середине реки,

Действие:

Исатай плывет рядом с конем, держась с левой стороны за седло. Но их сносит с переправы на глубину, поэтому жеребец развернулся мордой против течения, невольно оголив всю левую сторону, за которой и укрывался Исатай.

Рой стрел, выпущенных с правого берега, буквально накрывает плывущих. Конь хрипит, бьет передними ногами и уходит под воду увлекая за собой хозяина. В это время вторая партия стрел накрывает седока. Исатай, два или три раза махнув рукой, пропадает в пучине.

Джунгарские всадники кольцом окружают Аманжолу, ждут приезда своего господина.

Слышится топот копыт.

Со свитой подъезжает Тэмуужин.

Толмач

– Брось оружие. С тобой будет говорить господин.

Действие:

Аманжол бросает лук наземь.

Толмач

– Спешься!

Последний слуга Исатая спешивается.

Тэмуужин

(толмач переводит)

– Ты не ослушался и будешь за это награжден!

Тэмуужин спешивается и усаживается на положенный подле него тюфяк.

Молодой воин стоит со связанными руками перед ним на коленях.

Голос за кадром

Аманжол за свои девятнадцать лет ничего не успел сделать. Он не успел жениться, сходить в поход. Зато зверски убил пять рабов. А вот теперь Аманжол сам оказался в роли жертвы. Что приготовили ему джунгары, про какую награду они говорили?

Тэмуужин

(смеется, руки в бока)

– Я дам тебе столько серебра, сколько ты сможешь выпить!

Тэмууджин машет рукой. Подавая знак своим воинам приступить к казни.

Один из воинов приносит от костра железный ковш, в котором дымится и играет на солнце расплавленное серебро.

Двое задирают голову назад обреченному Аманжолу, насильно разжимая его рот саблей. Заливают расплавленное серебро в рот.

Крик отчаяния захлебывается в бульканье и шипении плоти.

Тэмуужин

– Ты войдешь в цветочный сад богатым и счастливым.

Тэмуужин, поднимается с тюфяка, отряхивает ноги от песчинок.

24. Инт. Юрта местного бая Валихана.

Местный бай Валихан полулежит, облокотившись на подушки и рассуждает вслух:

Валихан

– Племянник сибирского хана Едигера, Сейдяк, просит отдать ему имеющихся у нас рабов для возврата на Московию. Сибирское ханство просится под опеку русского царя Ивана, так как опасается притеснения со стороны Кучум-хана и продвижения джунгаров на север Сибири. Если раньше джунгары хозяйничали только на юге, то теперь нам и нашему Киши джузу приходится на севере терпеть их присутствие. Эти пришельцы устанавливают свои законы. Мои люди донесли о появившейся неделю назад в нашей степи сотне конных разведчиков джунгар. Они преследовали малый конный отряд от святых могил и, организовав западню у Ат-Базара, вырезали всех. Но главная их задача это собрать сведения о численности наших вооруженных отрядов, установить места их нахождения. Я полагаю, что джунгары готовятся к масштабному набегу. Отошлите полоненных москвитян хану Аблаю, он решит, как переправить их Сейдяку. Собирайте воинов, закупайте оружие. Джунгары нападут ранней осенью, когда трава в степи будет еще зеленая и кормить своих лошадей можно будет выпасом. Если продержимся до снега, то они в зиму без кормов не пойдут в поход. И мы выиграем время до новой травы. А там уже и подготовимся к главной битве.

Действие:

Присутствующие в юрте знатные степняки в знак согласия кивают головами.

Валихан

(продолжает)

– Дочь моего соглядателя за Ат-Базаром Еркена нашла раненого воина. Он очень тяжел. Но за ним ухаживают хорошо, жар почти прошел, и пробитое легкое заживает.

Действие:

Валихан отпивает кумыс из пиалы, Валихан продолжает:

Валихан

– Я передал Еркену сурковый жир, смешанный с тибетским корнем. Он хорошо заживает раны и восстанавливает дыхание. А как батыр начнет выздоравливать, нужно с ним поговорить. Нам ведь нужны опытные воины. Через нового правителя Казанского, князя Шуйского-Горбатого, и его помощника Василия Серебряного будет подписан договор о мире Сибирского ханства с Московией, а нам с ханом Сейдяком ссориться незачем, значит, и с орысами тоже. Смотреть нужно на юг, в сторону Бухары, – вот где опасность.

Действие:

Степная знать, собравшаяся у Валихана, наевшись поданным бешбармаком, напившись кумыса, выходит из юрты. Разъезжается по своим владениям.

25. Нат. День. Степь. Беглецы.

Анику лихорадит, синева и гноение раны не проходят, начинается жар. Угор колдует над его раной днем и ночью.

Угор

– Плоха дела, плоха. Сыр кончился совсем.

Архип показывает рукой на юг.

Архип

– Арба догоняет.

Вогул

(бет в руки лук)

– Сейчас моя басурману глаз попадет, как векше. (белке)

Архип

– Погодь, Угор, убить мы его всегда успеем, а допросить не помешает. Это не воин, у него нет доспехов и оружия.

Голос за кадром

Отар, сын Еркена, третьи сутки ехал по следу беглецов. У его бая Валихана не было рабов. Но вспомнив о беглецах, они решили нагнать их и рассказать, что орысов забирает русский царь.

Он и не сообразил, как оказался на земле. Связать его было нечем. Поэтому держали под саблями. Да и Отар не сопротивлялся.

Трое учиняют допрос, а вогул, подходит к старой кляче, снимает хомут. Положив его на землю, внимательно рассматривает его внутреннюю сторону.

Угор

(радостно)

– Есть зелень!

Ножом Отара вогул принимается соскребать плесень со снятого седла себе на ладошку. Хомут старый, потертый, видимо, переходившим в наследство от отца сыну и пережившим за свой век не одну клячу. На внутренней стороне вместе со столетним конским потом найдена и нужная Угору плесень.

Никита

(держа руками связанного степняка)

– Я ему не верю.

Отар

(брат Ботагоз)

– Сестра послал, сережки дал, чтоб вы поверили.

Вогул узнает свои сережки подаренные давеча Еркену.

25. Степь под Ат Базаром. Стан джунгар.

Тэмуужин глядит на серое небо.

Голос за кадром.

Нежданный обложной дождь рушил все планы джунгарина. Нужно было бы перейти Исиль и разведать обстановку вплоть до земель, населенных в основном пятью-семью племенами башкир, ведущими кочевой образ жизни. После падения Казанского ханства эти земли оставались свободными, и люди не платили ясак ни русскому царю, ни сибирскому хану. Рас-

ширить влияние на западных рубежах и захватить как можно больше северных земель как раз и входило в планы их повелителя Голдана Бошокту, который решил обложить ясаком земли, богатые мехами и рыбой, вплоть до владений хана Кучума. Ведь чуть промедли, и сюда придут орысы. А вытеснить уже осевших и построивших укрепления людей всегда трудней, чем не допустить их расселения.

Московский же царь заявил послам Сейдяка, что он должен вернуть из полона своих людей до трех тысяч душ, и только после выполнения этого условия боярская дума будет решать вопрос о взятии Сибирского ханства под царскую опеку и об оказании помощи в войне с Кучумом и Бухарой.

Вести в степи распространяются со скоростью ветра. И слухи о возвращении рабов уже дошли до южных каганатов. Вот и побежали невольники с юга в надежде добраться до северных ханств, где их уже начали собирать для возврата. Воины Тэмуужина выследили, догнали и уже убили более десятка беглецов. Ведь чем дольше будет собирать рабов Сейдяк, тем дольше не состоятся переговоры с царем Иваном. Если же Иван возьмет под крыло Сибирское ханство раньше джунгар, то о захвате земель и обложении их данью не сможет быть и речи.

Дождь рушил все планы. Степь превратилась в сплошную непроходимую глиняную массу. Ноги у коней увязали, и лошади не могли идти. Одежда воинов намокла, а кожаные доспехи, впитав в себя воду, становились с каждым часом тяжелей и тяжелей. Старая прошлогодняя трава вперемешку с глиной прилипали к копытам лошадей, отрывая подковы.

Разведчики-хабарчи, высланные в степь, вернулись. Они доложили Тэмуужину о скупке оружия местными баями, что означало подготовку к вооруженному сопротивлению. А русский царь одерживает одну победу за другой. Не успела пасть Казань, а уже Астраханское ханство начало разваливаться, как созревший халат. Хан Дервиш-Али бежал в Азов вместе со всем своим войском, сдав Астрахань без единого выстрела небольшому отряду казаков. Ускоренным темпом провел царь российский и военную, и судебную реформы.

О результатах разведки необходимо было быстро доложить.

Тэмуужин

– В первый сухой день уходим домой.

26. Нат. Околок леса. Беглецы на привале.

Никита

(поглаживая намокшую от дождя русую бороду)

– Нет, браты, не пойду я на Русь, туды путь мне заказан. Прямая дорога на цареву дыбу. Я уж лучше звезды над урманом смотреть до конца света стану, чем с вывернутыми руками качаться на дыбе.

Аника

– Я тоже как-то не шибко желаю в приказе изгннуть. А я, братцы, поеду со степняком. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Плохи мои дела – рука болит и озноб бьет. Не дойду я, токмо обузой вам буду.

Вогул

– Я проведу вас через Сибирское ханство, много вогулов на татарках поженились. Много татар в жены вогульских женщин брали. Я последний из племени шыбыр, мне надобно идтить домой. Только один я знаю тайну, которую мне дед-великий шаман доверил. Кондинские князья продали меня в рабство, думая, что сгинет Угорка в рабстве. Я один знаю, где хранится каменная стрела, что укажет, где сыскать Золотую Бабу, которая приносит людям счастье и свободу

Вогул Угор поет заунывную песню, раскачиваясь в такт ритму.

Архип

– Ты вот што, милай, давай-ка растолкуй нам, про што поешь. Ведь от твоего воя-то волки и те проснулись да на луну завыли, токмо мы ничего не понимаем.

Угор

– Пою я о богатырях Эмдера. Между богатырями Эмдера и Карипоспад-Воша началась битва. Она продолжалась так долго, что пришли в негодность кольчуги, были выпущены все стрелы. Тогда стали они драться еловыми и листовными дубинами. Старший эмдерский муж схватился со старшим из трех кондинских братьев. Упав в реку, они продолжали поединок. И тут кондинский богатырь принял облик ерша, а эмдерский – щуки. Только щука хочет схватить ерша, он становится к ней хвостом и выпускает колючки. А когда снова они вышли на сушу, кондинские богатыри вымолили у божества-покровителя металлическую плоть. Однако младший не успел обрасти этой плотью и был повержен мечом. На месте, где он стоял, осталась только кочка. Тогда оба оставшихся в живых брата вознеслись к небу и, заручившись поддержкой божества-покровителя, обрушили на эмдерских богатырей громовые каменные стрелы. И поразили их. И кто имеет громовые каменные стрелы, того ждет удача. И будет он счастлив всю жизнь, и принесет счастье своему народу.

Архип

– Так это же ядра пушечные, стрелы твои каменные.

Угор

– Нет. Стрелы это. Куда гром ударит, там через семь лет они и вырастают.

Действие: Вечер. Дождь.

Друзья усаживают совсем уже ослабевшего Анику на арбу Отара, расстаются. С

Сын Еркена Отар поворачивает лошадь в обратную сторону.

Голос за кадром

На стойбище Валихана в загоне для овец уже собрали нескольких беглых рабов, привезенных из степных поселений. Беглые рабы ждали отправки к сибирскому хану, откуда их потом доставят в Казань. Вскоре в Казанском соборе появится однорукий звонарь. Будет ли это наш Аника или другой совсем человек, мы никогда не узнаем.

27. Нат. Ночь. Степь. Под проливным степным дождем, меся глину, шагают трое беглецов.

Угор

(на ходу)

– От нашего рода шыбыр пошло и название Сибири. Большое племя было, от великой черной реки Эртиса до холодной Сосьвы простирались владения племени. Хорошими воинами, хорошими охотниками были наши пращуры. Но пришли злые люди с юга и выгнали они мой народ в великий урман. Ушли шыбыры в лес, в топь до реки Воды – Об, Поселились они в лесу дремучем, город Эмдэр на реке Ендыр построили. Не один год жили, рыбу ловили, зверя добывали. Но добрались и сюда воины князей кондинских, побили людей, разрушили город и увели женщин.

Архип

– А ты-то как в живых остался?

Угор

– Меня нельзя убить, я внук великого шамана. Горе будет великое тому, кто посмеет поднять на мужа нашего рода руку. Вот и продали Угора в рабство Бухарскому Хану. Думали, сгину. А я кольца, сережки лил, пряжки мастерил, вот и выжил. А после, как кыргысы на Бухарское царство пошли войной, меня и во второй раз заполонили, да убежал я с вами.

28. Инт. ДВОРЕЦ КУЧУМ-ХАНА.

Кучум развалился на подушках. Пьет из пиалы чай. Рядом племянник царевич Маметкул.

Кучум Хан

– Мы будем пока дружить с русским царем. Сын хана Муртаза Едигер поднес царю тысячу шкур и другие дары, которые он, минуя наш запрет, получил с остяков и вогулов. Но не уйдет от кары Аллаха Всемогущего и Милостивого Едигер. Его брат Бекбулат уже подумывает поступить к царю Ивану на службу. А сам Едигер хочет лечь под урусов, принять вассальскую участь и платить им ясак, что нельзя назвать дружбой. Придет время, я захвачу власть и стану великим ханом Сибири. Я убью Едигера и Бекбулата лично. Мы готовим поход и выйдем против Едигера, как только подойдут ногайцы и узбеки.

Маметкул почтительно кивает в знак согласия и уважения.

Маметкул

– Дядя, а может, пока отправить царю Ивану грамоты о дружбе?

Кучум Хан

– Я уже подумал об этом. Нужно убедить Ивана, что злых намерений у нас нет.

Маметкул

– Да, великий хан, пока мы не покорим Едигера и не захватим его столицу Искер, с русскими ссориться нам незачем. Я позабочусь, чтоб грамоты и дары были посланы Ивану.

Кучум Хан

– И собери рабов тысячу, да тоже пошли в знак примирения. Царь Иван любит, когда возвращают его подданных, и даже платит деньги за бояр и князей.

29. Инт. Юрта Еркена. Исатай лежит на постели. Он

без сознания. Рядом суетится Ботагоз.

Голос за кадром

Исатай медленно приходил в сознание. Ботагоз не отлучалась от раненого ни на минуту. Всегда свежая вода из притока Исиля находилась в медном тазу под рукой. И девушка тряпицей периодически обтирала тело воина, спасая его от июньской жары и духоты в юрте.

Исатай приходит в себя.

Исатай

– Где я?

Ботагоз

– Дома у Еркена, а я дочь его. Тебя, раненного тремя стрелами, я нашла на берегу. Джунгары ушли после дождей к святым могилам. Мы очень боялись, что они придут на этот берег и убьют нас всех. Но Всевышний помог нам, и ойраты ушли вглубь степи. Они сейчас у белой могилы на стоянке Ак Мола. Уйдут к себе, так как в августе не будет корма лошадям, потому что трава высохнет от жары. А у нас же через три луны начнется конский базар, и приедут купцы с украшениями.

Исатай

– А чем кормить лошадей, если трава засохнет?

Ботагоз

– Не засохнет, у нас Исиль разлился весной, и только сейчас вода упала, так что травы хватит не на один табун.

Входит Еркен, усаживается рядом с выздоравливающим.

Еркен

– Выйди, дочка. Воин, а к тебе разговор есть.

30.Нат. Берег реки Ишим. Бивак Беглецов.

Угор просыпается раньше всех, Берет лук и колчан со стрелами. Вздвигается на яр и исчезает в лесочке. Рубит саблей тальник. Спускается с охапкой веток к месту стоянки и садится мастерить морду (ловушку для рыбы)

Его товарищи просыпаются. Вогул уже доплывает мордушку. И поет заунывную песню.

Архип

(потягивается, протирает глаза)

– Опять поешь про щуку и ерша, лешак? Соснуть не даешь, неутомимый ты наш!

Угор

– Нет, мать-реку прошу рыбу дать, говорю ей, что коли бы кушать мы не хотели, то не брали бы ее дары.

Архип

(усмехаясь)

– А ветки когда рубил, тоже у леса позволения просил?

Угор

– Да. Я сказал дереву, что нам морда нужна, поэтому и рублю ветки.

Архип

– Странные вы люди-самоеды. А просто ветки рубить нельзя?

Угор

(вставая с песка)

– Нет, нельзя! Мать-природа обидится и помогать нам не станет.

Архип

– А волков ты тоже просил с нами до речки идти?

Угор

– Да просил, и волчица согласилась. Но они ушли уже назад в степь. Дальше не их угодья. Дальше пойдем одни. Айда рыбу ловить. Хватит спать.

Действие:

Раздевшись донага, Угор заходит в ручей к завесе и, выдернув пару колышков, устанавливает морду горловиной в образовавшуюся брешь.

Никита

– А нам что робить? Чем тебе помочь?

Угор

– Ступайте вверх и от поворота идите по ручью ко мне. Топайте, плещите. Гоните рыбу.

Действие:

Вогул остается у колышков, а ватага идет по берегу ручья за поворот. Войдя в воду, с шумом и плеском друзья бегут вниз по течению.

Когда Никита и Архип подбегают к запруде, вогул уже вытаскивает мордушку на берег. В ней, блестя чешуей на солнце, плескается и бьется пойманная рыба.

Никита

(радостно собирая хвост для костра)

– Доставай огненный камень, Архип, жарить рыбу будем.

Угор

– Сухой собирай, дыма меньше будет.

Кузнец снимает веревочку с деревянным крестиком на нитке, вместе с которым висит кремль размером с голубиное яйцо. Осмотрев свою саблю, он находит место у рукоятки с мелкой насечкой и, приложив кусок трута, принимается высекать искры. Вскоре трут дает дымок, и Архип, раздув огонек, подкладывает сухие листья.

Разгорается маленький костерок. Вскоре все трое, насадив на веточки двух щучек и несколько десятков окуньков, принимаются жарить на огне рыбу.

Вдоволь наевшись, Никита с Архипом разваливаются на берегу.

Вогул вытаскивает колышки из запруды, и втыкает-садит их по берегу. Поворачивается к друзьям, поясняя свои действия.

Угор

– Пусть сызнава растут. Спасибо тебе, мать-природа! Спасибо вам, река и лес, за пищу поданную!

Действие:

Архип присыпает мокрым песком костерок.

Угор

– Пойду в лес, на изрекающий гриб гляну. Если его испробовать он расскажет, какой дорогой идти спокойнее будет.

Действие:

Вогул берет лук с колчаном. Поднимается по склону на крутой берег.

Вдоль высокого берега раскинулся березово-осиновый лесочек.

Архип

(Никите)

– Совсем зашаманился наш леший, кабы разумом не пустился со своими грибами. Гляди-ка, Никита, он уже говорить по-людски стал. А то все «я пошла», «она пошел».

Никита

– Ну, с кем поведешься, от того и наберешься. Пока доберемся до его урмана, так лучше нас гутарить будет.

31. Нат. Степь. День. Отряд нагайцев. Дозорный Зайнулла показывает нагайкой на еле видимый дымок.

Зайнулла

– Кенжеболат, я вижу дым! Это, наверно, пастухи.

Кенжеболат

– Бери двух нукеров и убей всех. Никто не должен видеть нас и знать, куда мы идем. Но сначала допроси, дабы не упустить свидетеля.

Голос за кадром

Отряд нагайцев численностью в триста человек тайно двигался на встречу с другими отрядами, которые шли на север к Кучуму Хану для оказания помощи в войне с ханом Сейдяком. А случайные свидетели его передвижения по югу Сибирского ханства могли осложнить ситуацию. Скорее всего, это действительно пастухи. Если на пути стоял бы аул или находилось стойбище, дымов было бы больше, – решил Кенжеболат и послал на разведку всего трех воинов.

Всадники, перейдя с места в галоп, поворачивают влево к реке. Остальной отряд размеренной рысью движется далее.

32. Нат. Берег реки Ишим. Бивак беглецов. Всадники обнаруживают лежащих на песке Архипа и Никиту. Тычут в спящих древками копий. Вогул наблюдает с высокого берега за всадниками и своими друзьями. В руках у него лук.

Зейнулла

(не слезая с коня)

– Вставай, урус, собака! Где твой хозяин? Где его стойбище?

Второй всадник приподнимает острием копья одежду беглецов.

Второй всадник

– Зайнулла, погляди! Тут сабли!

Действие:

Третий всадник, спрыгивает с коня, берет сабли в обе руки, и, производя незамысловатые движения, развивая скорость и усложняя упражнения, вертит клинками. Остальные, смеясь, сидя верхом, хлопают в ладоши, причмокивая и щелкая языками.

А спешившийся всадник, радуясь находке самаркандских сабель, крутя ими в воздухе, сверкая клинками, идет на Архипа с Никитой.

Голос за кадром

– Ас! Ис! Ас! Ос! – издавая звуки, приближаясь к обреченным в танце, похожем на брачный танец журавлей, или современную лезгинку, он готов был с ходу срубить головы неверным.

Звук

«Фить!»

Один всадник, выпучив глаза, хрипит, заваливается на лучку седла. Это стрела вогула, прилетевшая из леса пробила ногойца.

Архип с силой толкает коня Зайнуллы, и конь, фыркнув от неожиданности, заваливается вместе с седоком на землю.

Пеший ногоец с саблями в двух руках, кидается на Никиту, размахивая саблями в воздухе..

В его спину прилетает вторая стрела выпущенная вогулом.

Зайнулла пытается выбраться из-под упавшего коня, круп которого придавил ему ногу.

Но мощный удар копья Архипа намертво прибивает его к прибрежному песку.

Никита

(собирая вещи и обшаривая убитых)

– Уходить надо.

Вогул пытается вытащить стрелы из тел убитых нагайцев.

Архип останавливает вогула.

Архип

– Оставь, Угореша, пусть ногайцы думают, что их людей убили богатые джунгарские воины. Коней тоже не трогай! Оружия никакого, кроме ножей, не брать, пущай полагают, что это джунгары их побили. Лук-то со стрелами ойратские. Да следы своих ног заметите, демоны! Мордушку в реку! Чего встали? Мертвяков не видали!? Снимай чуни и по колено в воде идти! Чтоб и следа не оставить!

Беглецы бросаются по воде вниз по течению.

33. Нат. Степь. Отряд ногайцев.

Кенжеболат, не дождавшись лазутчиков, посылает в сторону реки десяток воинов. Узнать куда запропастился Зайнулла с двумя нукерами. Через час воины нагоняют отряд, ведя в поводу трех лошадей с перекинутыми через седла телами убитых.

Кенжеболат, подъезжает к телу Зайнуллы, и с силой выдергивает стрелу. Осматривает.

Кенжеболат

– Джунгарская.

Кылышгерей

(правая рука Кенжеболат)

– Две луны назад, благородный, сотня джунгар прошла к белым могилам, они не ушли далеко.

Все ногайские воины хором

(вынимают сабли, трясут копьями)

– Смерть! Смерть монголам, нарушившим обет пропустить нас через степь и убившим наших братьев!

Кенжеболат

(дождавшись тишины)

– Нас не простит великий предок Эмир Эдиге, если не отомстим за кровь наших сородичей! Похороним с честью павших воинов и через час выступаем! А хан Кучум подождет! Мы настигнем ойратов и вырежем всех до одного! Их сотня, нас три сотни! Я все сказал!

Действие:

Гром восторженных криков заглушает его последние слова.

34. Инт. Юрта Еркена. Исатай лежит в постели с перевязанной грудью. Еркен сидит скрестив ноги напротив.

Еркен

– Ты воин. Твоих нукеров убили джунгары. Наш бай Валихан интересуется, не вожделеешь ли ты выступить в восстании против них? Оно будет весной, когда вновь монголоиды вернутся на наши земли.

Исатай

(тихо, уверенно)

– Я согласен, отец. Нет мне дороги домой, пока не пролью кровь хоть одного ойрата Исатай.

Еркен

– Валихан желает тебе выздоровления и передает тебе сурковый жир настоящий с тибетским алтын-корнем. Это поможет пробитому легкому, которое у тебя медленно заживает.

Исатай

– А что за девушка ухаживает за мной?

Еркен

– Моя дочь Ботагоз! Я был воином и поздно обзавелся семьей. У меня сын Отар твой курдас (ровесник) и дочь Ботагоз четырнадцати лет.

Исатай

– Отец. Я женюсь на ней. Будь мне тестем.

Еркен

– Мы бедные люди, не спеши принимать решение.

Исатай

– Я тоже небогат.

Еркен

(вставая)

– Давай поговорим об этом, когда ты вернешься с победой. А пока обещаю, что не выдам ее замуж до твоего приезда. Сам потом примешь решение.

Исатай

(погружаясь в сон)

– Жаксы, отец.

35. Нат. Берег реки Ишим. Кусты в которых прячутся беглецы наблюдая за отрядом ногайцев.

Пыль в степи, поднятая удаляющимся отрядом Кенжеболата, оседает наземь. Вогул поднимается и, хитро прищурившись, обращается к Архипу.

Угор

– Ты, однако, Архипка, великий шаман! Большая хитрая лиса и умный муж, хитрый как росомаха. Ты победил Астраханских татар, потеряв всего две стрелы.

Архип

– Злоба затмила их разум. Я ведь коваль и знаю, сколь стоит кованный с нанесенным орнаментом наконечник. Ни один воин даже в мыслях себе не допустит, что в нищей степи найдется скоморох, который, выпустив такую дорогую стрелу, не заберет ее назад. Да и стрел-то таких в степи не сыскать днем с огнем.

Никита

– Пойдем, братья, далее, а то совсем мы тут засиделись.

Угор

(отрицательно мотая головой)

– Нет, мне нужно пообщаться с духами предков и увидеть будущее, чтобы определить наш путь,

Действие:

Угор достает из мешочка порошок сушеного изрекающего гриба, который приготовил еще днем.

Никита

– А мне можно узнать наперед, что со мною станется?

Угор

– Тебе не нужно это знать. Ежели со мной не пойдешь, то дыба царева будет, а пойдешь – я сам смотреть дорогу буду.

Действие:

Отвечает Никите вогул. Берет двумя пальцами малюсенький, с булавочную головку, камушек изрекающего гриба.

Никита

(не унимается)

– Дай попробовать, бес ты шаманский. Жуть как на дыбу свою одним глазком глянуть хочется.

Угор

– Хошь, пробуй. Вогулу не жалко. Вогул добрый. Тока шибко много не бери, а то не на ту дыбу попадешь ненароком.

Действие:

Угор проглатывает свой комочек.

Глаза его закатываются, и он, сидя на траве, качался в такт какой-то заунывной песне, которую гудит в трансе.

Никита

(Обращается к Архипу)

– Архипушка, уж дюже хочется. Можно и я взгляну на дыбу царскую?

Архип

(чиня обувь)

– Да пес с тобой. Грызи свои грибы. А я покараулю вас, покудова подметки у волчих сапог правлю. Уж раз тебя совсем Господь ума-разума лишил, то поступай, как знаешь.

Действие:

Архип, разглядывает грязный палец правой ноги, торчавший из протертой волчьей шкуры.

Никита хватает мешочек, лежавший подле вогула, черпает из него целую осьмушку.

Архип

– Э! Э! Э! Ты так много не ешь!

Каменотес глотает порошок, облизывает ладонь. Икает, и закатывает глаза. Плюхается на спину, раскидывает руки в стороны, скребет пятками землю.

Солнце катится к закату. Ветерок играет листвою на кустах. Архип ивовой корой мастерит и чинит обувь. Вогул качается из стороны в сторону. А Никитушка стонет, охает, корчится и дергается в судорогах, как будто и впрямь висит на царской дыбе.

Угор выходит из транса первым.

Идет к речке, умывается, подходит к Архипу.

Архип, продолжая чинить обувь, кивает на корчащуюся фигуру Никиты.

Архип

– Вон, глядь на него. Твоего гриба испробовал, дурень.

Угор

(присев на корточки глядит на мучения Никиты)

– Тошно там ему. Ой, тошно! Куды ж ты попал-то, Никитушко? Неужто хуже есть на земле место, чем изба приказная?

Никита

(в трансе кричит)

– Подпишусь! Подпишусь! Ей-Богу! Как на духу! Во всем каюсь! Токмо снимите меня с дыбы, опричники дражайшие...

Действие:

Каменотес приходит в себя. Садится. Вытирает холодный пот со лба. Осматривается по сторонам.

Никита

– Ух, робяты, ну и ну. Такого и ворогу не восхочешь. Оказался я в стороне неслыханной, в подвале каменном. Лампады горят, а дым от них не идет. Музыка играет, а дударей не видать. И кабы-то сия музыка со стены из коробочки доносится. А пытал меня боярин-опричник. Холеный такой, важный. Шаровары синие с лампасами. Кафтан зеленый. В ремнях скрипучих весь да в сапожищах заморских. Усов, бороды нетути, скобленный, стало быть. Ну прям как ливонский пан. Подвесил меня на дыбу и рвет за бороду: «Признавайся,мышь старообрядная, как супротив народной власти игитировал!».

Архип

(хохочет)

– Говорил я тебе, дурень, не ешь гриба много! Придумал тоже! Боярин и без бороды!

Действие:

Стемнело. Беглецы двинулись в путь...

36. Нат. Отряд ногайцев. Степь. Впереди ущелье мелкосопочника.

Голос за кадром.

Дозор доложил о стоянке джунгар, разбивших бивак в ложбине между двух небольших сопок вблизи белых могил. Это место степняки называли Ак Мола. Оно всегда притягивало путников тем, что тут можно хорошо передохнуть и попить чистой воды из реки и колодца.

Кымышгирей

– Кенжеболат, наши люди и кони устали. То, что воины рвутся в бой, – это лишь душевный порыв. Монголы все-таки опытнее наших воинов. И не стоит с ходу ввязываться в драку.

Кенжеболат

(поворачивается к отряду, кричит воинам)

– Я сам знаю, что мне делать. Накажем джунгар за дерзость и кровь наших сородичей!

Рев трехсот глоток заглушают его слова, и лавина всадников, обнажив сабли, скачет в ложбину.

Тяжелые стрелы монголоидов тучей накрывают скачущих ногойцев.

Человек тридцать людей и десяток коней в предсмертных судорогах бьются на земле. Остальные скачут размахивая саблями дальше.

Следующий боковой залп со стороны сопков выбивает еще большее количество всадников.

Поредевший отряд ногойцев преодолевает засаду лучников и оказывается в полукольце джунгар. Начинается резня. Ойратские воины экипированы лучше. Ногойцы один за одним падают порубленные под ноги своих коней.

После того, как степная пыль оседает, взору предстает страшная картина. На поле боя лежат порубленные, проколотые тела. Многие из них бьются в предсмертных судорогах, иные громко стонут. А между ними ходят победившие джунгарские воины, снимают доспехи, добивают копьями умирающих и раненых людей.

Кенжеболат на коленях со связанными сзади руками стоит перед Тэмуужином.

Тэмуужин

(сидит на тюфяке)

– Зачем ты напал на нас?

Кенжеболат

(понутив голову)

– Вы убили моих людей.

Тэмуужин

– Мы не убивали людей из Астраханского ханства. Между нашими повелителями заключен мир. Вы должны пройти через Калмыкское ханство и Киргизское поле. Вы же идете на помощь Хану Кучуму? А он тоже пока наш друг. Почему вместо того, чтоб идти на север, вы повернули на восток и напали на нас?

Кенжеболат

(бормочет)

– Это была ошибка, господин. Разум затмила злоба.

Тэмуужин

– В битве я потерял девятнадцать воинов. Это очень большая потеря для сотни.

Кенжеболат

– Это было ошибка. Разум затмила злоба.

Тэмуужин

– Хорошо. Я верю тебе. Развяжите его. Подайте нам самой жирной баранины! Кушай, айналайн. Ты мой гость! Пока не отведаешь моих угощений, я не могу отпустить тебя.

На большом блюде преподносят отваренное мясо.

Тэмуужин

– Кушай, кушай, а то обидишь хозяина.

Кенжеболат ест, а ему подают еще и еще. Давится, оглядывается по сторонам. Засовывает в рот еще один кусок мяса, но он выпадывает у него изо рта.

Кенжеболат

- Не могу больше господин.

Тэмуужин ему лично преподносит большую пиалу родниковой холодной воды.

Тэмуужин

- Это вода из святого источника. Пей до дна и уезжай. Я тебя отпускаю.

Ногаец залпом выпивает полтора литра студеной воды. Ему наливают еще.

Темуужин

– Пей. Еще пей. Еще пей.

После пяти поднесенных чашей, поклонившись, Кенжеболат отходит к своему коню. Доржхуу вопросительно смотрит на своего командира.

Доржхуу

– Я бы убил его.

Тэмуужин

(усмехается, откидывается на подушки)

– Я тоже. Но лишать жизни данного человека не имею права. Иначе нарушу закон и договор. Он умрет сам, не проехав и полверсты. Скоро мясо застынет у него в брюхе. Студеная вода сделает свое дело. Это будет мучительная смерть.

Сев на коня и проехав полверсты, Кенжеболат корчится от сильной боли. Застонав, он выпадает из седла и, извиваясь на земле, бьется от болевых судорог.

37. Нат. Берег реки. Беглецы.

Голос за кадром

Река теперь текла строго на северо-восток и достигала порой ширины до сорока-пятидесяти косых сажений. Все выше и выше становился правый берег. А пойма, наоборот, раскидывалась на несколько верст, порой до горизонта.

Если левый берег был покрыт в основном тальником, то по правому расстилались березовые леса. Путники пару раз чуть-чуть не наехали на татарские разъезды. Но вовремя вогул останавливал группу, и они пережидали опасность, лежа в траве или кустах. Днем в основном спали. Шли ночью.

Действие:

Действие:

Угор замечает следы волочения лодки. Осматривает прибрежные кусты, и обнаруживает челнок.

Голос Гостомысла

(Старей что приходил во сне наместнику Узун Беку)

(со спины)

– Подмогнуть?

Голос за кадром

Все от неожиданности вздрогнули. До чего тихо и бесшумно подошел хозяин челночка. Одет человек был в белую до пят рубаху. Такая же белая борода с усами украшала его лицо.

Гостомысл

– Куды путь-дорогу держим?

Архип

– На север.

Гостомысл

– Вижу, что не на юг.

Никита

– В городище Искер, там полоненных собирают для возврата домой.

Гостомысл

– Степь изменилась нынче. Два хана зачали войну между собой. Конные разъезды рыщут везде. Непокойное время настало.

Архип

– А ты, отец, как тут оказался? С виду-то русич, а говор старый.

Гостомысл

– Ушли мы из Руси. Давно ушли. Как веру греческую вводить стали, так и ушли. Переваляли камень и подались куды очи глядят.

Архип

– Татары-то вас не трогают?

Гостомысл

– А что нас трогать. Татары своих чад к нам носят. То грыжу заговорить, то еще чего. Хворь снимаем, а они нам еду за это приносят. Но изменились времена. Кучум-хан силу набирает. Жестокие времена наступают. Набеги на Русь чинит. Хочет один Сибирским ханством управлять. Недавно два отряда прошло на помощь Кучуму. А по прошлому месяцу узбеки шли, около пятисот душ. Война завязывается между ханом Сейдяком и Кучум-ханом. Так что возвращать вас на Русь скоро некому станет.

Никита

– Так что ж, нам век скитаться?

Гостомысл

(разглядывая Никиту)

– Найдете вы свое царство в лесу дремучем, где зверя немеряно и рыбы полным-полно, ягод да грибов через край. Это тебя Никитой кличут?

Никита

– Так и нарекли.

Гостомысл

– Вот что, Никитушка, дар в тебе есть. Видения видеть разные. Место твое здесь. Далее тебе дыба царская, а тут жизнь тихая. Смена нам, старикам, нужна, ветхие мы стали. А обучать некого. Оставайся, тут твоя судьба.

Никита

– Так как же я от веры-то истинной откажусь? Хрещенный я ведь.

Гостомысл

– Царю изменил? С войны ушел? Крест боярину целовал? Ты уже ей изменил. А вера наша испокон веков идет. Деды и прадеды верили в Перуна.

Архип

– Погодь, погодь!

Гостомысл

– А ты, Архип, сотника сын, ступай себе с миром. Тебе другое на роду писано.

Архип

(удивленно)

– Отец, откель и мое имя ведаешь?

Гостомысл

– Я все знаю, Архип. И как ты в рабство попал, и как Узун Бека порешили сотоварищи. Иди, дойдете вы вдвоем до урманна. И предназначение в мире этом ты исполнишь.

Голос за кадром

Старцы дали Угору и Архипу теплую одежду. Уже начинался сентябрь, и ночевать в лесу становилось холоднее и холоднее. Наскоро обнявшись, путники расстались с Никитой.

Обнимаются, прощаются с Никитой. Архип и Угор уходят.

Вогул

(на ходу)

– Сквозь сибирское ханство пройдем – и дома.

38. Нат. Утро. Устье Ишима. Слияние двух рек Ишим впадает в Иртыш..

Угор

– Эртыс, однако.

Двое бывших рабов стоят на высоком мысу. Внизу слияние двух рек.

39. Нат. Стойбище Еркена. Юрта.

Исатай с перевязанной бинтами грудью сидит на бревне около входа в юрту.

Голос за кадром

Исатай медленно выздоравливал. Слишком большая была кровопотеря. Он уже мог выходить и сидеть подле юрты. Иногда прибегала Ботагоз. Занятая делами по стойбищу, она нет-нет да и уделяла время для Исатая. То гостинец принесет, то просто придет и посидит рядышком. Исатай любовался девушкой, ее гибкостью и жизнерадостностью. Много ли нужно воину, чтоб хоть чуть-чуть почувствовать себя счастливым?

Наступил сентябрь-месяц. Трава выгорела, и теперь степь стояла рыжая. Дождей тоже давно не было. Спасала только прохлада внутри юрты, войлок которой не пропускал жару вовнутрь и согревал ночью. Джунгары ушли на юго-восток. В такое время года трудно прокормить лошадей, и они двинулись к горам, где есть зеленая и сочная трава. Несколько раз приезжал Валихан и справлялся о здоровье Исатая. Привозил ему сурковый жир, перемешанный с тибетским корнем.

Конский базар закончился, и купцы разъехались по своим улусам. А в память о нем остались только вытопанное поле, привязи и, естественно, юрты Еркена. Впереди была зима. Чем порадует она воинов? Что принесет следующая весна, когда в степи опять объявятся джунгары?

40. Нат. Берег. Река Иртыш.

Беглецы Архип и Угор. Стоят на берегу.

Голос за кадром

Вогул присмотрел пару деревьев. Они свисали над берегом и еле держались на корневищах. День ушел на разделывание бревен и сборку плота.

Угор

(мастера плот)

– Дальше рекой пойдем, левым берегом. Тут топко, и верховые татары нас не достанут.

Архип

(помогая вогулу)

– Ночью, конечно, сподручней сплавляться. А днем спать, как и раньше.

Утро. Кузнец просыпается. Вогула рядом нет. Нет лука.

Архип

- Значит, промышлять подался

Шуршат под ногами листья. Угор показывается из-за кустов. Он несет на плече заячью тушку.

Угор

(Бросает под ноги Архипа тушку зайца)

– Плохой охота. Совсем зверя нет. Если так пойдет, то от голода пухнуть начнем.

Архип

– Не плохой, а плохая, – поправил друга кузнец.

Угор

– Вот и я говорю: плохая, худая ныне зверя.

Вогул кладет корешки камыша рядом с тушкой зайца.

Угор

– Разводи огонь, Архипушка, будем мясо жарить. Хлеб кушать.

Архип

(раздувает потухшие за ночь угли костра)

– Какой хлеб? Я окромя лепешек бусурманских уже годков двадцать хлебушка не видал.

Угор

– Сейчас пожарю.

Угор жарит над углями корешки камыша.

Архип

(пробует поджаренный корень)

– Гляди ты, вкусно! А мы в отрочестве только кидались рогозником да шишки раздували по ветру. Оказывается, его и кушать можно.

Угор

(довольный, что угодил товарищу, смеется)

– Гложи, Архип, зубы не будут выпадать. Как бобер будешь!

Вечер. Друзья, отталкивают плот от берега, и пускаются далее в плавь. Левый берег почти весь зарос ивняком, и, отойдя метров на десять, беглецы пускают самодельное плавсредство по течению.

Вогул изредка направляет движение плота вырубленной длинной ветвью. Архип сидит на корточках и смотрит вперед. Река становится шире и шире. Мимо проплывают острова,

которые возникают из темноты как огромные айсберги, а потом вновь исчезали в ночи. Да и правый берег становился все выше и выше.

Угор

– Светлые ночи уже прошли, но еще рассвет наступает рано. Когда же выпадет снег, наступят темные ночи, солнце станет вставать позже, а садиться раньше.

С продвижением на Север все чаще и чаще попадаются стойбища и поселения. Костры пастухов видны издали, поэтому путники замолкают, ложатся на бревна, и тихо проплывают мимо левым берегом реки. Для надежности Угор кладет на плот ветку, которой управляет, и плот становится похожим на оторванное от берега дерево, плывущее по течению.

Угор

– Это татарская вотчина. Нужно идти тихо. Скоро городище Искер будет, а там уже и урман близко.

По левую сторону реки показывается широкий приток реки Тобол. На высоком берегу виднеются стены городища.

Угор

(ложится, накрываясь веткой)

– Лежи тихо, нас выносит на середину. Слева сильное течение впадает.

Плот несет серединой реки. Плотики крутятся на стремнине, поворачиваясь к городищу то одним боком, то другим.

Со стен окликают. Виден свет факелов стражников на стенах.

Плот проплывает мимо крепости. Вскоре очертания городища исчезают в темноте.

Угор

– Утром плот надо бросать. Будет погоня.

Архип

(соглашается)

– Ну, бросать так бросать, нам не привыкать, нам бы только поясок подтянуть.

Рассвет. Беглецы отпускают плот дальше. Размещаются в прибрежных кустах на дневку.

Вскоре они видят плывущую им в погоню лодку. В ней находится около восьми гребцов и человек пять воинов.

Угор

(шепотом, глядя из кустов на лодку))

– Они думают, что мы китайские купцы, провозим железо. Железо и оружие запрещено возить остякам и вогулам. Это после восстания, которое было пятнадцать лет назад. Тогда татары победили и запретили нам иметь оружие даже для охоты. Запретили и купцам привозить его нам.

Архип

(шепотом)

– А почто они возят, ежели запрещено?

Угор

– А пушнину где китайца возьмет? Токмо на стойбище охотников. Там даром. В Искере дорого. Купец хитрый. Если не заберут татары железо, то наменяет много. Вот и плывут воины отобрать оружие, а мы тоже хитрый, пойдем далее берегом ночью.

Архип

(поправляет произношение слов)

– Не хитрый, а хитрые.

Голос за кадром

Дозорная лодка возвращалась уже под вечер. Воины всматриваются в левый берег в надежде найти тех, кто, бросив плот, сошли на сушу. Они все еще надеялись разжиться на купцах. Но беглецы в этот день огонь не разжигали.

41. Нат. Стойбище Исена. Исатай садится в седло. Ему помогает брат Ботагоз Отар.

Голос за кадром

Исатай первый раз после болезни поднялся в седло. Необходимо было встретиться с баем Аблаем, который проживал на севере степи у синих гор. Исатаю предложили командовать тысячей конных воинов, так как уже все знали, что он в этой должности ходил в Бухарский поход. Нужно было приступить к обучению своего отряда. Весной предстояла решающая битва за судьбу этой земли, которую топтали много веков чужие джунгарские кони. И Исатай дал согласие выступить в поход. Теперь он уже не принадлежит самому себе. Люди выходили его полумертвого, приютили, сохранили его доспехи и оружие. А самое главное – он обожал Ботагоз. И эта степная роза все чаще и чаще одаривала его вниманием.

Исатай

– Я привезу тебе платок, какой не носит жена хана.

Действие:

гладит по руке девушку, которая, держится за подпругу коня, стоит, провожая воина.

Кони его и Отара двигаются крупной рысью на север.

Голос за кадром

У Исатая сохранились золотые монеты и кое-что из драгоценностей, украшающих пояс и его доспехи. А далее Аблай возьмет его и Отара на службу.

Бай Аблай принял его радушно, пригласив отужинать с ним в его жилище. Поданный гостю бешбармак с обилием мяса говорил, что встречают Исатая как дорогого гостя. Богатство бая Аблая позволяло ему держаться на равных с чингизидами, Исатаем и Валиханом. Законы степей, выработанные столетиями, постепенно оставались в прошлом. Нынешние времена любили богатых и состоятельных баев, перебежавших из стана в стан при первой же опасности.

Отар отделался ужином в гостевой юрте. Он привык к своему жизненному статусу и скромно покушал с другими воинами, прибывающими из степи в стан Аблая.

42. Инт. Юрта Аблая. Женщина убирает с достархана поднос с мясом. Наливает кумыс в пиалушки, подает баю Аблаю и Исатаю. Кланяется, уходит.

Исатай

(отпив из пиалы, прикладывая ладонь к груди)

– Я бился с джунгарами, уважаемый Аблай, в урочище Каркыра-Санташ, что переводится «Камни Тамерлана». Их было триста, нас полтысячи. Ойраты прекрасно вооружены и защищены железными доспехами. Джунгары – опытные воины и с детства дружат с оружием, не расставаясь с ним даже ночью.

Аблай

(обиженно надув губы)

– Наши джигиты не трусливей монголов. Они будут сражаться не хуже их.

Исатай

(отпив глоток кумыса, и ставя пиалу на достархан)

– Чтобы сражаться, почтенный Аблай, нужна не только храбрость, но и умение.

Аблай

(отпив глоток, так же ставит пиалу перед собой)

– Поэтому ты здесь.

Исатай

– Я готов.

Аблай

– Через три дня соберутся остальные воины. Их приведут баи и вверят тебе под начало. Я назначу сотниками сыновей уважаемых людей. Десятников можешь назначать сам.

Исатай

– А если назначенный тобой, уважаемый, сотник не способен будет командовать? Или Аллах обделил его разумом?

Аблай

– Это закон степи. Сын бая не может подчиняться безродному воину, а безродный воин не может командовать сыном почтенного человека. А теперь иди и отдохни после долгой дороги.

Действие:

Заходит женщина и собирает с достархана пиалы. Исатай встает. Разговор окончен. Он недовольно морщится. Прикладывает к груди руку, но не кланяется безродному богачу. Выходит из юрты. Всюду движение, топот копыт, пыль.

В стане оживление. Подъезжают новые всадники. Их встречают распределяют по юртам. Всюду движение, топот копыт, пыль.

43. Нат. СИБИРЬ. Тайга. Беглецы.

Действие:

На встречу идет медведь. Останавливается, нюхает воздух. Архип и вогул оказываются у него на пути.

Голос за кадром

Нет, это был медведь не такой, какого водят по ярмарке на цепи. Это был огромный зверюга, который встал на пути беглецов. Роняя из пасти на траву капли слюны, хозяин тайги остановился, перекрыв дорогу. Понюхав воздух, он уставился на Угора и Архипа. Архип вынимает саблю из ножен. Угор его останавливает.

Угор

(шепотом)

– Медведь – это покровитель нашего рода, и его нельзя убивать без нужды, если он не встал на задние лапы, то задираться не станет.

Вогул поднял руки вверх и разведя их чуть в стороны, брякая двумя ножнами сабель, которые висят через каждое плечо, смело шагает на зверя.

Косолапый, трясая слюной, отходит в сторону.

Угор

– Поднимай руки и иди мимо.

Кузнец поднимает руки вверх шагает мимо медведя за Угором.

Зверь, пропустив путников и еще раз обнюхав воздух, идет своей дорогой.

Архип

(вытирая холодный пот, и поправляя лук с колчаном стрел, глядя на дрожащее лезвие сабли)

– Ты зачем руки поднимал, Игореша?

Угор

– Хозяин не нападет на того, кто выше его, я поднял руки и стал выше.

Архип

(нервно хохочет)

– Ты бы еще подпрыгнул. Я чуть в портки не наделал, хотя быка на спор в лоб кулаком ложу с одного удара. А энтого, зверюгу, каюсь, испужался. Но коли бы он тебя подмял, свернул бы я ему шею как Узун Беку.

Угор

(не оборачиваясь, шагает по звериной тропе)

– Медведь не голодный нынче. Ягода есть, грибы есть, рыба в реке есть. Он идет своей дорогой, мы идем своей. Наши предки были медведями, мне дедушка рассказывал, и бояться их не нужно. Он не зря здесь. Рядом стойбище остяков, а они рыбу ему в дары приносят, чтоб скот не трогал. Видел же, что морда в чешуе была.

Архип

(шагая за вогулом, останавливается)

– Какая морда!? Кака чешуя?! Тут маманю родную забудешь, коды встретишь тако чудище, не то что морду разглядывать.

Архип усмехается, догоняет вогула, все еще с опаской оглядываясь назад.

Голос за кадром

Действительно, к полудню выйдя из осинника, беглецы наткнулись на стойбище из пяти юрт. То были остяки – рыболовы.

44. Нат. Стойбище остяков.

На столбиках загона для скота висит нехитрая рыболовная снасть, в основном плетенные из тальника мордушки. Тут же сушится рыба.

Лайки, выскочившие навстречу, пару раз тявкнув, убегают по своим делам.

Угор

– У нас собаки на человека не бросаются, мы убиваем тех, кто человека не любит. В тайге только на зверя, белку, птицу можно лаять.

Архип

(оглядываясь, и еще побаиваясь собак)

– Там, в рабстве, басурманские собаки дурные, за пятки кусают, и поди, пни какую, сразу хозяин этим тварям найдется, так плетей огребешь, хуже, чем у собак, наша жизнь была.

Действие:

Навстречу из ближайшей юрты выходит человек непонятных лет. Опираясь на посох с костяным наконечником, он вопросительно смотрит на Архипа и Угора.

Угор

– Мы идем мимо, на реку Эндра, в городище Эдем.

Хозяин стойбища

– Вы одеты, как татары.

Угор

– Мы идем с юга степи, были в полоне татарском, теперь уже дома. Хан Сейдяк объявил, что хочет отдать рабов русскому царю.

Хозяин стойбища

– Хану Сейдяку ныне не до вас, на него пошел войной Кучум-хан. И кто победит, не известно. Заходите в юрту и отдохните. Одного-то признаю как русича, а вот ты с какого племени и роду?

Угор

– Я из племени шыбыр, я правнук сотника Пама, который, потерпев поражение от Стефана Пермского, ушел за камень и поселился в районе Атлымских юрт. Еще я праправнук Шамана Пынжи.

45. Инт. Юрта остяка.

Беглецы проходят в юрту. Там темно. Оглядывают стены, увешанные разными полезными в обиходе вещами.

Хозяин стойбища

(обращается к присевшему к огню чувала Угору)

– Я верю тебе. В отрочестве слышал я об этой битве. Знаю и Атлымские юрты, куда ушли ваши сородичи, оно в десяти днях пути по реке и двадцати по суше. Но чем могу помочь вам я? Разве что накормить и дать обувь?

(показывает на рваные чулки кузнеца)

Угор

– Я дам тебе золото для твоей жены. И один нож для сына, если он у тебя есть.

Хозяин стойбища

– Что ты хочешь взамен?

Угор

– Нам нужен твой обласок (лодка) , тот, который сушится на берегу, и еще к нему два весла. И, конечно, сапоги и одежда. Скоро заморозки, а путь долог.

Хозяин стойбища

(отрицательно качает головой)

– Я не могу отдать тебе обласок. На днях пойдет Муксун, а после и Нельма, и если я останусь без челнока, то останусь без рыбы и не смогу заплатить ясак.

Угор

(протягивает брошь, продолжая торговаться)

– У тебя два обласка. А на это ты можешь купить еще и бударку

Хозяин стойбища

(доволен обменом)

– Хорошо. Я дам вам обласок, но обувь у меня одна.

Угор

(торгуется, протягивает под нос другие украшения и нож)

– Ладно, посмотри вот это.

Хозяин стойбища

(увидев украшения, радостно соглашается)

– Я дам вам сушеной рыбы, мяса и две старых малицы.

Архип

(встревая в разговор)

– Шубы – это хорошо.

46. Нат. Ночь. Река.

Ночь. Яркое лунное марево. Н воде, работая двумя веслами, беглецы, в купленном обласке, скользят по водной глади.

Архип быстро привыкает к неустойчивому верткому суденышку. И уже после первого поворота ловко загребает со своей стороны веслом.

Голос за кадром

Долбленка ходко идет вниз по течению, все дальше и дальше унося беглецов от Сибирского города Искера, последнего заслона хана Кучума. Теперь, кроме китайских купцов, промысляющих пушниной, и остяков-рыболовов вряд ли кто им встретится. Да и со стороны, одетые в малицы, друзья выглядели местными жителями и не привлекали особого внимания.

Они дошли. До счастья. До края где нет рабов и господ. Но не знали беглецы, что ждут их испытания. Так как вскоре придут в Сибирь мухоморы-бояре.

Но этот сказ в следующей серии.

47. Нат. КАЗАХСТАНСКИЕ СТЕПИ. Стан Аблая. Воины.

Действие.

Вид тренирующихся всадников.

Исатай шуткой побеждает.

Подает руку упавшему всаднику.

Тренирует.

Голос за кадром

(на фоне учебного сражения)

Исатай неустанно тренировал воинов. Каждый день с утра, пока утренняя прохлада не спала, он заставлял их разбиться по парам в конном или пешем строю и рубиться саблями с надетыми на них полосками из конской кожи. Опасное занятие давалось сразу не всем. Но опытный воин был упрям. Ведь в настоящей сече никто не спросит, умеешь ты биться на саблях или нет. Он шаг за шагом учил рубить сверху, сбоку, колоть прямо, разворачивать коня с помощью ног, если руки будут заняты, и за полтора месяца обучения его занятия дали свои результаты.

Командиров сотен ему помог подобрать Аблай. Десятников Исатай подбирал сам, учитывая силу, ловкость, а не происхождение. Отар был рядом. Передавал его поручения на тактических занятиях по охвату, свертыванию тысячи в боевой и походный порядок, обходе условного противника. Две сотни отобранных лучников тренировал Отар. Учебная стрельба с места постепенно заменила стрельбу на скаку.

Единственной проблемой была экипировка небогатых воинов. Баи не сильно-то и желали раскошиться на дорогое снаряжение. Местные богачи считали, что им достаточно поставить людей для отряда, а покупать им доспехи необязательно.

К середине осени прибыла еще и сотня батыров – профессиональных воинов. Она тоже формально вошла в тысячу Исатая. А к весне ожидали подход других тысяч из среднего и старшего джузов, которые должны были встретиться с Исатаем у озера Балхаш.

На зиму Аблай отпустил обученных воинов домой...

48. Нат. Стойбище Еркена.

Ботагоз стоит в степи. Радостно улыбается. На встречу едут два всадника. Исатай и Отар возвратились домой.

49. Инт. СИБИРЬ. Дворец Кучум Хана.

Маметкул и Кучум Хан сидят во дворце. Кушают сладости. Разговаривают.

Маметкул

– Дядя, разведка донесла, что южнее Сибирского ханства зреет восстание и неповиновение. Этим может воспользоваться Сейдяк, приобретя себе союзников. А три сотни ногайцев, пройдя Калмыкское ханство, бесследно исчезли в степях.

Кучум Хан

– Знаю, Маметкул. Этот Аблай – настоящий баран, он никак не может определиться, кому ему служить. После падения Казани многие, как трусливые шакалы, стали вилять своими погаными хвостами перед царем Иваном. После того, как я лично зарезал Едигера, мы ходили походом на Пермский край, поднимали восстание чувашей, которые были недовольны порядками, учиненными царскими слугами. Сейдяк же постоянно нападал на наши окраины, мстя за отца и дядю. Я думаю, что мы можем пришедших к нам ногайцев послать потрепать Сейдяка и склонить на свою сторону Аблая,

Кучум хан принимает у слуги пиалу с чаем.

Кучум Хан

(злорадно улыбается)

– Найди свидетеля, Маметкул, и пусти слух, что сородичей ногайцев перебили люди Аблая и Сейдяка. Пусть мстят.

Племянник, поклонившись, выходит из юрты.

50. Инт. Казахстан. Шалаш. Берег Ишима. Шалаш. Вокруг костра сидят старцы. Гостомysl выводит Никиту из транса.

Гостомysl

– Был ты, Никитушко, в стороне дальней. Ой, и далеко, соколик, слетал. Хорошо, что нить жизни не оборвалась, да не остался тама-ка на веки вечные. Унесло тебя в дали дальние, времена студеные. Но многое и нам, старцам, ясно стало чрез тебя, сиротинушку. И про веру славянскую, и про веру греческую, и про русское царство от моря до моря, и про дальние странствия вплоть до звезд дальних. Да про мытарство народа русского, победы да поражения сынов земли нашей,

Гостомysl помешивает варево в котле.

Каменотес осматривает своды шалаша, в котором находятся четыре волхва. Он немного трясет головой и, почесав бороду, спрашивает.

Никита

– Иж много ли я спал, люди непорочные?

Гостомысл

(наливает уху в деревянную миску, подает Никите)

– Да, почитай, три дня и три ночи, ты отрок, кричал во сне, бился с силами темными. Все порывался со товарищами уйтить. Токмо ушли они уже далече. Нагнать их трудно теперь. Да и не по пути с ними тебе покамест. Тобе Велесом силы дадены в будущее зреть. И наше окончание подхватить, когда не сдюжим мы нести на земле слово прежнее.

Остальные старцы, слегка кивнув головами в знак согласия, по очереди наливают себе трапезу.

Гостомысл

(показывает на старца лет восьмидесяти)

- Это Стоян, он у нас за младшего. Выучит тебя Стоян грамоте нашей. Научит разбирать и скифские вязи, и руны ариев. Ты, отрок, каменотес, тебе и письма наносить на веки вечные. Чтобы те письма попали к внукам и правнукам нашим. Дабы знания прашуров, собранные по крупицам многими веками, перешли к последующим поколениям. А когда возродится вера истинная и прекратится гонение последователей веры нашей, выйдут волхвы к людям и понесут они, ако огонь, истину в люд наш, согревая сердца славянские.

Никита

(перестает кушать)

– Так как же я от веры-то отрекусь, отче? Душу язычеству отдам?

Гостомысл

– Ты уже от нее, от веры своей, отступился, когда с Ливонской войны утек на хлеба вольные. Пошто, не помнишь? Как боярину своему крест целовал? Как божился живот свой отдать в ратном поприще? Нет тебе назад туда ходу токмо здесь тебе и пристанище. А не по душе твоей христианской станет жизнь с нами, уйдешь весной. В аккурат, на праздник пробуждения Велеса-медведя и уйдешь, держать тебя силой не станем.

Никита

– Что за праздник такой, отче? Не ведаю.

Гостомысл

– Это, по-новому, день святого Власия будет. Нарядятся люди в тулупы и радуются весне-красавице да пробуждению Велеса-медведя. Блины пекут, как сейчас на масленицу. Греки-то хитрые, они не ломают через колено веру старую, а перекраивают на свой ляд обычаи наши. Вот токмо волхвов изводят повсеместно. Поэтому и не на Руси мы ныне, а в степях кыргызских жительствоуем. Тут нет гонений нам. С местными под одним небом уживаемся, знахорствуем и скот лечим. То грыжу чаду какому зашепчем, то скотины падеж остановим.

Никита

– Так вы что, тута и живете в шалаше?

Гостомысл

– Нет, живем мы на сопке каменной, в пещере Жаман Тау, Жаман сопкой степняки ее окрестили. Плохой, стало быть, сопкой, колдовской. Поверье у них наличествует: кто с мечом или с другим оружием на сопку взойдет, тот каменным идолом враз станет и на века им и останется. Два дня пути пешим ходом до нее и до пещеры нашей. А здесь мы рыбу на зиму в Исиле ловили и вялили да грибы, ягоды сушили всю весну. Коренья всякие от хвори да от напастей собирали. Веревки конопляные плели и лык на лапти резали. Вечером приедет на арбе дальний родственник Аблая и отвезет всю поклажу нашу к сопке. И мы пойдем с ним. Благодарен Аблай нам, все сына не могла жена ему принести. Так помучился, поколдовал с ней Истислав, и родился у Аблая бала, то есть мальчонка.

Старец по имени Истяслав, лет под девяносто с виду, кивает головой в знак согласия.

Гостомысл

(показывает на старца, сидящего в шалаше)

– Ну, а это наш Вторак, Ему одному дадено прошлое помнить и будущее зреть. Он-то тебя и усыпил травами настоящими, да три ночи летал ты на нити богов, куда ему потребно было, для познания мира насущного.

Гостомысл, смотрит на горизонт, собирает пожитки в узелки и корзинки. Появляется легкий ветерок. Шелестела листва на деревьях. В воздухе веет свежестью. Наползают тучи.

Гостомысл

– Вот и Перун радуется тебе, Никита, что ублаготворил нас своим присутствием. Коли дождь да молнии к вечеру будут, то знать, Перун знак дал, что благоволит тебе и велит оставаться.

Приезжает на арбе человек Аблая. На арбу с огромными колесами сложивают пожитки и заготовки. Сами идут за арбой следом...

Вечером их нагоняет гроза.

Проливной дождь идет всю ночь, небо громыхает, освещая сопку, которая появляется из темноты как изваяние страшных сил.

51. Нат. Сибирь. Стоянка беглецов.

Архип и Угор устраиваются на ночлег у костра.

Архип

– Слышь, Угор, а ты что зрел, когда грибы давеча ел?

Угор

(подкидывает хворост в костер)

– Никиту в белых одеждах видел, старого совсем, с бородой до пояса и усами длинными. Видел городище свой, разрушенный и заброшенный. Тебя в кузне, сабли изготавливающего, и мальчонку рядом дуже смышленного. Много видел. Войну видел. Златую Бабу в пещере каменной зрел. Спать ложись. К рассвету пробужу, ты опосля стеречь сон и огонь будешь. Росомаха вокруг ходит, поганый она зверь, подлый зверь. Если стая, то и напасть могут на сонных.

Голос за кадром

В небе горели звезды, и были они низко-низко. Звезды красивым ковром светили над урманом.

Впереди путников ждало обустройство на зиму и промысел.

Архип и не предполагал, что через несколько лет сюда придут люди Ермака.

Утро. Архип толкает древком копыя спящего вогула.

Архип

– Разбудить просил, как солнце встанет.

Угор

– Сегодня переплывем на высокую сторону. Пора к зиме готовиться.

Архип

– А что, дальше-то не пойдём?

– К зиме готовиться надобно, лабаз строить станем. Землянку копать будем. Юрту ставить. Морды плести на зиму, чтоб в загар рыбу заготавливать.

Архип

– Какой такой еще загар?

Угор

– Ну, это когда вода тухнет, горит, значит, подо льдом. Рыба на родники идет дышать, тут ее и ловить надобно. Прозеваешь загар, голодным останешься. А далее, коль не понравится место, на север мы с тобой весной тронемся. Нынче уж вода малая, да и снег скоро выпадет. Не пройдем сейчас, сгинуть можно. Весной много воды придет, и мы пройдем. А пока зиму тут зимовать станем да заготавливать снедь начнем. Скоро китайцы приспеют, шкурки менять примутся на посуду разную да вещи всякие. На больших ладьях приплывут. Они всегда приходят поздно осенью, когда шкура крепкая у зверя станет.

Архип

– А назад как же они супротив течения по холоду и воде малой?

Угор

– Вода, перед тем как лед станет, поднимется. Вот они где на греблях, где под парусиной и возвращаются к себе.

Архип

– А татары что? Не трогают разве купцов их?

Угор

– Грамоты охранные от хана джунгарского у них. Ясак платят, вот и ездят по всему свету.

Собирают свои пожитки в обласок. Беглецы гребут к правой, горной стороне реки. Дружно работая веслами, они, перескакивая небольшие гребешки волн, направляют челнок поперек течения.

Вогул, когда обласок выходит на стремнину, голосит песню:

Угор

(поет)

– Лодка мой, весла мой, я иду к себе домой!

Архип

– Ой, и веселый ты, Угорка, человечина! Что видишь, то и поешь.

53. Нат. Правый берег реки Обь

Беглецы подплывают к берегу. Пристают напротив лога, по дну которого бежит ручей.

Вогул быстро находит четыре сосны, растущие правильным четырехугольником.

Угор

– Лабаз будем ладить на столбах, чтоб зверь запасы не растащил. Высоко поднимем. Не росомахи достанут.

Архип

– А сами как туды лазить будем?

Угор

– Бревно приставим с зарубками, когда нужно будет туда попасть, а опосля класть его на землю будем, чтоб зверь не зашел.

Архип

– А сами-то как? Где жить станем?

Угор

– Юрту поставим, землянку выкопаем, не пропадем. Камень есть на берегу, глина есть в ручье для чувала. Такой изба из шкур сделаем, боярин позавидует!

Вогул улыбается, затачивает ножом очередную палочку.

Угор

– Я за шкурами в юрты Атлымские схожу, тут недалече.

Архип

– А палочки на кой ляд тебе сдались?

Угор

– Гвозди это будут. Нижний ряд лабаза держать станут.

Архип

– На Беломоре их нагелями называют, ладьи и струги с их помощью собирают, нужная вещьца.

Работа кипит. Рубят сосенки. Очищают бревна от коры ножом и острием сабли.

Угор

– Под корой личинка жить будет, бревно съест к весне совсем. Хорошо что кору ободрали.

Лабаз собран, для того чтобы ветер не раскачивал столбы, на которых он стоит, макушки деревьев срублены по верхний настил лобаза.

Голос за кадром

Вогул правильно выбрал место. В логу было довольно тихо. Холодный северный ветер практически не попадал в ложбину. Зато весь северный склон, на котором обосновались путники, практически целый световой день согревало солнце.

С обустройством юрты хлопот было поменьше. В ход пошли макушки срубленных сосен и березок. Установив их шалашом и связав верхушки, друзья получили в подарок крышу над головой. Архип так вошел в ритм стройки, что останавливаться на достигнутом и не собирался. Натаскав от берега камней, он принялся мастерить печь. Да не простую, а кузнечного дела. Срубил навес над ней и взялся за стены.

Угор

(собирается в дорогу)

– Ты, Архип, ночуй в лабазе, пока я хожу к осякам на стойбище. Не то, гляди, зверь какой придет. Одному не справиться тебе. Особенно росомахи если придут, то станут они тебя караулить, пока не устанешь и не уснешь. А опосля загрызут. Купцов к лабазу не води. Если мимо плыть будут, меняйся и торгуйся на берегу. Хотя и торговать-то у нас нечем пока. Разве что саблю одну выменяешь на вещи, какие нужные в хозяйстве. Да про соль не забудь. Ее с верховья Тобола возят на Обдоры, на меха меняют, но и саблей не побрезгуют. Только смотри цену ломи. Торгуйся долго. А лучше меня дождись, а то не ровен час и на татар нарвешься.

Вогул уходит на рассвете, взяв с собой лук и копье.

54. Инт. Жаман Сопка. Казахстан. Пещера отшельников.

Никита проходит за старцами в пещеру привыкает к полумраку, осматривается. В каменных стенах высечены ниши для спальных мест. Уложенные шкуры в несколько слоев служат ведунам и перинами, и покрывалами. Посередине жилища из бутового камня имеется искусно сложенный длинный стол и лавки. Наличествует очаг, выложенный из плоских камней, с пятью колодцами. В одной из ниш лежат каменные и глиняные дощечки, на которых виднеются надписи. Никита аккуратно берет одну из них. Рукавом смахивает пыль и по слогам вслух читает

Никита

- У ора-тая ко-бы-ла со-ло-вая,

Гу-жики у него шелко-вые,

Со-шка у ора-тая кле-но-вая,

Оме-ши-ки на со-шке бу-ла-ные,

При-со-шек у со-шки се-ре-бря-ный,

А ро-га-чик-то у со-шки крас-на зо-ло-та,

А ора-тая куд-ри ка-ча-ю-тся,

Что не ска-чен ли жем-чуг рас-сы-па-ется,

У ора-тая гла-за ясна со-кола,

А бро-ви у не-го да черна со-боля,

У ора-тая са-пож-ки зе-лен са-фьян,

Вот ши-лом вост-ры, но-сы вост-ры,

Вот под пята во-ро-бей про-ле-тит,

Око-ло но-са хоть яй-цо про-кати;

У ора-тая шля-па пу-хо-вая,

А каф-тан-чик у не-го черно бар-ха-та.

Никита поворачивается к стоящему позади его Гостомыслу и смется:

Никита

– Уж иде, отче, такого пахаря найти-то? Чтоб соха золотом да серебром подбитая была, да сапожки княжечи, да ашо гужики шелковые? Обычно у пахаря портки дырявые да лапотки дедовы... Сказка это, ложь несусветная

Гостомысл

– Былины – это сказания наши древние. А Микула-пахарь, стало быть, герой опричный. Особенный, сказочный. Ведь знамо – сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. В сих сказаниях история и уклад Руси нашей, и мы призваны сберечь сие наследство. А люд, который не помнит и не чтит корней своих, обречен на исчезновение.

Никита бережно кладет табличку на место.

Стоян

(подходит к Никите и Гостомыслу)

– Тут много чего схоронено от попов греческих да от слуг царских, кои рыщут аки волки в поисках сих записей и колотят таблицы прилюдно, не думая о сохранении наследия бесценного. Тут и про Святослава Храброго и про Игоря, сына Сокола. А вот это про Солнечного царя Дажьбога и Громовержца Перуна. Есть скифские и сакские письмена, но неведомо нам, что писано в них, хотя храним и их, может, кто и разыщется, способный прочесть письмена давнишние.

Никита

(разглядывает таблички)

– Я тюркскому и фарси немного обучен. Видел и китайские, и джунгарские вязи. Ведь каменотесил, почитай, два десятка лет в полоне. Надписи на каменья могильные наносил да на стенах резал фрески всякие. Учителей много среди старых мастеровых было. Царь Тимур Хромой в свое время довольно умельцев в Самарканде собрал. Кого полонил, кого купил или заманил хитростью. Вот только вход туды – полушка, а выход – рубль серебряный. Многие в неволе так и сгнули на работах тяжких да от ласки басурманской.

Гостомысл

– Ничего, малой, поучим и мы тебя трохи. От нас выход тоже не прост.

Никита

– Так какой же я малой, почитай, сорок пять годин справил нынешней весной.

Вторак

– Кха-кха-кха, Кха-кха-кха, напужал ты нас годами своими!

55. Нат. Сибирь. Лог. Шныряющие около построек три росوماхи. Архип под навесом кузни.

Архип с досадой бросает взгляд на сабельку, так опрометчиво повешенную им на ветку сосны.

Глядит на копье, которое стоит кверху острием, прислоненное к столбу лабаза.

Архип

Ведь наказывал же вогул, чтоб я был осторожен без него! Нет, увлекся олух строительством кузни своей. До лабаза-то добежать не успею, на спину прыгнут.

Кузнец берет по большому камню в каждую руку и тихонько двигается в сторону лабаза, единственному месту, где можно было укрыться от зверя. Росوماхи, окружают полукольцом добычу, медленно надвигаются, стараются оттеснить человека вглубь тайги и не допустить его к своему убежищу. Самая ретивая из них, подбирается ближе всех к жертве, но получает голышом в голову и, заскулив, отскакивает.

Этим случаем и пользуется Архип, и в два прыжка оказывается у бревна, служащего лестницей.

Архип хватает копье, и встает спиной к бревну-лестнице. Медленно задом взбирается по бревну. Вторая хищница, получает легкий укол копьем, визгнув, отскакивает.

Кузнец открывает наощупь дверь лабаза, и закатывается задом в него, на ходу запирает за собой дверку.

56. Инт. Сибирь. Лог. Лабаз.

Тут же снаружи дверь царапают когти третьей росوماхи.

В малюсенькое оконце пробивался лучик света. Архип осматривается.

Сквозь щели двери Архип рассматривает бревно-лестницу. Саблю, висевшую на ветке сосны.

Архип

– Плохи дела, лестницу-то не уронил на землю. На крышу твари залезут, а от туда меня сторожить станут, и как только вылезу, на спину и прыгнут. Эх сабелька бы пригодилась. А с длинным копьём в лабазе не развернуться. Скорей бы Угорешка вернулся.

По крыше мягкой поступью проходит одна хищница, обнюхивает щели и ищет место для проникновения вовнутрь. Вскоре уже все три хищника бродят по крыше, обнюхивают щели и лапами царапают бревна перекрытия.

Архип подтягивает к себе копьё, но оно длинное, и размахнуться он в маленьком лабазе им не сможет.

Сверху на голову кузнецу сыпется свежая стружка. Один из хищников, разыскав маленькую щель между бревнами, принимается когтями и клыками ее расширять. Архип пытается о колено сломать древко копья, но буковая древесина не поддается. В потолочной щели между бревнами показывается мокрый нос росомахи. Кузнец вспоминает про кремень, который висит на шнурке рядом с крестиком, и, быстро снимает шнурок через голову, тыкает в пятак острием.

Наверху, взвизгнула росомаха, фыркнула и, опасаясь очередного укола в нос, отчаянно заработала лапами.

Архип

– Да уж, попал как кур в ощи́п.

Архип приседает на корточки, невесело усмехается, смотрит на входную дверь лабаза, нижний угол которой грызет другая росомаха...

57. Нат. Сибирь. Спуск с сопки к реке по логу.

Вогул, напевает себе под нос очередную песенку, которую сочинил на ходу под такт шага, возвращается домой, спускается с сопки в лог.

Голос за кадром

Встречей на стойбище с земляками Угор был доволен. Кое-что выменял, а что-то и в долг взял, пообещав рассчитаться к весеннему ледоходу. Товар, нужный для зимовки, он отправил по речке с остяками, которые спускались на Обь для заготовки рыбы. Сам же двинулся через сопки напрямик.

За ним увязались две лайки. Вогул и не противился новым спутникам. Прокормить он их прокормит, а в охоте это незаменимые помощники. И зверя облают, и лабаз постерегут, пока рыбу ловить будет на реке. Да и незваных гостей заранее встретят. За боевой лук наменял Угорка товару немеряно, в две лодки кое-как скраб поместился.

Угор

(шагая вниз по оврагу)

- Не нужны в тайге мне боевые тяжелые стрелы. Если доспехи у воина насквозь пробивают, значит и глухаря да птицу насквозь прошьют, а с белкой и вовсе улетят в дали дальние. Не сыскать мне потом стрелу. А их-то всего двенадцать и осталось, стрел-то, Зато шкуры для юрты выменял. Котел добыл медный, лук охотничий, топорик, да мелочь всякую для жизни необходимую. Как раз на Атлымских юртах купцы-менялы были, они-то и похватили, почитай, все, что у меня на обмен было приготовлено,

Вогул останавливается. Нюхает воздух. Прислушивается.

Угор

– Ветер с реки дует, а дымом не тянет. Огонь прозевал Архипка? Или случилось что?

Лайки, перестают путаться под ногами, с визгом кидаются вниз по логу в направлении лабаза.

58. Инт. Сибирь. Внутри лабаза.

Голос за кадром

Архип уже находился шестые сутки без воды и пищи. Без еды еще можно было бы потерпеть, но вода уже начинала мерещиться. То дождь вроде как пойдет, то речка зашумит под лабазом. Прислушается Архип, а это сосны шумят, да росوماхи по лабазу рыщут. Он уже и кору-то всю, какую не сняли при зачистке бревен, ободрал да изжевал. И березовые лаги ковырять кремнем принялся. А эти твари лазят да лазят по перекрытию. И знай себе грызут бревна в надежде добраться до добычи.

Архип

(прислонившись к стене, пересохшими губами)

– Хоть бы, стервы, наземь прыгнули. То уже полегче бы было. А то сидят на крыше и ждут, когда человек из двери покажется, чтоб на спину прыгнуть. Да здоровые две какие, как медведи маленькие. А с ними малая, видать, помет их, везде, зараза, нос свой засунет, как ключник боярский. И под дверь норовит, и в оконце заглянет.

Слышится визг и лай собак.

Архип

(в полубреду)

– Ну, токмо звон колоколов и осталось услышать. А так уже все пригрезилось. И где этого лучшего носит? Может, зазимовал Угорка с рыбоедами да бросил своего сотоварища на погибель жуткую. Эх, сабельку-то я проворонил. Так бы порубил в капусту этих шавок вонючих.

Архип в бреду, лежит на бревенчатом полу, слышит, что снаружи идет какая-то борьба. Визг и рычание переходят порой в скулеж и вой.

Сквозь щели бревен двери появляется огромная мохнатая тень.

Кто-то с силой нажимает на дверку.

Архип пытается удержать ее своим телом, прижимается к ней спиной. Но дверка лабаза медленно открывается вовнутрь все шире и шире. Кузнец из последних сил разворачивается и, теряя сознание, колет кремнем в нос мохнатому чудищу.

У Архипа темнеет в глазах. Ему мерещится водопад.

Пересохшие губы ощущают благословенную влагу.

Он судорожно хватает струйку воды, текущую ему откуда-то с небес.

Угор

– Сейчас еще принесу.

Архип

(хрипит не своим голосом)

– Угорка, ты что ль?

Угор

(прикладывает мокрую тряпицу к своему поцарапанному носу)

– Ты зачем мне камнем нос разбил

Архип

(усмехаясь)

– Это я со зверем невиданным сражался и, видать, тебя с ним попутал.

Угор

– Нет зверя больше. Одного я из лука снял. Другого, маленького, собаки на дерево загнали. А один ушел.

Архип

– Ух и взяли же они меня в оборот. Ну, чаял, сожрут, ироды.

Угор

– Наглый зверь росомаха. Совсем безобразница. Продукты ворует. С дерева на спину прыгнуть может. А вот чтоб кидаться на человека открыто, не слышал. Видать голодная шибко. Или свой удел защищала.

Архип

(присаживается)

– Вот живи и бойся. Вдруг вернутся.

Угор

– Не вернутся. Теперича у нас две собаки есть. Почуют сразу. Одну вон росомаху уже таскают по поляне, грызут. Другую сторожить будут, пока она с дерева не упадет. А третья не придет. Вот и стаи нет. Теперь это наше угодье. Мы хозяйева здесь.

59. Нат. У лабаза.

Лайки, бросают растерзанную росомаху, прислушиваются. С визгом кидаются к берегу, где слышны голоса и шлепанье весел о воду.

Это пришли лодки с товаром, который выменял вогул у купцов и остяков.

Молодая росомаха, пользуясь случаем, прыгает с дерева и опрометью убегает в тайгу. Прочь от людей и собак. Лог теперь принадлежал не ей.

К Архипу подходит остяк, протягивает острогу, показывает на зазубрины и погнутый край.

Архип рассматривает наконечник, подходит к своей самодельной печи.

Разводит в ней огонь. Ждет, когда поленья разгорятся, и шагает по кладке из камней ниже по логу.

Архип

(поясняет семяющему за ним остяку)

– Горна нет, силы пламени не будет. А ежели наподобие дымохода подвод воздуха из камней соорудить да тягу в печь пустить, может, что и выйдет.

Кузнец, подходит к началу каменного колодца, отваливает заслонку из круглого камня. Тут же на другом конце из чрева печи взметаются фейерверком искры. Кидает в колодец подвода к печи перышко. Перышко улетает. Тяга поддува хорошая

Архип возвращается под навес.

Нагревает на огне до нужной температуры железный наконечник остроги. Отковывает обухом топорика острие, использует в роли наковальни огромный речной валун. Вогнав раскаленный наконечник в грязь, закаливает острие.

Архип

– Жир нужен или масло, а грязь слабый закал дает.

Пробует ногтем наконечник, подает острогу хозяину.

Вокруг собрались остальные рыбоеды. По очереди пробуют пальцами острие и, кивают на Архипа, довольно закивали головами.

Остяк

(хозяин остроги)

– Медвежий жир опосля привезем, еще ковать мал-мал нужно. Ты есть Белый Шаман.

Архип

(обращается к Угору)

– Что за древко такое дивное на остроге? Совсем не горит.

Угор

– Это кость слона северного. Когда-то жили они тут. Но ушли в Индию. Я видел в детстве рисунки в пещере у большого камня. Совсем как слон, какого я в Бухаре видел, только нос маленький и шерсть как на буйволе. Эти кости река нам отдает, вымывает на берег. Иногда огромные клыки вымывает, мы из них полозья для нарт мастерим. Богатый человек будет тот, кто найдет эти клыки. Из мелких же костей наконечники для стрел мастерят, древко к острогам или копьям ладят. А эта острога, кою ты ковал давеча, с железным наконечником, двадцать оленей стоит. Ей царь-рыбу бьют, когда она в завесу попадет.

Архип

– Осетра что ль?

Угор

– Ну да, царь-рыбу, в которой икры много, а шкура толстая, на обувь и ремешки идет.

Архип

– Да уж, шершавого костяной острогой не возьмешь, тут железная пешня надобна.

60. Инт. Казахстан. Ночь. Стойбище Еркена. Юрта.

Отар тихонечко трогает за плечо спящего Исатая.

Отар

– Вставай, айналайн. Плохой хабар пришел, со стороны Искера идут три сотни ногайцев. Их видели восемь лун назад на слиянии Исиля с Эртисом. Ныне они встали лагерем у Жаман Тау. Нужно поднимать джигитов, посылать гонцов по всей степи, собирать всех, кто может носить оружие. Они уже сожгли большой аил, побили дозорный отряд на слиянии Исиля с Эртисом.

Исатай

(просыпаясь)

– Какая цель у астраханских татар? Мы не вступали с ними в войну?

Отар

– Аблай говорит, что их послал Кучум-хан наказать наш народ за преданность племяннику Едигер-хана.

Исатай

– Но Сейдяк является единственным наследником на престол хана Сибири. Его назначение на ханство определено потомственными чингизидами. А Кучум – узбек, стоит ниже по сословию покойного Едигера. Его и в Бухаре мало кто празднует, хотя он и сын эмира.

Отар

(наливает Исатаю в пиалу кумыс)

– Кучум постепенно захватывает власть. После падения Казани и Астрахани ослабло влияние Крыма на наши земли. А Бухара отдать русскому царю Сибирское ханство с его богатствами не желает.

Исатай

(принимая пиалу)

– И что ты еще мыслишь, Отар, по этому поводу?

Отар

– Я маленький человек, и голос мой будет услышан только тобой, но считаю, что только один русский царь может оградить нас от набегов монголоидов. Ни Сейдяк, ни Кучум не станут отдавать жизни своих нукеров за наш маленький народ. Так было и сто, и триста лет назад, так будет и впредь.

Исатай

(надевает доспехи)

– Твой глас – глас народа. Отар, ты мне как брат. И я не хочу, чтоб ты погиб в стычке с взбесившимися ногайцами. Поэтому со мной не поедешь. Подготовь мне заводного коня. Заверни джунгарские стрелы, которые извлекли из меня. Я поеду навстречу этим недоумкам. Я думаю, что их натравил Кучум в связи с гибелью отряда у святых могил. Меня же они не тронут, так как я племянник достойного Узун Бека, а он прямой потомок шибанидов. Мой дядя является родственником ногайских чингизидов по материнской линии, И еще, брат, береги мою невесту Ботагоз, я оставляю ее на тебя, потому что только ты можешь до последней капли крови защищать ее жизнь и достоинство. Я вернусь и весной стану тебе зятем.

Названные братья выходят из юрты. Огромное небо североказахстанской степи украшают миллионы звезд, бисером рассыпавшись по небосводу. На траве лежит редкий первый хрустальный снежок.

Исатай

– Ботагоз не буди, не люблю смотреть на девичьи слезы.

61. Нат. Казахстан. Ночь. Стойбище Еркена. Рядом с юртой.

Отар уходит за заводной лошастью, которую вскоре приводит в поводу. К седлу были приторочены курдюк с кумысом и сума с продуктами. Сбоку от лошади семенит Ботагоз.

Ботагоз

– Я не буду плакать, Исатай. Я просто потрусь щекой о твою ногу.

Прижимается к ноге воина, уже сидящего в седле.

Исатай укоризненно глядит Отару в глаза.

Отар

(оправдывается)

– Я ее не будил. Она сама поднялась и собрала тебе в дорогу еду. Ведь топот коня вестового поднял всех на стойбище.

Исатай наклоняется, гладит девушку по волосам и, слегка хлопает камчой круп своего коня. Конь размеренным шагом отходит от провожающих. За ним следует вестовой.

Голос за кадром

Батыр не оглянулся. Нельзя. Плохая примета. Ботагоз это знала.

Девушка долго еще стояла, глядя вслед своему возлюбленному, пока тьма не поглотила очертания всадника.

62. Инт. Жаман Сопка. Пещера.

Гостомысл снимает рубище, переодевается в чистую, отороченную старославянской вышивкой понизу и вороту, рубаху.

Никита, глядит на спину старца. Спина покрыта старыми рубцами от плетей.

Никита

– Так кто ж тебя, отче, так изувечил? У кого рука-то поднялась?

Гостомысл

(надевает через голову чистую рубаху)

– Были сердечные люди на белом свете. Постарались от всей души государевы прихвостни-опричники.

Никита

– За что ж такие муки стерпел? За какие грехи земные?

Гостомысл

– За душевность свою, отрок, за добросердечие. За заботу о люде нашем. А было это так. Нашел мор под Суздалью. Косила, как косой, смертушка народишко. По всем избам прошлась. Почитай каждого третьего прибрать поспела. На улицах пусто стало. Избы нетопленные стоят. Замерший скот по проулкам да по стайкам лежит. В церкви и звонить-то уж некому, все звонари преставились. Решил последний дьякон молебен отслужить, да народ, какой остался, созвать. А я просил людей, в ноги кланялся, чтоб не ходили. Не лобызали образов. Не омывались водицей общей. Кто не пошел, тот жив и остался. Ну а кто не расслышал меня из-за уверования своего темного, тот сразу поймал, да и ушел из жизни со своими чадами и родителями немощными. Ведь недаром пословица гласит: «Заставь дурака Богу молиться, он лоб и разобьет». Так и тут получилось. И дьякон преставился Господу, и народ за ним на тот свет потянулся. Опосля же мора, весной, слуги государевы понаехали да принялись бить кнутами, ересь выгоняя из тех, кто икон не лобызал и в живых остался. Меня принародно перед церковью и заporоли. Думали насмерть, да отходили Гостомысла люди добрые и после тайно вывезли с купцами в Пермские края. А далее я с Новгородским отрядом через камень перешел. По пути с братьями моими повстречался. Туточки мы вместе и оказались. Ранее ведь здесь прашуры наши в сих пещерах обитали, веру берегли, укрывшись от князей Киевских. Как говорится, подальше от ласки да плетей княжеских. Хотя и сам я не простого сословия и выше нынешних князей да бояр по вельможности, опосля как-нибудь поведаю, кто я такой.

Никита

– А куды, отче, сейчас прихорашиваешься? Вознамерился ли кудой? Али так в пещере погарцевать собрался?

Гостомысл

– Татары астраханские войском встали у озера. На сопку они, конечно, не полезут ночью. Тут для них у нас сторожок приготовлен. А вот днем, поднявшись по тропе, могут и заглянуть. Вот тогда белая рубаха и сгодится. Бояться они пророков и людей непорочных трогать. Мы ведь для них колдуны. Стало быть, неприкасаемые люди. Да и дурная слава о нашей сопке ходит. Покрыта сия гора густым вековым лесом. А для степняков лес всегда страшен был. Ну-ка, возьми, Никитушко, в углу тыкву сушеную на черенке да подай мне.

Никита принес тыкву. Разглядывает ее, и смеётся как ребенок.

Никита

– Чучело! Так мы же в детстве на масленицу баб им пужали. Глаза да рот зубастый вырежем и свечу вовнутрь поставим. Старую рубаху наденем. Визжат, коль наткнутся на тропке ночью! Умора, да и только!

Гостомысл

– Вот и мы спускаем вояк диких, коль ночью сунутся их хабарчи на тропинку.

63. Нат. Ночь. Светит луна. Склон Жаман Сопки. Тропа. По бокам тропы дремучий лес.

Два ногойских разведчика бесшумно продвигаются по тропе. Они обнажили сабли. Идут с опаской, озираясь по сторонам.

Темная стена хвойного леса зловеще стоит по бокам тропы.

Ветви, как костлявые руки злых колдунов, дрожа, тянутся к лицам джигитов.

Скрипит дерево. Пронзительно кричит птица, оглушительно хлопает крыльями.

Ноги воинов пригибаются в коленях.

Но оправившись от приступа минутного страха, бесстрашные разведчики двигаются дальше.

Лунный свет хорошо освещает тропу.

Видны следы на примятой траве от арбы, которая совсем недавно проезжала наверх и спускалась обратно.

Голос за кадром

Оба разведчика считались старыми и мужественными воинами. Не один поход за их плечами, не одна битва. Вот только лес, скрипящий стволами да ухающий птичьими криками, вызывал у выросших в степи нукеров леденящее кровь опасение.

Внезапно идущий спереди воин остановился, почувствовав, как у него окаменели ноги.

Тропу медленно переходит призрак в белом одеянии. В рубахе до пят, белой бородой до пояса, он бесшумно исчезает между сосновыми лапами на другой стороне тропы.

Поборов страх, воины сходят с тропы и осторожно раздвигают хвойные лапы. И тут нос к носу сталкиваются с чудищем, у которого светятся глаза, а из клыкастой пасти вырывается пламя. (тыква)

Первый хабарчи

(выпучив от страха глаза)

– Ааа! Это огненный Самурхан!

Второй разведчик несется вниз по тропе, ветки стегают его лицо. Кричит. Бежит к походному стану ногайцев, расставив в стороны руки.

Голос за кадром

Но его напарник уже не слышал товарища по оружию, так как на зависть всем беговым скакунам ногайской степи мчался вниз по тропе доложить о результатах разведки своему начальнику. Он упал у шатра и, изрыгая хлопья пены, выпучив безумные глаза, нес ахиною не менее перепуганному командиру.

Второй разведчик

(на коленях у сапог командира)

– Огненный Самурхан! Огненный Самурхан! Он живет там! Он совсем злой, Самурхан проглотил нашего Нурмета вместе с доспехами! О, мой господин!

Появляется первый разведчик. Идет шатаясь. Без шлема и сабли, с расцарапанным лицом и изодранными доспехами.

Он долго дрожащими руками пытается испить кумыса из поднесенной ему пиалы.

Отважный хабарча, обливается и плескается напитком, перед тем, как упасть в обморок, стуча зубами, выдавливая из себя:

Первый разведчик

(теряя сознание)

– Жаман сопка! Ходить нельзя! Огненный Самурхан очень, очень сердился...

64. Нат. Казахстанская степь. Каменистый берег озера Челкар.

Исатай встречает рассвет вблизи озера Челкар, воды которого настолько чисты, что на глубине десяти саженей видны камни и валуны. Выбирает пологий спуск, поит лошадей.

Отводит их на полянку под деревья, где не дует холодный осенний ветер.

Голос за кадром

Исатаю оставался один переход до Жаман Тау. Там встали лагерем ногайцы. Валихан должен был прислать к озеру проводников.

Исатай сидит у костра. Прутиком шевелит угли. Он говорит сам с собой. Рассуждает.

Исатай

- После падения Астрахани ногайцы в основном ушли на Каспий и Крым. Но, будучи прирожденными воинами, участвовали и в вооруженных конфликтах. Выступив против остатков войск Едигер-хана на стороне Кучума, они невольно вступили в конфликт с русским государством. А ведь совсем недавно ногайские всадники принимали участие в Ливонском походе и были на стороне урусов. Отряды под начальством мурз Тахтара, Темира, Бухата, Бебезяке, Уразлы, оказавшие немалую помощь русскому государю в той войне, теперь ногайцы идут против урусов. Хоть Кучум Хан и имеет меньше прав на ханство, зато союзников он собрал много. К нему пришли и подходят все новые и новые воины. Действительно, старый мир переворачивается с ног на голову. Если раньше право на ханство было только у потомков Чингисхана, то теперь власть может захватить любой, стоит только объявить, что этого желает Всевышний, да собрать побольше сил и союзников для поддержки. О Боже, царь царей! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть у кого пожелаешь. Бай Аблай, это безродный жирный сурок, разбогатевший на своих соплеменниках, тоже ведет себя странно. Будто мечется жирный Аблай между огнями, выискивая выгоду.

На полянке фыркают лошади. Вдалеке раздается ржание.

Исатай поднимается с коврика и, обходя береговые камни, проходит к лошадям.

На дым костра двигаются два всадника. Одеты они в лисьи малахаи и овчинные полушубки – тоны.

Голос за кадром

Это прибыли люди Валихана, чей улус находился в полудне пути. Перед встречей с ногайцами Исатаю необходимо было отдохнуть и посоветоваться со старшими. Оба проводника уважительно поклонились, приложив плети к груди.

Один из проводников

(приложив руку с плетью к груди)

– Аман сыз таксыр.

Исатай кивает головой в ответ и направляется к лошадям.

Голос за кадром.

Пора было ехать. Он не боялся встречи с ногайцами, на него не смел поднять руку ни один кара-суек, то есть простой человек, у которого не текла в венах кровь чингизида. При встрече с равным существовал неписанный пароль, который произносили исключительно аркары, потомки Хана Мира. Встретившись в степи, один из воинов произносил слово «Уран» – это означало, что перед путником не простой человек. Черный человек не имел права называть аркара по имени, обязан был подчиниться и выполнить любое его распоряжение, обращаясь к нему «таксыр», то есть «господин».

65. Нат. Степь. Грезы Исатая.

Голос за кадром

Исатай закрывает глаза и, сидя в седле, вспоминает себя ребенком, который наизусть называет всех прямых наследников великого хана.

Эти знания прививались ему с рождения путем зубрежки и хворостяной ветки бабушки, которая ей огуливала спины нерадивых учеников-внуков.

66. Инт. Двлр дворца Узун Бека. Под чинарой перед старухой сидят маленькие ученики. Зубрят.

Маленький мальчик сидит в полукруге сверстников. По середине сидит бабушка, в руках у нее тростник. Им она охаживает нерадивых учеников. Маленький Исатай самый способный.

Маленький Исатай

(сжавшись в комочек, тараторит скороговоркой)

– У Тэмуужина и его первой жены Бортэ было четыре сына: Джучи, Чагатай, Угэдей, Толуй. Только они и их потомки наследовали высшую власть в государстве. У Тэмуужина и Бортэ также были дочери: Ходжин-бэги, жена Буту-гургэна из рода икирес, Чичиган, супруга Иналчи, младшего сына главы ойратов Худуха-беки, Алангаа, вышедшая замуж за нойона онгутов Буянбалд. Когда Чингисхан выехал на войну с Хорезмом, он поручил ей государственные дела в свое отсутствие, поэтому ее называли также Тору дзасагчи гунджи – принцесса-правительница. Тэмулэн, жена Шику-гургэна, сына Алчи-нойона из унгиратов, племени ее матери Бортэ, Алталун, вышедшая замуж за Завтар-сэцэна, нойона хонгирадов. У Тэмуджина и его второй жены меркитки Хулан-хатун, дочери Дайр-усуна, были сыновья Хулугэн, Кулкан и Харачар; а от татарки Есугэн, дочери Чару-нойона...

Маленькие ученики

(хором)

— ...Сыновья Чахур и Хархад.

Видение проходит. Исатай улыбается. Почесывает рукояткой камчи спину.

67. Нат. Степь. Трое всадников.

Исатай

(рассуждает)

– Все ханы раньше являлись потомками великого хана, и даже говорят, что русский царь Иван по бабкиной линии тоже чингизид. Но рушится старый мир. По всему свету безродная чернь рвется и захватывает власть, упиваясь кровью знатных людей с вековыми родословными. И не только мусульманский мир постигло это, но и Европу захватила полоса прихода к власти безродных. Вон у Ивана тоже опричники без рода и племени всю знать к ногтю прижали.

68. Нат. Лог на берегу Оби. У лабаза. Архип с полной корзиной кедровых шишек показывает Угору.

Архип

– Смотри, Угорка, какие я шишки с нашего кедра сбил!

Угор

(осуждающе)

– Они еще не поспевшие. Вот теперь и долби скорее остальные! А то ронжа их до утра все перетаскает.

Архип

– Почему?

Угор

(спускается с лабаза)

– Она только приметит, что человек шишку начал бить, так сразу и летит долбить. Ронжа – птица жадная и глупая. Прячет шишку, а потом забывает, где ее схоронила. Находит чужую шишку, а другая кедровка ее запасы отыскивает. Так зиму и живут.

Архип

(глядит на кедрач и отгоняет налетевших кедровок от дерева)

– Ух, шельмы! Кыш, разбойники!

На ветках кедра прыгает около семи птичек, которые, схватив очередную шишку, скрываются в лесу, а после возвращаются за следующей шишкой.

Голос за кадром

Угор не терял драгоценного времени. Нужно было запастись едой на зиму. И пока Архип занимался заготовкой сушняка, вогул успел сходить на болото, где набрал клюквы. Сбегал с лукошками в лес, набрал переспелой черники и брусники. Уже штук семь плетенков стояли в лабазе, доверху наполненные ягодой. Архип же, занимаясь заготовкой дров на зиму, попутно собирал грибы, резал их и сушил. А вечерами поселенцы дружно плели лукошки и морды.

Зима приближалась. Пару раз пролетал легкий снежок, иногда утром блестел на траве иней. Упавшая летом в Оби вода вновь поднялась. Китайские купцы не появлялись. Зато северяне ждали по зимнику новгородские обозы, которые проходили через Уральский хребет и

Пелым на Северную Сосьву, а далее – на реку Таз к торговому городищу Мангазея. Обозы приходили и к Котскому городищу да к стойбищам, находившимся по берегам Оби.

Архип заказал через остяков, которые подались на Урал сдавать и менять пушнину, инструмент для кузнечного дела. Водными путями можно было пройти до рек Лозьвы и Тагила и, перейдя пешком, иногда и волоком, спуститься на Чусовую. Это уже был край, обжитый русскими, богатый железными изделиями и украшениями, а главное – оружием, чего практически не привозили китайские купцы.

О рукоместве кузнеца - Белого Шамана уже распространились слухи. То один, то другой вогул или остяк приезжал отковать наконечник остроги или нож смастерить. А чтоб не обидеть мастера, несли железа побольше, с лихвой, так что на черный день у Архипа в мастерской уже были припрятаны заготовки и запасы.

69. Инт. Кузня Архипа.

Вогул вертит в руках поднятое с лавки незнакомое изделие из изогнутых дугой двух пластин, разжимает их в разные стороны, отпускает.

Угор

– Западня что ли какая или кулемка железная?

Архип

– Капкан пытаюсь отковать. Вроде, получился. Ну-ка, пруток принеси, а я взведу его.

Вогул берет у печки веточку. Осторожно шевелит ею капкан и когда капкан срабатывает, от неожиданности отскакивает. Дуги со звоном захлопываются, прищемив ветку.

Архип берет в руки свое изделие, тянет веточку и качает головой.

Архип

– Нет, пружина слабовата, перекалить нужно. Вари кишки рыбы на костре, Угор. Надобно рыбий жир натопить, коль медвежьего нет. А без жира не закалить мне пружину.

70. Нат. Жаман Сопка. Казахстан.

Гостомысл идет впереди, а за ним, словно мальчишка, приплясывает Никита, он несет на плече шест с чучелом-тыквой. Поперечная ветка, изображавшая руки чудовища, за спиной каменотеса играет руками белой рубахи, которые свисают чуть ли не до земли. Опаленная тыквенная морда Огненного Самурхана, улыбается, смотрит в предрассветное небо.

Они поднимаются на самую вершину сопки, поросшую хвойным и лиственным лесом.

Наступил рассвет. Каменотес влезает на большую березу и оглядывает прилегающую степь.

Никита

– Вон они, татарушки! У озера встали лагерем. Лошади пасутся без седел. Походных юрт три десятка будет. Поди, надолго пришли, раз так вольно ведут себя.

Гостомысл

– А от костров куды дым тянется?

Никита

– От нас ветерок, отче. Но не шибко дует. Не стелется оземь, а вверх идет.

Гостомысл

– Ну и ладно. А коли они думают, что великан тут-ки живет, то мы им еще одну потешку устроим. Айда-ка, слезай, милой. Будем Самурхана Огненного им казать. Собирай пока хворост да наруби лапнику поболее. Вот глянь, тама-ка камни с валунами очагом сложены, сноси ветки туды. А я пока могилу безгрешного человека приберу, траву выполю на ней, крест поправлю, ведь скопился весь.

Никита

(слезает с березы)

– Ты же ведун, отче? Пошто за христианскими могилками-то ухаживаешь?

Гостомысл

– Так ведь люди-то, отрок, токмо одни на земле существа разумные. Кто на восток крестится, кто на запад молится, а все одно, все мы под одними богами ходим. А этот святой человек дюже памятный делами своими. Токмо вот сказ про него долгий.

Никита

– Так сказывай, отче, а я пока хворост пособираю да тебя послухаю.

Гостомысл

– Ну, тоды слухай, может, опосля потомкам мой сказ передашь о святом человеке из Царьграда. Издавна в сих местах народы жительствоваали. И было у них государство дюже сильное. И расстилались границы энной державы от Байкала синего до реки Ра, от моря студеного до моря Хвалынского. Жили дружно, на «вы» не ходили. Последнюю рубашу другу отдавали. Оралаи и сеяли, жали и скот держали, рыбу удиили да зверем и пушниной промышляли. Была послана на тот народ благодать Богов наших. Но пришла напасть великая. Колыхнулось море студеное, опустилась земля плодородная. Озлел муж к ближнему своему, деля сушу и плодородные земли. И чем поганее становилось, тем злоба возрастала. А как до самого Египиту пришла стужа великая и потопаи страшные, так и рассорилась подбожная челядь наша, да и подались Арии и Саки куды глаза глядят. Кто на Запад со своими родами двинулся, а кто в иудейские земли ушел. Многие в Китай Тибетский и Дравению подались. Токмо пророчество волхвов было, что вернутся арии когда-то, ласки не познавши в землях чужих, и образуют вновь великое царствие на землях здешних. А наступит сия пора, когдой на востоке звезда опричная ярким вспыхнет пламенем. То бишь знак это Боги подадут люду плутающему. Тогдаи сын Богов должен народиться, который объединит род людской. Да сызнова заживут люди в благодати, как и ранее в согласии жили, и будет это до конца веков. Вот и следили волхвы за ее, стало быть, звезды, появлением тысячу лет, а может статься, и более. Со всех мест земных наблюдали, дабы не проглядеть знамение энто. И на тутошних сопках, где мы с тобою, Никитушко, сейчас находимся, блюли так же волхвы стражу бессонную. Но коротко слово сказывается, да не скоро дело ладится.

Шли годы, века менялись. Многое чего в миру изменилось, и только старцы непорочные все на небо глядели, передавая свои знания пестунам другим. Сколь лет минуло, неведомо мне. Сколь воды утекло, никто не помнит. Токмо позже явился на Жаман сопку святой человек из Царьграда во времена, когды турки позарились на город сей. Дары ведунам подал. Молвил, что шел он многие лета исполнить апостола Матфея давний завет. Одарить дарами братию здешнюю за великую услугу люду христианскому. И поведал он волхвам тутошным историю про золото волхвов, которое с ладаном и мирой три волхва принесли в место, где Иисус родился. А шли они долго на звезду яркую, которая катилась по небу и токмо остановилась там, где младенец в колыбели должен лежать. Обратились они к царю Ироду, мол, укажи, где Царь наш родился. А Ирод жук еще тот был. Отослал он волхвов, а сам всех младенцев и побил, чтоб власть свою не упустить. Алчен да жесток шибко был тот царь иудейский. А потому с тех времен давних всех нелюдей иродами и кличут. Ну как теперича на Руси Иванушку Коломенского* величают. Ведь ирод – он и есть завсегда ирод. Волхвов всех побил. Богу сам молится, лбом бьется, аж пол в евонных палатах трещит, а старца Филиппа удавил со своей верной собакой Скуратовым. Челобитную же к царю, которую старец Божий отписал, что он кровью Русь заливает, обозвал филькиной грамотой. Так вот тут как раз, говорят, проживал энто волхв,

который первым нарождение сей звезды заветной на небесах усмотрел. Передали волхвы нам по наследству знания давнешние да премудрость вековую, а вот дары-то те не сохранились. Зато вот могилка того святого ходока осталась, теперича мы с тобой, Никитка, присматриваем за ней. Да вот еще очаг каменный сохранился, куды ты хворост сносишь давеча. Сказывали мудрецы, что дымом с горы нашей и обозначили волхвы заветной звезды появление. Увидали дым другие волхвы и жрецы, принялись дымы с сопки и курганов скифских пущать. Вот так и дошла до Персии и Аравии весть благая. А оттуда уж вышли вослед за звездой волхвы с дарами искать младенца. А дым тут из очага особенный. С серой каменной. Он в небо огромным облаком восходит. И кажется со стороны видением дивным.

Действие:

Старый ведун осматривает натасканный каменотесом хворост и хвойные лапы. Снимает курдюк с тесьмы, которая подпоясывает его рубаху, поливает хворост какой-то тягучей зеленой жидкостью. Остальную жидкость оставляет в курдюке. Открывает маленький глиняный пузырек, всыпает в горловину курдюка серебристый порошок. Кладет курдюк с колдовским зельем на еловый лапник, уложенный по верху хвороста, и отходит в сторонку.

Никита

(показывает на дорогу)

– Отче! Всадники направляются к стану татар.

Трое верховых выезжают из ложбины, которая разделяет северное подножие сопки с длинным каменистым хребтом, полого спускающимся к берегу озера.

Гостомысл

(откладывает в сторону огниво)

– Ну-ка, погодь, отрок. Давай-ка обождем да глянем, с чем пожаловали к астраханским татарам наши кыпчаки.

71. Нат. Подножие сопки. У озера лагерь. Трое всадников направляются к лагерю ногайцев.

Голос за кадром

Исатай утром встретился с Валиханом, который проживал у сопки Сырымбет. К полудню, объехав огромное озеро Сауманкол по западному берегу и преодолев до рассвета рассто-

яние до Жаман сопки, наконец-то прибыл на место. Проехав по дороге, которая вела через ложбину между сопками, он выехал на широкое степное пространство.

Появляются очертания озера, на берегу несколько десятков юрт. Рядом пасутся сотни четыре лошадей. Дымятся костры.

Навстречу всадникам выдвигаются галопом два десятка воинов. Рассыпавшись полукольцом, ногайские аскеры приблизились.

Исатай и его сопровождающие с достоинством двигаются навстречу размеренным шагом. Всадники, окружив непрошенных гостей, останавливаются.

Исатай натягивает поводья.

Исатай

– Я, аркар Исатай, приехал говорить с вашим господином.

Воины, прикладывая правые руки ладонями к груди, кланяются, разворачивают коней, окружают путников, сопровождают в сторону лагеря.

72. Нат. Казахстан. Вершина сопки.

Никита

– Отче, много неведомого ты мне сказывал давеча, да мало чего уразумел я.

Гостомысл

– Спрашивай, Никита, а я отвечу тебе, коли что неясно. Ведь порой лучше лишний раз спросить, чем невеждой прослыть, скоморохом или шутком пред людьми себя выставить.

Никита

– Вот про Байкал синий ты поутру сказывал.

Гостомысл

– Озеро есть такое в стороне восточной. Вода в нем чистая и светлая, прям как очи голубые у красной девицы. Шибко большое и широкое оно. Такое огромное, что с одного берега только полосочку другого берега и видно. Глубину его измерить не хватит воздуха, коль нырять, но дно видно сквозь его воды, как на ладони горошину. А нарекли его люди байским, то бишь богатым. Бай – это, стало быть, богач. А слово «коль» – «озеро» переводится. Вот и нарекли сие озеро Бай-коль. По-нашему, Богатое Озеро будет. Большое и главное, так я разумею.

Никита

– А про реку Ра что растолкуешь?

Гостомысл

– Да энто проще пареной репы, отрок. То и есть река великая Волга наша. А Ра – ее исконное название, только нынче на татарский ляд перелажено. Ведь у нас изъясняются как? «Направо», «налево» глаголят. А у них талдычат: «солгА», «волгА». То бишь отмежевали татары с ливонцами границы Руси нашей от реки Салка на Балтии до реки Волги. И не смей, русич, далее границ сих соваться. Вот вам граница слева, а вот вам граница справа. Обложили ироды Русь Великую. Но пала ныне Орда да Казань с правой сторонушки. По другую, левую руку Ливонский орден развалился. Вот вам и солгА-волгА. И дойдем мы теперича, ариев правнук Никита, до озера синего, до самого Байкала. Как и предрекали нам волхвы, пращуры наши, которые звезду опричную в древнем небе разглядели и предсказали возрождение царствия великого.

Никита

– Ответь, дядя Гостомысл, и на последний вопрос. А что это за море такое – Хва, Хвал, Хвалское? Али как его? Будь оно неладно! Язык поломаешь, покуда вымолвишь название моря неведомого.

Гостомысл

- Да Каспий это, недотепа! Куды наша Ра воды несет.

Поучительно хлопает по плечу каменотеса Гостомысл, вглядываясь вдаль.

Гостомысл

– Кажись, заварушка в стане астраханцев какая-то начинается. Ну-ка, подай-ка огниво, отрок, пора, видно, нам Самурхана Огненного запускать да наших кипчаков из беды выручать, если, конечно, получится вычур задуманный нам сотворить.

Никита бежит за огнивом к могилке, где оно лежит, и возвратившись подает старцу.

Никита

(продолжая тему разговора)

– Так везде, куды ни глянь, названия татарские-то, отче? А русское где начало?

Гостомысл

– Русская речь – она и есть колыбель языков земных. С нее и черпнули воду все народы тутошные.

Никита

– А вода тут с какого боку?

Гостомысл

– Так она, вода, и есть начало начал жизни бренной. По ней три кита плавают, что землю нашу на спинах носят. Дожди водицей урожай поливают. Реки, моря и озера нам пропитание шлют. И все вечное вокруг ее течет, как водица с ключа студеного. Вода и время точит, камни шлифует. Пожары тушит, хлебушек перемалывает. Да и Иисуса Христа, в которого ты веруешь, Никита, тоже ведь не песком крестили, а водой Иорданской.

Никита

(разжигает костер)

– Ох, и задал ты мне, отче, урок, как будто полжизни грамоте учился.

Гостомысл

– Ничего-ничего. Ученье – свет, а не ученье – чуть свет, и на бахчу.

Никита

(вглядывается в сторону озера)

– Нароботался я в рабстве на бахчах да в каменоломнях, на весь свой век хватит. Кажись, кончают кипчаков наших.

Гостомысл

– Раздувай огонь одеялом немедля!

Никита машет одеялом, и вверх всплывает огромное желтое облако.

73. Нат. Берег озера, подножье сопки. Около юрты начальника ногайцев. Исатай верхом обращается к вышедшему богато одетому господину.

Исатай

– Я аркар Исатай. Привез тебе наказ из Сары Арки. От благородного Хак Назар Хана, того, кто покончил с междоусобицами в ханстве и стал единым правителем земель наших, в которые ты не с добром пришел. Вот стрелы джунгарские, ими убиты сородичи твои. Остуди пыл свой и уходи. Не прав ты, и покарает тебя Всевышний за деяния, тобой сотворенные.

Ногаец

(хватается за рукоять сабли)

– Больно дерзок говор твой, аркар Исатай. Не поплатиться бы тебе головой своей за слова надменные.

Исатай

– Я только передал слова благородного Хак Назар Хана, который в малолетстве жил как сын у вашего ногайского мурзы. А если хочешь услышать слова мои, то готовься еще и к худшим речениям, которые ты, собака безродная, заслужил за разорение улусов и пролитую кровь моих сородичей. Там Всевышний наблюдает за нашим разговором, он не простит грехов, и гореть тебе вечно в огне адском!

Окружившие всадников ногайцы обращают взгляд на Жаман сопку, куда случайно указал Исатай плеткой.

Вопль трехсот глоток

– О Аллах!

Голос за кадром

У самого Исатая от увиденного чуда застучали от страха зубы. Над вершиной сопки поднялось огромное оранжевое облако. Оно подобно ядовитому грибу клубилось шляпой в сером осеннем небе и зловеще раскачивалось на тонкой ножке. Постепенно ужасное облако обрело лик чудища невиданного. А минуту спустя начавшее было развеиваться ветром чудовище вдруг снизу обросло огромными дымовыми кольцами и шарами, которые, как щупальца осьминога, одно за другим вздымались в серое небо. Перепуганные воины сразу же увидели в них знамение. Кому-то из них мерещилась страшная рожа Самурхана, кому-то – купола мечети, а некоторым – скачущая на них конница с огненными колесницами. Все они один за другим упали на колени и уткнулись лбами в каменистую землю.

Не стали исключением и Исатай со своими проводниками.

– О! Огненный Самурхан, не гневайся! О, просим тебя! – взревели триста три глоток.

Облако дыма на вершине сопки внезапно из желтого меняется на серо-белый цвет, и все видят руку, которая тянется в сторону слушников, как бы пытаясь схватить каждого из них и утащить в огонь адский.

Воины, вопя от страха разбегаются по походным юртам.

74. Инт. В юрте ногайского начальника.

Исатай, в юрте, прижавшись к ногайскому начальнику, как к родному брату, дрожит всем телом, шепчет.

Исатай

– Не гневи небеса кара-суек более...

Ногаец

– Уходим! Уходим! С восходом нас тут не будет, клянусь, таксыр Исатай!

75. Нат. Перед юртами поле. Лошади мирно щипают траву, трясут гривами.

Голос за кадром

И только невинные божии создания, лошади, мирно паслись на поле, не обращая внимания на всеобщую панику. В отличие от глупых людей, они не верили в суеверия...

76. Инт. Сибирь. Хижина кузнеца Архипа. Архип отбивает косу. Входит с бочонком вогул. Лицо у него покусанное пчелами.

Архип

– О-хо-хо! Вот это рожа! Где ж тебя так угораздило?

Угор

– Мед собирал.

Архип

– А мозгов-то нетути? Дымом нужно было их курнуть из дупла. Шаманом прикидываешься, свой народ дуришь, а бортничать не можешь.

Угор

– Думал, на мороз не вылетят. Вон и лед уже в ручье встал. Снег лежит, а они не спят еще, бесы.

Архип откладывает косу в сторону и присаживается на чурбан, вытирает руки о тряпицу.

Архип

– Медовуху что ли задумал поставить? Так в кузне ночью холодно, я же огонь тушу опосля работы, не поспеет.

Угор

– Снадобье сотворю чародейское, что женам бая варил для поднятия утешного духа.

Архип

(усмехается)

– Шаман ты, Угорка, багдадский! Всех тебе надобно вокруг перста обвести! Давай-ка лучше браги поставим на меду. Не зря же тебе морду покусали мухи полосатые. Почитай четверть веку не веселился раб божий Архип. Попляшем да побузим малость. А я тебе любовный дух кулаками подниму, ох, и люблю я драться по энтому делу! По молодости, помню, супротив троих выходил с дубинами. Только дубины и трещали о хребты тощие.

Вогул отбирает у кузнеца бочонок с медом и прячет его за спину, с опаской

Угор

– Архип, когда моя тайга пойдет, пляши и бузи. Мне охоты нет на хмельной мед да на тумачи твои напрашиваться. Я не твой баба. А будешь задираться, в медведя превращу.

Архип

– Жаль, Угорка, что добром мед не желаешь отдать. Придется силой забирать.

Угор

– Мне мало надо, остальной мед тебе отдам.

Архип

– Ну, тогда лады. Смотри, не надуй дружка. А то разобижусь. А пошто в медведя меня хотел превратить, а не в зайца или кедровку какую?

Угор

– Зайца кормить нужно, проку от него никакого. А косолапого кормить не надобно. Ты зиму всю проспичь, лапу пососешь, а весной я тебе прикажу мед собирать для меня.

Архип

(усмехается)

– Шутник ты, однако.

Архип подносит свой огромный кулак со скрученной дулей к распухшему носу друга, добавляет.

Архип

– Нельзя меня в медведя. У меня лапа в рот не влезет.

Внизу лога затаивали собаки и сразу же, радостно заскулив, примолкли.

Угор

(выходя из кузни)

– Человек, однако.

Архип

(выходя следом)

– Кого-то на ночь глядя нелегкая принесла на собачьей упряжке.

77. Нат. Казахстан . Излучина Жаман Сопки. Дорога. Всадники. Едут от ногайцев трое всадников. Это Исатай и проводники.

Исатай натягивает поводья. Останавливает коня. Перед ним стоят два волхва. Стелются остатки желтого дыма.

Голос за кадром

Появившиеся люди в длинных белых рубахах были так загадочно страшны, что если бы у Исатая не текла в жилах кровь великого Чингис Хана, то он бы уже мчался обратно к юртам ногайцев.

Переборов в себе страх, Исатай поздоровался первым.

Исатай

– Селеметиз бә физзатты адамзат .

Гостомысл

(походит, отдает свиток)

– Добрый день, храбрый воин аркар Исатай. Отдай Валихану. Это важно.

Исатай

(берет свиток у старца)

– Хорошо, отец, я сделаю, как ты сказал.

Гостомысл

– Он не должен попасть в чужие руки.

Исатай

– Не попадет.

Исатай, внимательно разглядывает лицо второго волхва, который, словно камень, стоит за спиной старца.

Исатай

(обращается к Никите)

– Похож ты на моего раба беглого.

Гостомысл

(загораживая собой Никиту)

– Все мы друг на друга похожи. Сегодня он спас тебе жизнь, пуская дым. Вчера я протянул тебе руку, когда ты тонул в Исиле. Небеса указывают тебе навсегда отказаться от забот своих насущных и заняться более важными делами.

Исатай

(легонько ударив камчой по крупу коня, соглашается)

– Кажется, истину ты изрекаешь, аксакал. Керискенше хош болыныз эулие адам. Сау бол.

Гостомысл

(пропуская тронувшихся всадников)

– И тебе не хворать, мил человек.

Проезжают мимо второго волхва, Исатай еще раз вглядывается в его лицо.

Голос за кадром

Никита, окаменев от страха, смотрел, не мигая, в глаза своей смерти, которая, проезжая мимо и разглядывая беглого раба с головы до пят, наверное, навсегда оставляла его в покое...

78. Нат. Ночь. Сибирь. Зима. Лог. Около кузни.

На собачьей упряжке подъезжает остяк.

Вогула как подменили. Он в один миг из веселого босяка превращается в надменного важного шамана.

Остяк снимает с нарт мешок и, кланяется Угору.

Кузнец с интересом наблюдает.

Вогул, словно бай, важно кивает, слушает приезжего рыбоеда. Потом говорит на своем языке, тот, кланяется, радостно бежит к упряжке и, прыгнув в нарты, гонит собак обратно.

Угор, довольно трет руки, берет в руки мешок и вприпрыжку бежит в кузню.

79. Инт. Сибирь. В кузне.

Угор хитро подмигивает Архипу который за ним входит в кузню. Вогул садится на чурбак. Развязывает мешок и достает оттуда рыбину.

Угор

– Нельма, однако. Четыре рыбы. Я сказал, что мало, давай еще четыре.

Архип

(удивляется)

– А за какие щи тебе рыбу возят?

Угор

– За снадобье чародейское.

Поясняет вогул и тут же хохочет, да так звонко, что в кузне ему в унисон звенят колокольчиками висящие на стенах железяки.

Архип

– Ну ты и плут, Угорешка. Выведут тебя на чистую воду вскоре. Разденут, обмажут дегтем, в пуху вывалят, да погонят оглоблями назад до Багдада.

Угор

– Остяк старый, глупый. Молодую бабу взял. Думал, она ему токмо блох чесать будет. А она за ним ходит и просит: «Еще хочу, еще хочу. Ночью хочу, днем хочу». Вот и приехал за помощью ко мне, да мало рыбы привез.

Архип

(испуганно перекрестился)

– Неуж отравить задумал свою бабу?

Угор

– Глупый ты человек, Архипка. Баба не собака, ее завсегда выгнать можно. Я же силы мужу увеличу сим снадобьем.

Вогул достает деревянную ложку из-за голенища кисов.

Он набирает полную ложку меда и кладет ее на верстак.

Развязывает маленький мешочек, высыпает серый порошок в мед.

Архип

(укоризненно)

– Опять грибы свои достал, шаман хренов. Отведает рыбоед зелья твоего, да и съест свою любушку, с олениной попутав.

Угор

– Не грибы это. Я давеча у китайцев корень мужской, имбирь, выменял. Его и сыплю в мед.

Архип

(недоверчиво)

– И что, неужто поможет старому хрыщу эта забава?

Угор

– Теперича он за ней бегать будет и голосить: «Хочу, хочу, ночью хочу, днем хочу!». Китайцы сказывали, что имбирь так и переводится с языка ихнего – «мужская сила»!

Архип

– Вот я сейчас и проверю, правду ли глаголешь. А коли ничего не почую, то по лбу ложкой этой и получишь, колдун-пердун нечесаный.

Кузнец хватает ложку и засовывает ее себе в рот. Облизывает ложку, Архип морщится.

Архип

– Горькая, стерва.

Угор

(испугано)

– Воду пей быстрее, не то живот лопнет! Сие снадобье водой разводить нужно, оно на семь лун замешано.

Кузнец принимает поданное ведро и выпивает чуть ли не более половины.

Голос за кадром

Весь день Архип промучился вздутием живота. Все угли в печке поел, всю водицу выпил. И только к полуночи отпустило. Вогул уже сладко спал, наевшись строганины, когда в чум из кузни пришел кузнец.

Архип

(ложась рядом)

– Ну-ка двигайся, черт мохнатый, разлежся тут на шкурах, как боярский сын на полатах!

80. Инт. Северный Казахстан. Юрта Валихана. В юрте Валихан, напротив Исатай.

Исатай подает Валихану письмо.

Исатай

– Мудрецы тебе послали. У Жаман Тау встретил их. Наказали лично в руки отдать.

Валихан

– Хорошо. Спасибо, Исатай.

Валихан выходит из юрты на солнечный свет и, подслеповато прищурившись, отводит послание на расстояние вытянутых рук, читает его.

Возвращается в юрту, обращается к Исатаю.

– Поедешь передашь письмо Аблаю он передаст его благородному Хак Назар хану. Отдашь ему письмо лично. Оно на арабском, его не каждый может прочесть. Но кому нужно, найдет способ разобрать через толмача, поэтому, Исатай, при опасности его уничтожь, а на словах запомни содержание: «Кучум-хан, убив Едигер-хана, стал ханом Сибири. Джунгары до весны отложат задуманный поход. Так сказали звезды. Гостомысл».

Исатай

– Слушаюсь, Валихан. Я исполню твою волю. Только разреши заехать на обратном пути к старому Еркену, а тебя пригласить почетным гостем на мою свадьбу.

Валихан

(радостно хлопает ладошками по плечам Исатая)

– Я рад, что ты пускаешь корни на нашей земле. И обязательно буду у тебя почетным гостем. Ты берешь замуж невесту небогатую, но дочь лучшего батыра в прошлом. Еркен ходил в походы с моим дедом Уалиханом и не раз спасал его от смерти.

81. Инт. Сибирь. Лог. Кузня. Ночь.

Угор

(кричит в темноте, возмущается, откидывает руку спящего Архипа)

– Ты почто, дурень, меня гладишь?!

Кузнец садится на постели. Прогоняет остатки сна, оглядывается.

Архип

– Тьфу ты, черт окаянный! Да пошел бы ты в баню со своим снадобьем лешачим! Баба голая пригрезилась. Лезет ко мне. «Хочу, хочу», – ласково шепчет. Вот и лапнул я тебя за задницу, Василиса ты моя Прекрасная.

Кузнец поднимается, накидывает на плечи овчинный кожушок.

Архип

– Пойду-ка я прогуляюсь от греха подальше.

82. Нат. Река Обь.

Голос за кадром

Великая река Обь гнала шугу. Ледяные торосы наплзали друг на друга и под воздействием холодов застывали по руслу в самом изощренном виде. Малые речки уже давно закрылись. Обские могучие воды, устремившиеся к Серверным морям, казалось, были непобедимы. Но любоваться этим величием у Угора и Архипа не было времени. Пока лед на притоке еще был не очень толстым, они долбили его пешнями, устраивали завесы-запруды, ставили морды.

Архипу в капкан уже попало пара соболей и несколько колонков. Только вот с зайцами не ладилось. Следы были повсюду, а собаки нагнать не могли, да и кузнец набегался до седьмого пота.

83. Инт. Кузня. Входит, уставший Архип. Снимает кожушок.

Угор

– А ты не ухлестывай за зайцем, он сам к тебе прибежит.

Качает головой вогул. Разглядывает мокрую спину друга.

Архип

– Да уж больно проворен, черт, коль в петлю не залезет, не угнаться за ним.

Угор

– А собаки тебе на что? Пусть они гонят его, покамест на круг не встанет и опять мимо тебя пробегать будет. Он ведь по своему следу бежит. И собака, и лиса не помогут понять, далеко от них заяц или нет. А коль не могут определить, бегают, пока не надоест, да бросают

охоту. Ты сиди себе под березкой, пока он мимо вновь не побежит. Потом палкой кидай по лапам, а там собаки его уже в оборот возьмут.

84. Инт. Утро. В кузне Архипа.

Просыпаются от странного шипения.

Архип

(пляшет)

Поднимайся шаман! Зайка серенькай, зайка беленькай! Под березу скок, меж осинок прыг. А за нем волчок за ушаном шась, не к нему, ко мне должен в щипа попасть! Медовуха поспела, Угорка! Ух, и повеселимся мы ныне! Долго играла, весь сухостой извел, пока день и ночь чувал топил. Но выпела. Помнится, летом поставишь в муравейник. Так мураши колоду нагреют, что и печка с чувалом не нужны. Давай-ка ковш неси из кузни, сейчас пенку сдуть будем.

85. Инт. Северный Казахстан. Юрта Аблая.

Исатай вручает послание мудрецов хану Аблаю.

Аблай

(пьет чай)

– Тяжелые времена, батыр Исатай, наступили. В степь пришло известие, что потерпел поражение крымский хан. Пошел он на Московию летом, уверенный в ее слабости и немощи. Семь тысяч янычар получил у османского халифа Селима, ногайцев во главе с Тебердеем Мурзой на свою сторону склонил. Да двенадцать туменов своих крымчаков повел, сам повел, лично. А царь Иван в Новгород еще ранней весной ушел с десятью тысячами своих опричников да ждал там, как оно выйдет. Побили урусы крымское войско несметное малым числом. Только один тумен домой и вернулся. Вырезали урусы всех янычар османских. Побили обозы и воинов Дивлет Гирея. Сам хан бежал в Крым без оглядки. В каждой семье теперь горе. Не народить воинов в Крыму лет двадцать и более. А победили войско Гирея опальный воевода Воротынский, воевода Хворостинин да казак Черканишин. Нам же сейчас нужно сделать свой выбор, батыр Исатай. Идти ли к Кучуму служить или нет. Непростая и ответственная это задача – народ за собой вести. А вдруг мы ошибемся? Кучум одерживает одну победу за другой. Он уже подошел к границам Руси, занял столицу Искер. В отместку за смерть своего деда зарезал Едигер-хана. Поддержал Черемисский бунт. Пошел на разрыв в отношениях с царем Иваном. И после поражения крымского хана Дивлет Гирея окончательно сблизился с Бухарой. Он сила.

Езжай с добром, батыр Исатай, я знаю, что у тебя скоро свадьба. И велю пригнать тебе сорок лошадей. Это будет моим подарком. Ведь тебе нечем оплатить калым.

Исатай.

– Спасибо, уважаемый Аблай. Доброта твоя не знает границ, –

Голос за кадром

Исатай, прощаясь, подумал: «Ох, и лиса ты, Аблай, куда ветер, туда дым».

86. Нат. Сибирь. Ноябрь. Вид из лога на Обь.

Голос за кадром

Река, наконец-то, стала. За одну ночь сковало льдом, так как ударили сильные морозы, и только живуны вдоль берега да полыньи посередине Оби продолжали парить в морозном воздухе.

Принесенная осенью глина постепенно превращалась в кирпичи для печи, которую задумал сделать Архип. После окончания кузнечных работ он закладывал сырые заготовки, а утром выбирал их кочережкой, уже обожженные.

87. Инт. Кузня Архипа.

Архип

(рассматривая кирпичи)

– Глина не ахти, песчаная, не нашел я тут еще шамота.

Угор

(плетет корзинку)

– И так дров мало заготовлено, а ты вторую печь задумал.

Архип

– Тебе хорошо, вона уже две малицы себе наколдовал! Вышаманил у рыбоедов, а мне на своих железяхах и одной шубы не заработать. Вот и хожу в дырявом зипуне, как смерд Серпуховский.

Угор

– Ничего, скоро новгородцы пожалуют, мы им пушнину сдадим, а там и товар какой выменяем.

Архип

– Сруб нам бы для бани заготовить. Да топора и инструмента тут днем с огнем не сыскать. В Искер-то никто со стойбища не поедет?

Угор

– Пойдет вскоре обоз с ясаком. Мясо, рыбу, шкуры повезут, когда снег на лед ляжет. Пока еще олени не идут по льду, скользко шибко.

Архип

– А баню нужно рубить, завшивеем до весны. В ушате-то больно не помоешься, только грязь размажешь. Я и веничков навязал березовых.

Угор

– А я и смотрю, в лабазе висят, думал, что ты их от тли повесил.

Архип

– От тли табак крымский помогает да полынь. Но табак не найти тут, а полыни не заготовили. Помню, Узун Бек табак нюхал. Придет в кузню, сядет, огнем любитесь и работой нашей, а с табакерки в нос подкидывает. Чих да чих. Вот и дочихался, злыдень, свернул я ему башку за женушку свою с дитятком. Продал он мою красавицу вместе с сыночком. Пока к Самарканду шел обоз, ребенка стражник зарубил, плакал дуже громко. Вот так меня и оставил Узун Бек вдовцом. Токмо не простил я ему ничего.

Архип тяжело вздыхает.

Архип

– Ну-ка, братец, полей водицы мне на руки. Лицо сполосну, воспоминания более тяжки. Не заросла еще на сердце моем рана, потому и боюсь сам в Искер ехать. На первом же татарине злость свою сорву.

88. Нат. Северный Казахстан. Стойбище Еркена. Ноябрь. Но снега еще нет. Съезжаются гости.

Голос за кадром

На праздник улейну тойы по случаю создания семьи Исатая и Ботагоз собралась молодежь со всех соседних стойбищ и аулов. Взрослые воины приехали поздравить молодоженов и посмотреть на соревнования желторотых юнцов.

В первый вечер была объявлена игра Алтыбакан – игра-развлечение молодежи, прибывшей на той (праздник).

Вечером джигиты и девушки в степи за юртой невесты соорудили алтыбакан (качели: «алты» – шесть, «бакан» – шест). Здесь они пели песни, играли в различные игры, и это веселье продолжалось до полуночи. Ботагоз подносила угощения.

Исатай же сидел за праздничным достарханом с джигитами и почетными гостями в юрте, установленной ему как жениху отдельно в полуверсте от стойбища Еркена. Гости-друзья Исатая готовились к утрешнему сватовству.

89. Инт. Стойбище Еркена. Юрта жениха. Вечер.

Валихан, сидя за достарханом резко ударив, ломает кость барана.

Гости

– О! Ты один смог ее поломать!

Гости

– Будь сватом нашему батыру!

Валихан.

– Я согласен. Быть сватом у нас означает постоянно поддерживать родственные отношения. Ведь женятся на сто лет, а сватаются на тысячу! Так гласит народное предание.

Валихану в знак уважения Отар подносит вареную голову барана.

До поздней ночи идет пир.

Достархан ломится от угощений, ведь от его изобилия зависит счастливое будущее молодоженов.

90. Нат. Утро. Казахстан. Стойбище Еркена.

Верхом на конях Исатай с джигитами и почетными гостями двигаются к стойбищу Еркена. Там и сватали Ботагоз, назначают свадьбу на третий день. И объявляют игры, пир и состязания.

Голос за кадром

В первый день провели национальную конную игру кыз-куу (догони девушку). В ней участвовали юноши и девушки, которые состязались парами на лошадях полукровных пород. Сначала девушку преследовал юноша, и если догонял, то ее целовал. Потом они менялись местами. Девушка догоняла своего партнера и в случае удачи била его камчой.

Отар подъезжает на взмыленном коне к Исатаю. Исатай восседает с гостями.

Отар довольный и счастливый. Безрукавка на спине порвана.

Голос за кадром

Девушка из аула Валихана, подруга Ботагоз, огрела Отара камчой, разорвав при этом на спине безрукавку. Превозмогая боль, он, громко рассмеявшись, пообещал жениться на ней.

Отар

(гарцует на коне)

– Следующая свадьба моя!!! Ох, как любит! Ой, как любит!!! И губы как цветок!!! И рука крепкая!!!

Голос за кадром

После обеда объявили соревнования кокпар, в которых приняли участие джигиты постарше. Данное состязание было проверкой на силу, ловкость, меткость, умение держаться в седле. На расстоянии 50-60 шагов от соревнующихся бросили тушу козла. Так и началась борьба за кокпар, которая продлилась до самого вечера.

Действие:

Исатай на взмыленном жеребце, подъезжает к юрте невесты, закидывает тушу вовнутрь.

Он оказался в этой игре самым сильным и проворным.

Голос за кадром

Наутро был аударыспак – один из видов состязаний всадников на лошадях (жекие – жек ойыны). По правилам этой конной борьбы разрешалось вести за собой соперника только вперед и к себе, также обгонять его, тем самым мешая ему продвигаться. При этом запрещалось применять друг против друга нагайку. Победу тут одержал Отар.

Так и пролетело время на празднике за играми и состязаниями... Пришло время ехать за невестой.

Действие:

Ботагоз с подругами сидит за занавесками в своей юрте, а Исатай с друзьями верхом на лошадях находятся снаружи.

Девушка поет песню о своей родной земле, о любви к родителям, о любимых подругах, о счастливом детстве и печалится, что покидает все это.

Батыр утешает ее, поет о том, что ее место займут другие люди, а она обретет новых подруг и родственников.

Голос за кадром

Исполнять бешатар (песню знакомства) не было смысла, у Исатай не было родственников. Он был счастлив, светилось под белым покрывалом и лицо невесты.

91. Инт. Сибирь. Лог на реке Обь. Кузня Архипа.

Вогул протягивает черпак с отваром Архипу.

Угор

– На-кость, испей отвар.

Архип

– Что это?

Угор

– Я хвойник тебе запарил. Вона как у тебя десны кровоточат.

Архип тихонечко шатает пальцем зуб.

Архип

– Мы когда в Беломорье ходили на стругах, с собой капусту квашеную брали, и никто скорбутом не хворал. Глянешь, бывало, на мореходов заморских, а они все как один без зубов, все цинга съела. Видать, яблочки, которые они с собой в море берут, не шибко им помогают.

Архип отхлебывает из черпака варево. Плюется, отдает недопитую жидкость вогулу.

Архип

(морщится)

– Да подь ты, леший, гадость-то какая!

Угор

(требовательно)

– Все допей. У кедра игла силу дает. Чага кровь меняет. Багульник дыхание лечит. Шиповник желчь гонит, лист брусники воду выводит.

Архип

– Ага, как имбирь твой китайский. Погодь, хоть остынет пушай.

Угор

– Пей жгучий, студеной не пособит. Я много ведаю кореньев полезных. Заговорам разным обучен с малых лет. Внук шамана я. Все ханты меня знают и верят мне.

Архип

– Кто это такие – ханты? Не слыхивал про таких.

Угор

– Дурень ты, Архип, «ханта» – это так остяки любого человека кличут. Поэтому и ты хант, и я хант. А не хочешь быть человеком, так мигом тебя в зверя превращу или рыбу какую.

Архип

– Человек, говоришь? А ведь токмо человек душой и одарен Творцом нашим. И токмо он один может выводить из душ других людей бесов да одержимых лечить. Вот ты, скажем, воском отливать умеешь?

Угор

– Нет. А как это?

Архип

– Ну, это когда сглаз али испуг какой напустился. Так бабка меня в младенчестве отливала, когда гусь меня ущипнул и напужал.

Плошку с водой студеной над головою держала, меня на порог садила. Да расплавленный воск от свечей церковных лила в воду и молитву шептала: «Господи Иисуса Христа Божий. Спаси и сохрани раба божия Архипа. Спаси от сглаза, от испуга, от людской злобы, от соблазна. Пусть вся нечисть и зло растворятся в воде, како свеча. Аминь».

Угор

– И что? Помогает?

Архип

– А то как! Я тогда ночами и орать перестал, и тьмы прекратил бояться. А как воск-то остыл, так и образ гусиный привиделся, того, от кого я боязнь принял. Я его иголочкой-то бабкиной потыкал, воск поломал на кусочки мелкие, а на утро испуг и сошел.

Угор

– Ну-ка, – попросил вогул, – давай-ка испытай на мне. Мож, и я узнаю, кто худо Угорке вождедеет.

Архип

– Тащи сюды соты из лабаза. Я медком побалуюсь, как будто ты меня в медведя превратил, а тебя опосля воском и отолюю.

Кузнец садит шамана на порог кузни и, став позади его, читает молитву, выливает над головой друга расплавленный воск в ковш с ледяной водой. Шипит, остывая воск.

Оба склоняются над водой в ковше. Под воздействием холодной воды воск начинает остывать. Края его светлеют, а внутри появляется темное пятно. Пятно преобразовывается в силуэт всадника.

Архип

(выпучив глаза от страха)

– Батыр Исатай это, тычь его в горб иглою скорее!

Угор тычет в воскового всадника иголкой. Выхватывает из воды воск, ломает его, и кидает в огонь.

Угор

(тяжело дыша)

- Ты, Архипушка, более таких страхов мне не кажи. Испужал ты меня своим воском, прям, волосы дыбом встали.

92. Инт. Жаман Сопка. Казахстан. Пещера.

Гостомысл, присаживается рядом с лежащим Вторак, нежно гладит его высохшую руку, приговаривает:

Гостомысл

– Совсем занемог ты, брат Вторак. Четвертый день не ешь. Токмо водицу и цедишь, да все на свод каменный смотришь.

Вторак

(хрипло)

– Видимо, пришла пора мне в путь-дорогу собираться, брат Гостомысл.

Гостомысл

– Может, поправишься еще, отлежишься. А я тебе на ночь ноженьки разотру жиром барсучим с красным корнем. Медка с редькой тертой намешаю.

Вторак

– Нет, князь, видимо, не дожидаться мне весны нынешней. А коли Никита соизволит остаться и весной не уйдет, пуцай носит мое имя, как я когда-то принял его от старца Вторака. Да и негоже ему имя носить нищее. Ни кита, ни двора вроде у него нету. Есть у него отныне обиталище, и мы ему семейством доводимся. А забор из китов есть не что иное, как крепость знаний, им обретаемых. Зови его сюда, побеседую я с ним, а ты, Гостомысл, ступай, ступай, занимайся делами насущными.

Никита подходит к ложу. Присаживается около старца Второка.

Никита

– Звал, отче?

Вторак

– Поговорить напоследок желаю с тобой, отрок. Все отсрочивал на потом наш разговор, да, видать, пора наступила. Ведунами нас кличут люди, потому как ведаем мы разумом мира сего. «ВЕ» – ведать, «РА» – разум всемирный. Сложивши, обретается смысл – Верить в Разум, отрок. Вера же человеческая единая, из дальних времен исходит. А от нее, как дитятки малые, остальные росточки пошли, как корешки от корня вечного, который дуб жизни питает. Живительную же влагу корни доставляют к листочкам зеленым и веточкам. Не будет корня – не будет водицы, засохнет дерево. Поэтому любой корешок люб дубу, каков бы он ни был. Зря князь Иоанн на нас собак спустил. Не вороги мы вере христианской. Со злого навету попов, корней своих не помнящих, гонения на нас затеяли. Ведь ведают они о том, где и когда библейские заповеди и першее слово зародились.

Никита

– И где же они зародились, старче

Вторак

– Да тута и зародилось. У русичей и предков их ариев. Вот скажи мне, какой ныне год на земле русской?

Никита

– Семь тысяч осемьсот третий окончился.

Вторак

(кашляя)

– Вот-вот, от сотворения мира. И сотворил Господь землю. И летал над водой Дух Святой. Твердь создал, разделив воды. А сколь лет ныне от сотворения мира по Ветхому завету, по которому сейчас иудеи живут?

Никита

– Пять тысяч триста тридцать пятый идет.

Вторак

(пытается смеяться, кашляет)

– Где же тогда земля, Творцом Небесным сотворенная, полторы тысячи лет была? Коли Разум Великий землю сотворил семь тыщ лет назад, а не пять? Значимо, тут она и была! Токмо присвоили себе славу иудеи и гнушаются теперича над резонами предков ариев. Не вожделеют даже и слышать о месте зарождения веры на земле, корня дуба вечного. Коль останешься с братьями моими, возьми имя мое, не гоже бродяжье имя иметь волхву.

Никита

– Так имя Никита, люди говаривали, с греческого победителем пересказывается.

Вторак

– Ни-ки-та – это ничего. Ни кола ни двора. Это отрицание разума, отсутствие знаний. Не нищий ты боле духом, сынок. Ведь кит – это кол, вбитый в землю. Из китов состоит стена прочная, град наших знаний ограждающая. Как Китайская великая стена на юге. Как Китай-город в Москве на севере. Эх ты, Ни-ки-та. Сколь жил, даже и не задумывался, про что значение имя своего.

93. Инт. Казахстан. Стойбище Еркена. Постель.

Видение:

Восковая фигура всадника в черпаке с водой. В воске игла.

Исатай, просыпается, присаживается на постели. Оглядывается. На лбу крупные капли пота.

Ботагоз тихо посапывает, закутавшись, как ребенок, в верблюжье одеяло, из-под которого выглядывают только курносый носик, розовая щечка и ухо. Ее серебряная сережка, зловеще мерцает в темноте, светится зелеными глазами ювелира-вогула.

Голос за кадром

Вся спина у Исатая горела огнем и словно была истыкана мелкими иглами. Взяв сосуд с кумысом, он, не наливая напиток в пиалу, прямо из горлышка жадно сделал пару больших глотков. Холодный кисломолочный напиток прогнал дурной сон. Ему пригрезилось, что беглые рабы Архип и Угор тычут ему в спину копьями. Стряхнув остатки наваждения и обняв молодую жену, он вновь заснул богатырским сном.

94. Инт. Сибирь. Лог на реке Обь. Кузня Архипа.

Вогул заходит с облаком пара в кузню. Отряхивается от снега.

Угор

– Купцы новгородские с обозом из Обдора пришли к Шеркалке-речке. Да три десятка казаков верховых с ними. До нас им всего один день перехода остался. Провожатого до реки Тагил они ищут, чтоб на Чусовую идти. Я один знаю дорогу. Иного поводыря тут купцы более не сыщут. А я их за шесть переходов доведу.

Угор греет руки у огня.

Архип

(закаливая откованный нож)

– Казачки – это добре. Новостями поделятся. Может, пицаль выменяю, свинцом да порохом разживусь

Угор

- Не уйдешь с ними ненароком, а, Архип?

Архип

(пробует ногтем острие остывшего клинка)

– Нет, Угорешка, тут мне воля, а там кнут княжеский. Да и некуда идти-то. Тут стану избу ставить. А назову сие место Изба Сотникова.

Угор

– Коли с купцами в цене сговорюсь, то вернусь токмо с большой водой. Не сгинешь без меня?

Архип

– Сам не пропади. Тут ни один день без гостей не проходит. То острогу откуй, то нож поправь, а то крюк для поясного топора смастери. Скучать шибко не приходится. Вот и инструмент рыбоедам в Ескере наказал поискать. Весной собираюсь избу ставить с баней. Найму в помощники остяков. Когда вернешься, лог наш не узнаешь. А ты семенами разживись. Они веса не имеют и место мало в поклаже занимают. Ты семян редьки, репы, капусты, да ржи привези. То-то будет польза от тебя великая.

95. Инт. Казахстан. Сопка. Пещера. Ноябрь. Снега еще нет.

Голос за кадром

Вторак помер тихо. Поутру первым обнаружил кончину старца Никита, который принес ему водицы. Каменотес со вздохом присел на ложе рядом с телом старого волхва. За свои сорок лет много лиха повидал Никита, но эта беда потрясла его, сроднился он со столетним ведунном, как с отцом родимым. Лицо старца было покойно, он улыбался, глядя выпцветшими от старости глазами в каменный свод пещеры.

Подходят Гостомысл, Истяслав и Стоян.

Истяслав, проводит ладонью по лицу усопшего, закрывает ему веки.

Гостомысл

– Тебе, Никита, бьдынь нести сегодня ночью. Будешь бодрствовать рядом с покойным. Сказывать ему про жизнь свою горемычную, просить, чтоб наставлял тебя на путь истинный да оберегал в жизни бренной. Кутью с киселем варить да блины печь станет Истяслав. Мы же со Стояном дрова будем готовить к обряду погребения. Готов ли ты принять имя усопшего и продолжить растить и охранять Древо Жизни? Остаешься ли с нами?

Никита

– Да, готов, отче Гостомысл. Клянусь богами, что не подведу вас и не опозорю непорочное имя.

Истяслав и Гостомысл приносят воды. Омывают ноги старца. Мокрыми тряпицами оттирают его сухое жилистое тело. Воду сливают в большой глиняный сосуд. Переодевают усопшего в чистое белое одеяние, складывают аккуратно старую одежду в ноги. Там же кладут немногочисленные личные вещи, деревянную ложку, пиалу, служившую старцу миской, нож и глиняную кружку. Слаживают на груди руки, вкладывают в них посох.

96. Нат. Казахстан. У пещеры.

Рассветает. Разбирают камни запасного выхода, выносят старца из пещеры, кладут тело на березовые колья- носилки.

Закладывают камнями разобранный выход. На месте, где недавно пускали дым Гостомысл с Никитой, сложен штабель дров.

Возлагают тело Вторака посредине и сложив его пожитки, которые должны были пригодиться старцу в другой жизни, поджигают дровяник факелами с четырех углов. Отходят в сторону от вспыхнувшего огня, скорбно встают скрестив руки на груди.

Истяслав раздает всем кутью и наливает кисель.

Истяслав

– Трапезничайте, братья. Пусть брат Вторак сытым в дальний путь ступает.

97. Инт. Сибирь. Зима. Лог Сотникова.

Распахивается обитая шкурами дверь в кузню. С облаком пара входит огромный казак с серебряной серьгой в ухе.

Казак

– Ну-кась, ну-кась, иде тут русским духом веет?

Кузнец от неожиданности роняет молоток.

Казак

(осматривает помещение)

– Добротн ты тут устроился. И стены в шкурах, и снаружи бревна глиной помазаны. Да и печь вроде русская посередине. Не кузня, а хата боярская.

В избу заходит второй казак. Снимает шапку.

Архип

(радостно)

– На этой печи сплю я, братья, когда мороз давит или спину ломит. Проходите, гости дорогие, да за стол садитесь, попотчую вас малосолом колодочным да медком игристым. Уж не побрезгуйте, земляки милые.

Казак с серьгой

- Как тут очутился, горемычный?

Архип

– С рабства убег. Да как по воде спускался до ледостава, так и обжился тут. Меня Архипом кличут.

Казак с серьгой.

– Меня Семеном, а его Алешкой.

Архип

(обнимая по очереди обоих)

– Ну, будем знакомы тогда.

Семен

– Где же тебя заплотили поганые?

Архип

(расставляет миски на стол)

– Под волоком у крепости Царицевой. Сонным сцапали ироды, на аркане и потащили в Астраханское ханство. Тяжко было, день бегу за лошадью, связанный по рукам на аркане, а ночью ноженьки вверх к телеге, чтобы отек сошел. Хорошо молодой был, выдюжил. Четверть века в рабстве провел. Поначалу в Самарканде, куды меня в Астрахани на базаре продали, после – в Бухаре, а потом Узун Бек меня купил да к себе забрал к горе Эйргимень. Там у него владения были.

Семен

– Почему были?

Архип

– Теперь он в загробном царствии гаремом владеет. Кончил я его и убег. Благо с собой во товарищи вогула взял, он-то и довел меня до мест урманных. Я слыхивал, братцы, будто мой Угор в проводники вознамерился к вам?

Семен

– Цену ломит, шельмец немалую.

Архип

– Угорка таков. Не скинет. А другого-то вам не сыскать.

Семен

– Не за тем мы пришли к тебе, Архип. Дело у нас тайное, да дюже полезное.

Архип

– Говорите, помогу, чем смогу.

Семен

– Разведать нужно, шибко ли крепки стены Искера-города, столицы Сибирского Ханства. Имеются ли на угловых башнях пушки. С какой стороны лучше подступиться к крепости. Сколь высота китов стеновых, высота яра прибрежного какова. Ну и сколь там басурманов Кучумских эту крепость охраняют. Одолели татары, не хотят в мире с Русью жить, набеги устраивают, людей в рабство угоняют. Есть у нас задумка такая – по ушам надавать колченогим. Тока ты более ни с кем не гутарь о просьбе нашей. Купцы не ведают про замысел казачий. На расходы тебе дадим серебра малость. Трать куда потребно, все одно поддельное оно, братьями Строгановыми отлито. В Московии ежели с ним поймают, так руки-то по локти и отрубят, а тут сойдет за чистую деньгу.

Семен выставляет на стол мешочек.

Архип, слушая, успевает почистить парочку увесистых муксунов. Режет на ломти, подает Семену и Алеше в миски.

Архип

– Угощайтесь, малосол добрый нынче вышел. Токмо хлебушка нету. Я вместо его лепешки из икры щучьей пеку.

Семен

(крестится)

– Благодарствуем, Архип. Ну-ка, Олеша, сбегай к саням, икона у меня подорожная в поклаже. Принеси ее, а то ликو Спасителя уж больно на проводника нашего похоже.

Архип

(улыбается)

– Так вогул ее и писал по своему образу и подобию.

Семен

– А пока Лексея нет, скажу. Придет к тебе человек весной, татарин. Ты ему план крепости и нарисуй, да на словах передай, что разведал, чего видел. Настроения какие у угорских князей. Поддержат ли Кучума силою. А для верности подаст он тебе половинку рубля серебряного, ты со своей половинкой и сверь, коль сойдется деньга, то это и есть наш посланец.

Подает Архипу половину монеты.

Архип

– Как обоз пойдет, с ним и отправлюсь в Искер. Малицу вогула напялю, да жиром с сажей вымажусь. Сойду за местного, поди.

Архип и, достал из-за голенища бухарский нож и отвинтив колпачок на рукояти, положил половину монеты в тайничок.

Семен

(усмехается)

– Бороду да усы побрей, а то уж больно ты с Ильей Муромцем схож.

Архип

– Ваш-то обоз купеческий где остановился?

Семен

– Прошли мы тебя ночью и свернули по речке Атлымке вверх, к стойбищу. Остяки нам и поведали, что русский коваль в логу жительствоет. Нам обратной дорогой до Печеры-реки больно долго идти. Вот и решили напрямик к реке Тагил выйти, а там по Чусовой домой вернуться. Поэтому про проводника спрашиваю, надежен ли он?

Архип

– Можно верить.

Семен

– Через два дня мы выходим. Лошадь возьмешь? У нас казак преставился в пути. Его кобыла.

Архип

– Возьму, токмо сено не заготовлено. Не загублю ли ее?

Семен

– Она чувашская, сама корм найдет. Да еще, кажись, и жеребая. В дороге гуляла с Алешкиным жеребцом.

В кузню вваливается с облаком пара Алеша, подает икону.

Кузнец целует ее, крестится и аккуратно ставит в красный угол рядом со своей самописной иконкой.

Архип

– Пренняя тоже пуцай стоит. Почитай всю осень и ползимы на нее молился. А на нощлег у меня оставайтесь. Вы от саней да от чумов отдохнете, а я послушаю про Русь Святую.

98. Нат. Казахстан. Сопка.

Голос за кадром

Бережно собрав среди остывших углей обгорелые остатки костей, волхвы сложили их в глиняный горшок, закупорив пробкой. Поднявшись на вершину сопки, где Истяслав заранее выбрал отдельно стоящее дерево на поляне, ведуны остановились. Дерево было старое, дуплистое от корня, раскинувшее свои огромные ветви шатром. Никита выбрал старую листву из дупла, расчистил его от мха.

Истяслав

(ставит горшок в дупло)

– Забери, Перун, в мир свой моего наставника Вторака. А ты, Древо Жизни, сохрани мощи его нетленные и позволь носить имя его.

Гостомысл орошает корни дерева водой, которой омывали тело усопшего, и, обращается к Никите.

Гостомысл

– Отломи ветку малую от древа сего и поставь в водицу до весны. Когда же ветвь коренья даст да листья проклюнуться, вблизи старого древа посади новое, чтобы продолжалась жизнь вечная.

Голос за кадром

Так и стал каменотес Вторак Малым зваться, хотя и самому-то было сорок годков, но робел он от седин белых и мудрости ведунов старых, как ребенок мелкотравчатый.

99. Нат. Зимний день. У стен крепости Хана Кучума. Рынок.

Торгуют оленями и лошадьми. Стоят возы с рыбой и мясом. Торговцы трясут шкурками. В отдалении стоят телеги с рабами. Женщина прижимает ребенка. Мальчику холодно и страшно. Он прижимается к матери. Та как может, укутывает его тряпьем.

Голос за кадром

Ксения давно уже свыклась с холодом и голодом. Может, и преставилась бы она Господу от мук непосильных, так дитяtko на руках, Ванюшка семилетний. Как его покинуть на свете этом постылом? Не наложишь же руки на кровинушку свою.

Прошлой осенью кучумцы ночью налетели из-за камня. Ограбив избы, поколов копьями и постреляв из луков взрослых мужчин, собрали они обоз с добычей и молодых женщин с детьми угнали в рабство. Гнали полон поздней осенью, уже и листва опала с осин да берез. В чем застала беда русских людей, в том и гнали. В ночных рубахах исподних да на босу ногу.

Благо, еще загодя в дорогу собиралась Ксения с Ванюшкой до матери в гости, что проживала у места слияния речек Устья и Вильвы. Одежда под рукой была, успела Ванечку одеть, пока два татарина по избе шарили. Разрешили, поганые, и ей одетая, только шаль пуховую отобрали. За волосы перетащили через тело убитого на пороге мужа, выволокли из избы, привязали к телеге, запряженной хозяйской лошадей. Так и двинулись в сторону неизвестную.

Девочек-то сразу расхватили, раскупили, не прошло и четырех привалов. Хлопцев постарше увели в городище князя Епанчи, и больше Ксения их не видела. Остальных же гнали вдоль Тагила до Чиги Туры. Там и продали всех. Ксению с сыном да еще нескольких баб и их ребятшек выкупил за бесценок бухарский купец, который привез их водным путем в Искер с целью продажи. Никому они не нужны-то, сорокалетняя баба да ребенок несмышленный. Разве что на пушнину сменять.

Вот и сегодня у стен города появились остяцкие и вогульские обозы. Торговля шла рыбой, мехом, мясом. Любопытные остяки рассматривали на телегах рабов, которые от холода жались друг к другу.

Богатый татарин-полукровка, пригнавший к стенам Искера лошадей на продажу, подходит к телеге.

Купец юлой вертится вокруг покупателя.

– Балалар якши. Якши балалар.

Купец показывает детишек, поднимает каждого из телеги и трясет перед татаринoм.

Татарин

– Этот!

Показывает камчой татарин на Ванюшку. Мальчик прячет лицо в подол матери.

Купец

– Еки танге (две монеты).

Татарин

(щелкает языком)

– Дорого.

Купец

– Сколько дашь?

Татарин

– Половину.

Купец

(соглашается)

– Якши!

Купец бухарец, довольный сделкой смеется.

Действие:

Но тут неожиданно голосит женщина, схватив ребенка, прижимает его к себе.

Бухарский купец со всего маха стегает камчой бабу вдоль спины, а она и не думает выпускать дитя.

Купец замахивается вновь, кто-то перехватывает его руку. Кисть руки, сжатая железной хваткой, хрустит.

Купец

– Ай! Вай!

Перед ним стоит огромный остяк в расписной богатой малице, украшенной вороньими перьями по кромке капюшона, обутый в кисы, расшитые бисером.

Остяк

– Канча турады екиме ба (какая цена обоих)?

Купец

(пытается освободить руку от железной хватки)

– Уч таньге.

Остяк отсчитывает три монеты, берет под локоть женщину и ведет к оленьим упряжкам.

Татарин

– Э! Э! Тохта!

Остяк поворачивается и, хватая за кадык татарина, любитель мальчиков хрипит выпучив глаза.

Остяк

(голосом Архипа)

– Шаман я, зараз тебя в чошка оборочу, заколю и сожру, гнида басурманская!

Голос за кадром

Слово шаман и чошка (свинья) подействовали. Шаманов татарин остерегался и побаивался. Тем более, его мать, чистокровная вогулка, в детстве ночами рассказывала сыну легенды и сказки народов севера. Превратиться в свинью не входило в планы татарина, и он, хрипя и ругаясь, подался прочь...

Архип

(протягивая мальчику лепешку)

– Возьми малицу на нартах, горемычная, и мальчонку под подол быстро ховай. Да сиди и не плавай тут на нартах, покуда не ворочусь я из крепости.

Ванюшка хватает лепешку и рвет ее зубами.

Темнеет. Архип возвращается к нартам. Пробует упряжь оленей. Обрывает колокольчики. Женщина с ребенком, укрывшись шкурами, спят на нартах.

Тихонько, чтобы их не разбудить, он отвязывает оленей от ствола дерева и ведет упряжку к речке.

Голос за кадром

За вторую крепостную стену его не пустили. Все-таки там была резиденция хана. А между первой и второй стенами шла бойкая торговля пушниной. Там вдоволь натолкавшись и запомнив количество башен, высоту стен, число бойниц да кучу других мелочей, кузнец поспешил к своей упряжке.

Остаться у крепости до утра кузнец не решился, путь домой по петляющей реке был не близок, да и ночевать было опасно. При разведке крепостных стен, проходя вдоль укрепления, он раза два встретился с пристальными взглядами ханских соглядатаев.

При свете луны отчетливо была видна натопанная сотнями нарт стежка. Да и олени знали дорогу к дому, где их ждал ягель. Тут же, у крепости, животным пришлось довольствоваться только мхом на еловых ветках, которые загодя положил на нарты в дорогу Архип.

Архип махает шестом и разогнав упряжку, сходу запрыгивает на нарты. Вскоре топот копыт и хруст снега стихает, и вновь февральская ночь погружается в тишину, только редкая переключка стражников на башнях крепости изредка нарушает покой.

100. Инт. Дворец Кучум Хана.

Маметкул

– Дядя, большой поход на Русь подготовлен. Наши разведчики докладывают, что в настоящее время на реках Каме и Офэ нет царской рати. Два тумена твоих конников стоят у Чиги Туры и готовы выйти по первому сигналу.

Кучум набирает в горсть сладости из поданного слугой серебряного блюда, пробует и, чуть подумав, отвечает.

Кучум Хан

– Нашему Сибирскому ханству в данный момент ничто не угрожает. Если пойдут с востока джунгары, то они завязнут сражениями в Исильской степи. А царь Иоанн уж который год зализывает раны после битвы под Молодью. Он хоть и одержал победу над Гиреем, но потерял пять тысяч немецких наемников и три четверти своего войска. Новым же походом на Русь мы обретем земли чувашей и мордвин, а далее овладеем Казанью, вернем Астрахань. Никто и ничто теперь не может противостоять нашему могуществу, и данным случаем мы просто обязаны воспользоваться Маметкул. Хан Бухары посвящен в мои планы и подает руку помощи, посылая в подмогу полтумена своих отборных джигитов.

Маметкул

– Но, дядя, мы ослабим охрану Искера, если отправим в поход ногайцев и узбеков, пришедших на помощь для повержения остатков отрядов Едигер-хана. Это ослабит оборону крепости. Среди остяцких и вогульских князей зреет недовольство.

Кучум Хан

– Эти дикари никогда не поднимут восстание. Они сами-то меж собой не могут найти согласие, куда им до смуты. Но для верности, мой дорогой племянник, я прикажу вогульским князьям встать летом своим войском на слиянии Туры и Тагила, чтобы быть уверенными в надежной охране западных границ. А ногайцев и узбеков мы кормим и содержим за счет казны, так уж пусть лучше сами ищут добычу в походе.

Маметкул

– Дядя, вчера днем наши хабарчи заметили подозрительного шамана на торжище, где торгуют пушниной. Он, разглядывая стены и башни, загибал пальцы, скорей всего, считал бойницы. Но с темнотой пропал. Среди приезжих остяков его не нашли. Лазутчики из остяков и вогулов доложили, что вниз по реке ночью ушла одна упряжка из четырех оленей, впряженная в большие нарты для перевозки рыбы и мяса. Я на всякий случай послал троих воинов на ее розыск. Думаю, с тяжелыми нартами далеко шаман не уйдет, а встанет на дневку у Уватских гор.

Кучум Хан

– Хорошо, дорогой Маметкул. Какой еще хабар поведаешь?

Маметкул

– Тысячник Аманжол уличил свою младшую жену в неверности. Как прикажешь с ней поступить, великий хан? Он просит твоего суда.

Кучум Хан

– Пусть посадят ее в мешок, кинут туда гюрзу и кошку. Когда все будет кончено, скинут в прорубь.

Маметкул

– Хорошо, я передам твою волю, дядя.

Кучум Хан

(хохочет)

– А ведь предупреждали толстого Аманжолу, что, если тысячник не будет ходить к своей жене, к ней будет ходить сотник. Пускай в походе на Русь муж и любовник померятся силой. Во время войны наш закон запрещает поединки, тем более из-за женщин. А Аманжолу передай, я оплачу калым за новую жену, когда он вернется с победой и добычей.

Из-за занавеси выходит слуга и почтенно ставит перед Маметкулом закупоренный сосуд с ядовитой змеей.

Кучум Хан

– Кошку пусть поймает сам Аманжол. На конюшне много крыс и бродячих котов. Я приду на казнь. Давно я не зрел таких потех.

101. Нат. Рассвет. Пойма реки. Упряжка из трех и одного пристяжного оленя останавливается.

Первым просыпается Ванюшка. Он высовывает нос из-под шкур, фыркает на морозе, как маленький ежик.

Архип

– Что, пострел, проснулся?

Ванюшка

– По нужде хочу дядька.

Архип подходит к мордам животных. И пока малец справляется по малой, меняет среднего оленя, заменив его пристяжным.

Архип

(мальчику)

– Кинь веток олешкам, пусть пощиплют мох, подкрепятся.

Мальчуган, вытаскивает охапку веток из-под шкур, несет ее к оленям.

Архип

– Шустрый ты, однако, у меня тоже сыночек был, Ванечка, да убили его басурмане поганые.

Кузнец вытаскивает пицаль из-под спящей женщины.

Та ворочается.

Архип

– Что, и тебя разбудил, красавица?

Ксения

– Не спала я, боялась сыночка разбудить. Да и как тут шубу откинуть-то? Ведь шаман ты. Чудодей страшный. Говорят, что самоеды вы.

Архип

– Ну, коль ты не признала во мне душу русскую, то татары тем более не углядели.

Ксения

– Углядели, углядели. Вчерась, как токо ты ушел, двое туды-сюды шастали. Все пальцем на упряжку показывали да расспрашивали остяков про тебя.

Архип

– Ну, значит, не зря я пищаль в дорогу взял. Правда, недавно мне показали, как ей пользоваться. У купцов новгородских на шкуры поменял. Ну, пару раз я, конечно, пальнул по осине для сноровки.

Ксения

– Сейчас покажу, у меня же мужик промыслом занимался, знакомо мне огненное дело, и заряжать могу, и сама пару раз по утям пуляла. Ты пока отвернись да заряд достань, а я туды, куды Ванюшка ноне бегал, сбегая.

Со стороны Искера подъезжает упряжка из двух оленей.

Остяк

– Слушай, белый шаман. Три татары погоня идет. Я другим берегом их обогнал.

Архип

– Олени устали, не уйти мне.

Остяк

– Пошли на Туртас, дальше будет три гора и большое болото. А там Салым-река и Об-река. До Алтымских юрт дойдем, никакой татары не нагонит. На болоте кочка, их лошадь не пойдет, нога сломает.

Архип

– А до болота далече? Звать тебя как?

Остяк

– Зови меня Пайзой. А до болота ехать надо, однако. Если на болото попадем, там татары нас не догонят. Шибко кочек много, лошади не олени, не смогут они нас догнать.

Архип

– Давай, Пайза, показывай дорогу. А я тебе нож откую, коли от погони уйдем.

Обе упряжки сворачивают направо в притоку. По руслу Иртыша к тому времени разыгрывается поземка.

В протоке ветра нет. Первая упряжка с остяком прокладывает дорогу, вторая уже по проторенному следу легко идет сзади.

Вечереет.

Встречается встречный обоз из двадцати упряжек. Архип останавливает свою упряжку. Остяк, переговорив со старшим, подходит к Архипу.

Остяк

– Я сказал, что ты есть белый шаман, который гнет огненное железо руками. А татары мыслят убить шамана. Совсем погоня рядом. Мне сказали, что они слышали про тебя и что они пошлют татар на ложный след.

Архип

– Погодь, я с мальцом пошепчусь, а ты пока пристяжного оленя заberi.

Архип подходит к Ванюшке и Ксении.

Архип

– Ты, Ванюша, возьми у меня тряпицу, на ней рисунок есть. И деньгу, поломанную за ланиту (щеку) убери. Да садись в первую упряжку к остяку. Ежели, что с нами худое приключится, остяк тебя до моей кузни довезет. А там и дядька Угор весной вернется. В конце же

зимы придет татарин и подаст тебе половину деньги. Сверишь, отдашь ему сию тряпицу. А теперь беги до остяцкой упряжки, я ему заплатил, чтоб ты с голоду не помер до весны.

Ванюшка

– А матушка?

Архип

– Не потянут два оленя троих. Дай Бог, не пропадем и мы с твоей маменькой. Ну-ка, давай, Ксения, раба Божия, напоминай, как заряжать эту штуковину. Чую, нагонят нас твои мучители.

Архип разворачивает свою упряжку.

Архип

(Ксении)

– Поедем им навстречу, пусть думают, что мы тожа остяки, от обоза отстали и нагоняем. У нас теперь три оленя, пристяжного нет, сразу не сообразят и подпустят на выстрел, а может, и мимо проедут. Так я им в спину и пальну. Хоть одного да выбью. А уж с двумя, Бог даст, управлюсь. Ну а коль не справлюсь, разворачивай упряжку и гони за остяком по их следу. Я попробую лошадей напоследок им из строя вывести, чтоб не погнались.

Ксения

– Пищаль свинцовой сечкой заряжена. Целься так, чтоб хоть двоих зацепило, так мы утей с мужем стреляли. Прицелишься и ожидаешь, покуда в кучу не соберутся, а потом – бах, и штуки три зацепило.

Я на полку свежего пороха положила, смотри осторожно, снег чтобы не попал, а то отсыреет.

Архип

– Может, сама пальнешь? А мне с сабелькой-то попроворней будет.

Ксения

– Смогу. Почто не пальнуть. За всех убиенных не грех.

Архип

– Вот и стрельни. Тогда у меня руки свободны будут. Шест погонный возьму, он длиннее копья, может, и вышибу из седла одного-другого. Пехом-то басурмане не шибко верткие, они только верхом бравые. Только вот следопыты они добрые и вскоре наблюдут место, где наша упряжка развернулась, да воротятся. Поэтому надобно нежданно встретить и бить их тут в спину.

Впереди показывается хвост обоза.

Три встречных татарина, внимательно всматриваются в лица сидящих на нартах остяков, медленно проезжают мимо.

Батыржан, старший разведчик, мельком глядит на догоняющую обоз упряжку.

Голос за кадром

Действительно, как и предполагал кузнец, увидев трех, а не четырех оленей, он не придал ей значения. Мало ли по каким причинам могла отстать от обоза упряжка.

Батыржан оглядывает встречную упряжку, ворох шкур и двух остяков, одного спящего и одного сидящего с шестом.

Батыржан легонько стегает камчой по крупу своего коня, выезжает на протоптанную встречным обозом дорогу.

Он внезапно разглядывает след разворота.

Татарин натягивает поводья коню, так что, он встает на дыбы, Батыржан поворачивает обратно. Его примеру следуют подчиненные.

Конь, поднявшись на дыбы, принимает на себя прилетевший свинец. Жеребец, хрипит, заваливается набок.

Третий всадник, ехавший замыкающим, убитый валится из седла. Но одна нога остается в стремене. Раненная в круп лошадь, мчится по снежной целине, тащит за собой тело мертвого хозяина, зацепившегося одной ногой в стремя.

Из кустов, на другом берегу, за раненной лошастью наблюдают волки.

Волки белые, полярные. Стая большая.

Батыржан, высвобождает ногу из-под упавшего коня и выхватив саблю, бежит в сторону Архипа.

Всадник, ехавший посредине, ранен в правое плечо, рука беспомощно обвисла, но он, ловко перехватывает копьё в левую руку, разгоняет коня, летит в атаку на пороховое облако, клубившееся там, где должна была находиться упряжка шамана.

Олени, испугавшись грохота выстрела, рванули.

Ксения и Архип кубарем слетают с нарт в снег.

Женщина, барахтаясь на снегу, запуталась в длиннополой малице.

Архип, скидывает шубу вогула через голову, и остается в одной безрукавке. Выхватывает из ножен саблю, готовится к бою.

Острое копьё, удерживаемое левой рукой всадника и направленное в грудь кузнеца, стремительно приближается.

Архип

(сплевывает на снег)

– Левша, будь ты неладен.

В следующее мгновение налетает всадник.

Отбив копьё, Архип изловчился и со всего маху рубит татарина по левой ноге. Разрубает ему бедренную кость чуть выше колена тяжелой самаркандской саблей.

Нога всадника, выворачиваясь в стремя, крутится на внутренних сухожилиях и шкуре, а из огромной раны фонтаном хлыщет кровь.

Оставляя широкий кровавый след на снегу, татарин, преодолевая адскую боль, разворачивает коня, летит в атаку.

В этот раз он умудряется попасть в левое плечо кузнеца, но и сам валился из седла, теряя последние капли крови из перерубленной артерии.

Подбегает Батыржан, прыгает на своего врага всем телом, наваливается на раненого Архипа.

Наконечник копья глубоко застрял в плече кузнеца, и он, теряет сознание от боли. Татарин переворачивает Архипа на живот и вяжет за спиной руки.

Батыржан, связав кузнеца камчой, поднимается, переворачивает на спину и, наступив ему ногой на грудь, вырывает копье из плоти.

Архип лежит без сознания.

Его жилетка распахивается, на груди увесистый мешочек на шнурке. Татарин опускается на колени и саблей срезает шнурок.

Развязывает мешочек, высыпает на грудь бездыханного серебряные монеты.

– Бир, еке, уч, – считает Батыржан добычу, – торт, бес, алты, жаттэ...

Но получает страшный удар по голове.

Батыржан с расколотым черепом валился на снег.

Ксения, дрожа всем телом от нервного озноба, стоит возле татарина, она держит за ствол писталь с разбитым вдребезги прикладом.

Обоз останавливается.

Остяки с ужасом наблюдают за бойней, развязавшейся по обоим берегам реки.

Из облака дыма выскакивает перепуганная лошадь, таща в стремени мертвого седока.

Когда же она достигает левого берега, из прибрежных кустов нее кидается стая полярных волков. Вожак с ходу вцепляется в горло животного, заваливает лошадь на снег.

Голодные волки рвут еще живую лошадь и мертвого татарина.

По правому берегу дымовое облако расходится. Лежит поперек санного следа лошадь дергаясь в судорогах, периодически пытается поднять морду.

На снегу в луже крови лежит мертвый всадник с перерубленной ногой. Другой хабарчи покоится подле белого шамана. А посередине этого месива стоит ведьма в малице с откинутым капюшоном и распущенными волосами.

Олени кузнеца, напуганные выстрелом, пробегают сажень триста и добежав до остановившегося обоза, встают, нервно дрожа. Перепуганных животных успокаивает подошедший остяк – старший обоза. Разворачивает оленей и прыгает в нарты. Гонит упряжку обратно. Остальные обозники наотрез отказываются даже приближаться к месту боя.

Ксения дрожащими руками собирает в мешочек монеты и садится подле Архипа.

Аккуратно поворачивает Архипа на бок, женщина развязывает ему руки.

Вспарывает подобранной из снега татарской саблей безрукавку, осматривает рану.

Рана сквозная. Наконечник копья прошел через огромную дельтовидную мышцу кузнеца.

Ксения отрывает от своего подола куски ткани, комкает их в тампоны, прикладывает их с обеих сторон, перевязывает поверх полоской тканью.

Архип приходит в себя, стонет от боли.

Ксения

(улыбается)

– Терпи, казак, атаманом будешь.

Архип

(смотрит на мертвого татарина)

– Это чем ты его так приложила?

Ксения

– Пищалью твоей, только вот приклад размозжила ненароком, уж не обессудь.

Архип

(сокрушается, морщится)

– Эко меня угораздило-то, не успел увернуться. Ну да ладно, пальцы шевелятся, знамо, поправимся. Добро, что копье у него не боевое, с широким наконечником, а легкое метательное арабское. Может, и затянется рана. Токмо вот голова кружится малехо, да озноб бьет.

Ксения

– Крови с тебя много вышло, а озноб бьет, потому что вся рубаха на спине от кровушки мокрая. Давай-ка снимай рубаху, все одно выкидывать.

Архип

– С тобою по миру пойдешь, хозяйюшка, отстираю да заштопаю, как домой доберемся. Ну-ка, помоги мне малицу надеть да подняться.

Подъезжает упряжка.

Остяк

– О, ак (белый) шаман! Син улы (ты великий) шаман! Тарсыл и жай (гром и молнии) можешь пускать

Архип

(присаживается на нарты.)

– Что же могу и гром, и молнии пущать. Так в Искере и Расскажи. Ежели кто сунется ловить белого шамана, того молния и зашибет да волки догрызут.

Архип

(Ксении)

– Ну-ка, горемычная, собери оружие да сбрую всю сними с коня убитого. А второго-то споймай, в хозяйстве пригодится. Да по одежке пошарь. У татар, может, что ценностное есть, не оставлять же волкам добро.

Ксения

(испуганно)

– Боюсь я мертвяков.

Архип

– Живых бойся. А у меня от мертвяков заговор есть, опосля научу.

Остяк помогает Архипу прилечь правым боком на нарты. Ксения собирает сбрую и оружие.

Остяк осматривает рану. Достает из своей котомки кожаный мешочек, палочкой зачерпывает из него массу желто-коричневого цвета и, намазав ее на тряпицу, прикладывает к ране. То же самое проделывает и с выходной раной.

Остяк

– Это живица, кедровый масло. Заживет как на олене.

Архип

– Откель русский язык знаешь?

Остяк

– К черемисам ходил, шкуры менял. Река Чусовой тоже ходил. Возьми живица, в пути мазать баба будет. Я пойду, обоз ждет. Поправляйся, белый шаман. Весной с Саматлор Озера к тебе приду. Будешь мне острога делать?

Архип

– Ладно! Я тебе даром два наконечника откую, только в Искере Расскажи, что я в Атлымские юрты не пошел.

Остяк

– Латна, Белый шаман, скажу, что ты на Сор Кут подался. Там поверят, все остяки видели, что ты в сторону Обь-еган и Сор Кута ехал. Остякам с обоза я скажу, чтоб тебе живицы давал раны лечить и что белый шаман за это не убьет их громом и молнией. А они мне по три шкуры с каждой упряжки отдадут за то, что я с тобой договорился.

Архип

– Ладно, ступай, плут. Коль не помру, то приходи по весне, гостем будешь. Как зовут-то тебя?

– Мамар имя мое.

Бежит к обозу, как баба, приподнимая руками полы длинной малицы.

Архип

(смотрит во след остяку)

– Ну, попадья попадье при набате, ей-Богу.

Упряжка бежит ходко.

Архип, морщится от боли, возникающей при периодических наездах на кочки и ледяные торосы, приговаривает.

Архип

– Ничего, ничего, голубушка, погоняй. Бог терпел и нам велел.

Татарская лошадь под седлом мирно бежит сзади на арканной веревке.

102. Нат. Берег реки. Волчья стая.

Вожак стаи, насытившись, лежит на снегу, облизывает окровавленные лапы.

Молодые волки рвут и таскают по насту останки лошади и всадника.

Голос за кадром

Обоз ушел, а нагнать его утром и идти за ним далее у сытого и матерого вожака отпало желание. Тем более, вторая лошадь лежала на том берегу. Это еще один день сытной жизни. Наступал конец февраля. Скоро молодые самки будут готовы к спариванию. Далее придется выхаживать волчат. Инстинктивно старый волк понимал, что нужно вести стаю назад в тундру. Раньше он побаивался двуногих крикливых существ в длинных шубах, блестящих железом, пахнущих горелым деревом. Сегодня же, отведав человеческого мяса, вожак понял, что эти двуногие твари не такие уж сильные и огромные, как ему казалось раньше. Страх перед людьми, всосанный с молоком матери, пропал. Волк понимал, что через день-два они нагонят

две упряжки, ушедшие на север. Так что по дороге в тундру его стая не останется с пустыми брюхами.

Старый волк, смотрит на месяц, серебром освещающий замерзшее русло реки, задирает окровавленную морду к звездам и воет.

И вся волчья стая, приостанавливает кровавый пир, следует его примеру... Воют.

103. Инт. Казахстан. Сопка. Пещера волхвов.

Истяслав подходит к Никите, который с любовью протирает пропитанной в хлопковом масле ветошью глиняные таблички с изображениями дворцов и храмов, аллей и каналов.

Никита

– Град какой-то античный что ли, отче?

Истяслав

– Да, это самый древний град на севере. Юпитер-град. Ему много тысяч веков, отрок. Эти древние фрески я принес с собой от берега моря Варяжского, где род мой обитал, оберегая сию святыню. Жил древний град когда-то. Люди строили его на века. Берега каналов и рек в гранит облекли. Площади выложили, храмы воздвигли. Опосля по его образу и Афины, и Рим воздвигнуты были. Но пришла напасть великая, поднялись воды морские студеные и затопили сей град. Люди ушли в страны дальние. А град затянуло тиной морскою. Но волхвы тысячу лет ждали и верили, что сойдет вода великая и снова Юпитер-град заблестит своим величием. Десять веков назад послали жрецы Египетские волхвов разведать, не сошла ли вода. Долго шли волхвы. Степями, пустынями, шли по одной только им изведанной дороге. Дошли до Ильмень-озера, реками добрались до Нево-озера, а далее и до моря студеного. Остановились на берегу, где из Нево-озера река впадает в море Варяжское. Там волхвы и поселились. Море-то ушло, да болото осталось уж дуже топкое.

Но наказ богов и жрецов исполняли волхвы. И в лютый мороз, и в летний зной неустанно рыли они каналы осушающие, спускали торф и грязь вековую в реку. Нашли они строения каменные, колонны античные. Токмо вот одним волхвам не под силу было одолеть силу естества. Как весна, так поглощала грязь и плывун старания их. Постепенно обрастало сие место маленькими городищами, что поверх земляного слоя строились и возникали. Тогда и послали волхвы челобитную к царю-батюшке. Ушли ходоки в Коломну да так и сгнули. Грамоты их с чертежами улиц и каналов, аллей и парков пропали. Видать, набожный царь побоялся Юпитер-град отрывать и под страхом казни запретил даже говорить о тайне великой. А волхвов, что обитали близ озера Нево, извести повелел. Вдвоем токмо мы и уцелели, сохранив фрески

бесценные. Да вот старший Вторак нынче помер. Теперь тебе, отрок Вторак, хранить память о Юпитер-граде...

Гостомысл, слушает беседу, подходит к Никите.

Гостомысл

– Ну-ка присядь да фреску к груди прижми покрепче.

Гостомысл достает серебряный шар на цепочке, качает его перед глазами Никиты, погружает его в гипнотический сон.

Гостомысл

– Что созерцаешь, Вторак Малой?

Никита

(в состоянии гипноза)

Видение и голос Никиты

– Зрю, град стоит при море. Храмы и колонны, фонтаны и скульптуры каменные, великими каменотесами произведенные. Невиданным доселе искусством отшлифованные плиты. Лестницы из красного мрамора выложены способом невиданным. Колонны высокие чредой к небу возвышаются. Статуи нимф и атлетов крыши сих храмов поддерживают.

Гостомысл

– Зри сквозь лета, отрок.

Никита

(в состоянии гипноза)

Видение и голос Никиты

– Потоп библейский всемирный вижу. Много воды.

Гостомысл

– Далее.

Никита

(в состоянии гипноза)

Видение и голос Никиты

– Много веков вода кругом.

Гостомысл

– Далее рассказывай.

Никита

(в состоянии гипноза)

Видение и голос Никиты

– Лед и снег вижу по всему берегу моря и далее к землям южным. Облака летят, свет да темень чередом меняются. Сходит лед, рушит храмы. Колонны кои падают, кои остаются. Ушел лед, вода осталась. Травой порастает, болото зачинается. Грязь да мох все выше и выше. Деревца прорастают по верху мха и превращаются в лес дремучий. А река все несет да несет ил да грязь, при половодье весеннем вновь покрывает сие место новыми слоями почвы. Лицезрю волхвов, медом попотчеванных и в бане запертых. Мужички в шубах песцовых да шапках бобровых свитки разглядывают. Кладут в сундук кованный. Баня, в которой ведуньи заперты, горит. А бояре, что давеча грамоты зрели, уж отравлены лежат.

Гостомысл

– Рассказывай, что далее сотворится.

Никита

(в состоянии гипноза)

Видение и голос Никиты

– Царь Иоанн долго жить приказал. Смута великая идет. Брат на брата, отец на сына. Чадое малое на воротах кремля удушено. Вижу Настю, покойную дочь боярина Романова, жену благоверную царя нашего с младенцем желанным, коего народ лобзает и на руках носит.

Тучи проносятся, свет с тьмой сменяя. Два царских дитятка в сундуках шарят, играясь в подвалах Тайницкой башни. Чертежи волхвов разглядывают. Да немощен один, преставится вскоре. Второй растет, а как вечер, так найденные грамоты все рассматривает да изучает. Тучи проносятся, свет с тьмой сменяя.

Гостомысл

– Далее, отрок, далее.

Никита

(в состоянии гипноза)

Видение и голос Никиты

– Много народу мастерового гонят в места болотные. Копают каналы, болото осушают. Лес пилят. Избы на зиму рубят. Сваи колят, чтоб плывун сдерживать. Весной паводок смывает строения и затягивает каналы. Опять люд дополнительный согнан. Мор стоит безмерный. Осушенный торф какой сжигают, а какой в реку сплавляют течением. Зрю, каменный град с колоннами и арками, фонтанами и каналами из болота растет. Юпитер-град вновь блистает на севере среди болот и лесов... Восстановивший сию красоту себя императором объявляет, а град нарекает Питерградом. А тем, кто посмеет назвать град старым именем, велит языки резать.

Тут Никита неожиданно хрипит и, задыхаясь от удушья, заваливается на бок. Гостомысл подхватывает каменотеса и выводит его из гипнотического сна. Никита открывает глаза.

Гостомысл

– Увлёкся я, отрок, чуть нить жизни твоей не упустил. Ты уж прости старца неразумного. Далее аккуратен буду.

104. Нат. Зимний день. Крепость Кучум Хана. Рынок.

Кучум Хан выезжает верхом со свитой за вторую крепостную стену. Ревут поднятые к небу медные трубы-карнаи, дробью отзываются бубны.

Любопытная пестрая толпа замирает в ожидании зрелища.

Из ворот выводят ишака, на котором сидит задом наперед полураздетая девушка. Четырнадцатилетний ребенок с распущенными волосами дрожит от страха.

Палач, ведет ишака за веревку и подходит к месту казни.

Кланяется хану.

Кучум Хан одобрительный кивает.

Глашатай

– Жена изменила мужу, и, по нашим законам, она умрет страшной смертью!

Воют карнаи.

Обреченную на смерть подводят под руки к палачу и ставят на лежащий мешок. Палач поднимает края мешковины. Девушка в мешке. Подходят помощники, бросают в мешок кота и открытый сосуд с гюрзой. Завязывают мешок. Палач отходит в сторону.

Из дергающегося мешка раздается оглушительный женский визг и рев обезумевшего кота.

Кучум Хан, сидит на подушках, вкушает поднесенные ему сладости. Толпа орет от восторга, заглушая слабеющие крики жертвы правосудия.

Хан лениво машет рукой.

К мешку подъезжают два всадника. Подхватывают концы веревок, направляют своих коней к реке.

Волокут мешок до полыньи. Отпускают веревки тогда, когда мешок падает в воду. Мешок тонет в полынье. Кучум Хан встает. Ему подводят коня. Толпа разбредается. Рынок начинает жить обыденной жизнью. Продают, трясут шкурами, торгуют рыбой, мясом, рассматривают зубы у лошадей покупатели.

105. Нат. Пойма реки. Уральский хребет. Полусотня татарских всадников.

Голос за кадром

Конный разъезд численностью в пятьдесят всадников пять дней назад наконец-то обнаружил следы новгородского обоза, про который давно ходили слухи. Санний след, оставленный им на снегу, вначале шел вверх по руслу реки, но позже повернул к горному массиву Уральского хребта. Разведчики князя Епанчи, упорно преследуя непрошенных гостей, забыв про элементарную осторожность, нагоняли обоз, и с каждой минутой расстояние сокращалось. Да и почему татарам было осторожничать? Они на своей земле. Какой вред им могут нанести купцы? Достаточно и маленького дозора впереди основного отряда. А жажда легкой наживы совсем им затмила ум.

Вогул вел караван с пушниной только ему известными дорогами. Он то спускался в замершие русла рек, то вновь вводил обоз болотами, а потом снова спускался в русло.

Угор пропускает последние сани и казаков на берег. Остается на льду речки один.

Расчищает ногами от снега лед, вытаскивает из сумы рог сайгака.

Встает на колени. Вогул прикладывает рог ко льду. Слушает, встает, криво усмехается, отряхивается от снега и бежал за удаляющимся обозом.

Угор

(догоняет сани где едет Семен)

– Погоня идет за нами, однако. Много всадников, совсем рядом.

Семен

(потирает радостно руки)

– Работа наша, кажись, началась, ну-ка, Олеша, свистай казачков.

Обоз уходит вереницей в лес.

Остается только санний след.

Из-за поворота поймы реки. Двигаясь по санному следу. Едут верховые дозорные татары. Семь всадников.

Татары, внимательно изучают следы.

Всадники поднимаются на берег и въезжают в лес.

На льду остается основной отряд.

Дозорные, изучая следы проезжают, не замечая укрывшихся за стволами деревьев казаков. Казаки с пищалями наготове затаились.

Дозор проехал по следам обоза дальше. Остановился. Саный след уходит далее, а следы копыт лошадей уходят в левую сторону.

Старший дозора отдает распоряжение одному из воинов, и он, разворачивает коня. Галопом скачет навстречу основному отряду.

Но накиннутый волосяной аркан вырывает его из седла, как пушинку.

Посыльный, не успевает опомниться, как оказывается в хватких руках казаков.

Лошадь, потеряв наездника, переходит на рысь, а потом и вовсе останавливается. Лошадь топчется на месте, она разворачивается в сторону головного дозора и, испуганно фыркает от удара прилетевшего в ее круп снежка, скачет обратно.

Отряд на льду.

К знатному татарину подъезжает на олене старший вогульских воинов.

Старший из вогульских воинов.

- Скоро земля вогульского княжества закончится. Дальше каменный лес и уголья Чуди белоглавой. Вогулы дальше не пойдут. Плохой чуждый народ, проклятое место. Они проживают в подземном царстве. Стерегут серебро и золото. А ежели какое золото река водой наверх вымоет, то Дивьи собирают его и назад в землю уносят. А поднявший же с их земли что-нибудь или пришедший сюда незвано обязательно наказан будет. Или гром убьет его, или болото проглотит.

Татарин

(усмехается)

– Всевышний поможет нам.

Старший из вогульских воинов.

– Боятся люди входить в их каменный лес.

Татарин

– Еще немного, и мы нагоним обоз, а там домой вернемся с добычей и пленными урусами.

106. Нат. Лес. Казаки в засаде.

Семен

(прячутся за деревьями)

– Так, казачки, слухай сюда. Встанем в три рядка за березами. Перший ряд как пальнет, сразу пищали назад передает. Второй ряд подает заряженные первому. Третий заряжает. А коль после третьего залпа татарин все же поперет, берите в руки бердыши и бейтесь ими, покамест третий ряд вновь не зарядит пищали.

Основной отряд воинов мурзы Епанчи, поднявшись по санному следу на берег медленно втягивается в березняк.

Вогулы на оленях перестраиваются и двигаются сзади татар.

Вогулы озираются по сторонам, они, преодолевая животный страх, едут молча, глядят руками висячие на груди под одеждой амулеты.

Основной отряд подъезжает к месту засады.

Звучит первый залп из пищалей. Пятеро верховых татар падают на снег. Одна лошадь бьется в предсмертных судорогах, вторая, пытаясь подняться, волочит задние ноги, жалобно издает ржание.

Звучит второй залп. падают на снег верховые.

Вогулы третий раскат залпа слышат уже на реке, так как, стегая оленей и выпучив от ужаса глаза, мчатся обратно.

Вогулы

(хором)

– Земляные люди! Дивьи! Чуди! Простите нас! Мы не пойдем больше в ваши уголья!

Третий шквал свинцовой сечки выкашивает еще больше людей, воины Епанчи в панике сбиваются в кучу.

На оставшихся в живых конников из лесу бегут казаки.

Организованного сопротивления татары уже не оказывают

Головной дозор из шести всадников, возвращается на выстрелы, дозорным предстаёт картина.

Двадцать четыре их соотечественника лежат на поле битвы. Там же валяются убитые и раненые лошади.

Между ними бродят казаки, добивают бердышами раненных татар и лошадей, снимают сбрую с животных и обшаривают одежду убитых врагов.

Татары вихрем идут на прорыв через поле боя, рубят саблями направо и налево.

107. Нат. Березовый лес.

Семен сидит рядом с трупом Алеша.

Семен

– Да как же тебя угораздило, Олеша. Ведь говорил тебе не отходить от коней ни на шаг. Что же скажу я твоей матушке? Как же я запомнил про дозор их? Видать, разум отняла жадность моя.

Семен поднимается, осматривает на ладони горсть золотых перстней, снятых с убитых, размахивается, швыряет их в снег.

Семен

– Положите убиенных на сани. Тут недалеко осталось. Домой повезем,

Казак

(показывает на трупы воинов Епанчи)

– С басурманами чего робить, Семен?

Семен

– С дороги уберите, да и станется им. Пусть их соболя грызут. Все больше пушнины будет. Бояр-то в думе да сынов боярских по Москве и Новгороду все более и более нарождается. Каждому шубу меховую подавай да шапку бобровую. Кичатся мехом серебряным, в летнюю жару не снимают, важность свою показывая. Выбили ради них, кровососов, зверя по всей Руси, токмо вот в Сибири и осталось промыслять пушной. Да только, братцы, нынче наш промысел дюже хлопотный вышел. Коней, что живые, споймайте, а убитых лошадей, что помоложе, на мясо. Да сбруи, седла снимайте, черти неразумные! Шашки, луки, копья, броню – все в обоз несите. За камнем продадим и семьям погибших поможем.

Казак

– Семен, а с этим как поступить?

Казак держит за шиворот татарина, которого заарканили и повязали еще перед битвой.

Атаман посмотрит в глаза пленному. В них нет ни страха, ни смятения.

Пленный татарин

– Урус собак! Секир башка! Шошканын Эркэге.

Плюет под ноги Семену, визжит плененный воин.

Семен

– Что он сказал?

Казак

(держит за шиворот татарина)

– Собака ты, Семен, и голову рубить тебе он будет, а дальше что-то про свинью.

Купец

(подходит от обоза)

– Кабан ты выложенный, хряк бесплодный – вот что он тебе сказал.

Семен

– Вот паскудь, а я же его отпустить хотел. Ну, коли я кабан выложенный, то и ты более балашат не наплодишь. Ну-ка, братки, суй его вниз головой в бочку, что под солониной была. Сейчас мы Кучуму еще одного евнуха изготовим!

Связанный пленник, сунутый в бочку вниз головой, беспомощно дрыгает ногами.

Пленный татарин

(из бочки)

– Шошканын Эркэге. Урус собак!

На снег, паря, падает семя басурманское. Визг татарина заглушает хохот и свист казаков.

Казак

(Утирая окровавленные руки о снег, казачина расплылся в беззубой улыбке)

– Я бы всю их породу выложил, дай мне право!

Купец

(крестится, шепчет)

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Тати, мазурики, разбойники с большой дороги. Ну и стражу мы наняли. Зарежут и оком не моргнут. Господи, помилуй!

108. Нат. Утро. Встает солнце. Болото.

Упряжка Архипа и Ксении нагоняет упряжку, в которой едут Пайза с Ванюшкой.

Голос за кадром

Упряжку, в которой ехали остяк с Ванюшкой, Архип с Ксенией нагнали только под утро. Благо, что протоптанный в снегу обозный след для оленей был верным ориентиром в пути.

С рассветом остановились. Пока отдыхали и кормились олени, Ксения, порвав чистую Ванюшкину рубашку, перевязала кропившуюся кровью рану Архипа, предварительно смазав живицей.

Две упряжки останавливаются. Люди ходят разминаются. Ксения перевязывает рану Архипу.

Архип

– Пищаль заряди, она хоть и без приклада, но может еще сгодиться.

Ксения

– А я в нее пол заряда заложу, как на утей. Тогда она не шибко взад отдаст.

Остяк

– Волки за нами пойдут. Им не взять большой обоз. А у нас две упряжки. Сейчас не пойдут, через день догонят.

Архип

– Вот свинцом их и встретим. Жаль, рука не работает, я с лука бы помог.

Голос за кадром

Разомлев на солнышке, перекусив вяленой рыбой, чуть подремали. На отдохнувших оленях к полудню тронулись в путь. Всю ночь шли размеренным шагом, чтоб не загнать животных. Все чаще и чаще начала спотыкаться лошадь, не привыкшая ходить по болотному кочкарнику. Вечером на небольшой остановке, хоть и жаль было, Архип попросил Ксению расседлать пристяжную кобылу, снять седло и сбрую.

Архип

– Хорошая порода, грудь широкая, под плугом бы пошла, сеяться весной надобно, да, видать, не моя это добыча.

Упряжки бегут дальше. Архип, глядит, как растворяется в темноте силуэт отставшего животного.

109. НАТ. Ночь. Лежанка волков.

Вожак поднимается, глядит на луну. Стая выстраивается в походную цепочку, бежит по натопанному обозом следу.

Рассвет. Волки крутятся на бывшей стоянке людей.

На снегу кое-где валяется чешуя, остатки вяленой рыбы, окровавленные тряпки и олений помет.

Обнюхивают, съедают остатки пищи.

Стая бежит дальше.

110. Нат. Уральский хребет.

Вогул останавливает обоз.

Подходит к каменной скале.

Достает бубен и, ударяя в него, начинает исполнять какой-то загадочный танец.

Исполнив его, Угор кланяется и ставит глиняный горшок с овсом на огромный пень.

Вытаскивает из сумы берестяную шкатулку с серебряной деньгой, кладет на пень рядом с горшком.

Отходит от пня, приседает на снег и вновь бьет в бубен.

Вогул возвращается к саням, в которых сидит Семен.

Угор

– Дивьи разрешили проехать по их угодыям. Обещали, ежели за нами снарядится погоня, запутать следы.

Семен

(улыбается)

– Так ты же с пнем гуторил!

Угор

– Вам не дано видеть людей подземного царства. Их голоса и то слышат не все. У меня родные корни по деду. Опосля расскажу, сейчас нужно ехать. Татары не простят твоих потех. Догонят, идя по следу.

Семен

(обозникам)

– Трогай!

Семен, двигается, освобождает в санях место для вогула.

Обоз медленно двигается меж камней и деревьев.

Атаман мельком глядит на пень, и сняв шапку крестится.

Горшок валяется рядом с пнем пустой, овса уже в нем нет, шкатулка без серебра лежит на боку.

Следы вогула на снегу к черному пню на глазах у Семена исчезают.

Семен

(надевает шапку)

– Чур меня!

111. Нат. Утро. Русло маленькой таежной реки. Две упряжки останавливаются. Архип , Ксения, Ванюшка и остяк разминают ноги. Приседают.

Остяк

– Салым-река, дальше татар нет, пойдем рекой.

Упряжки, сворачивают с санного следа, спускаются в русло, двигаются дальше.

Олени ходко бегут по покрытому настом льду.

Река петляет из стороны в сторону.

Солнце светит то в глаза, то сбоку, а иногда и в спину.

Архип

(любуюсь природой)

– Краса-то какая

Архип берет здоровой рукой суму и, пошарив в ней, достает кусок вяленой конины. Подал Ксении.

Архип

– На-ка, пупок завяжи, красавица. Ведь нынче мясоестие началось, вслед за тем пост наступит, потом токмо шишки и будешь щелкать, да мне отрежь кусочек, что-то в животе засосало. Раз проголодался знамо, на поправку пойду.

Ксения

(засовывая кусочек за пазуху)

– Ванюшке оставлю.

Архип

– Твой Ванька впереди на возу не дремлет. Вон, вся дорога в чешуе, только знай себе лузгает да лузгает.

Ксения

– Как бы с животом потом не маялся, наголодался на татарских харчах сынок, хуже собак кормили. Кинут детишкам кости обглоданные, они в драку. Кто поспел, тот и съел, остальные ревут, душа раздирается, а нехристям забава. Ты-то пошто нас выкупил?

Архип

– Жалко вас стало, вот и выкупил, своих вспомянул, что узбеки порешили. Да ты не бойся, я до баб не падкий. Самой решать, что далее делать будешь. До весны доживешь, а там с Ванькой с новгородцами уйдете за камень. Они частые гости в наших краях. Тут по воде дорог много, хоть в Китай плыви, хоть на Мангазею гребь. От нас по Оби до Сосьвы-реки через зырян да коми пройти можно, а там и до Камы недалече.

Ксения

– Я и не из боязливых. Мой, когда замуж меня взял, бить приноровился. Как загуляет, так и кулаками махать норовит. Терпела, терпела, а потом взяла ковш дубовый и на голове его поломала.

Архип

– И что?

Ксения

(смеясь)

– Как бабка от шептала.

Архип

– Станный вы, бабы, народ. Бьет мужик – голосите, не бьет – значит, не любит, вы вновь в слезы.

Нарты, наскикивают на ледяной торос, подпрыгивают. Архип морщится от боли.

Ксения

– Болит?

Архип

– Терпимо, только рука плохо слушается.

Ксения

– А что за мазь тебе дал остяк?

Архип

– То живица, смола кедровая. Ее они собирают для того, чтобы раны оленям и собакам лечить. Теперича я заместо оленя.

112. Нат. Болото. Туман. Волчья стая. Светит луна.

Вожак стаи останавливается. Ведет носом.

При свете луны, освещающей мерзлое болото, виднеется силуэт лошади, она мирно щиплет траву меж кочкарника.

Вожак бросается вперед.

Остальная стая, берет бедное животное в полукольцо.

113. Инт. Крепость Чиги Тура. Дворец мурзы Епанчи.

Мурза Епанчи, ходит в ярости по комнате.

Мурза Епанчи

– Обоз догнать! На куски порезать собак! Немедля выслать погоню! Все, что обрежете ниже пояса, собрать и скормить собакам на площади в Чиге Туре!

114. Нат. Стены крепости Чиги Тура.

Из ворот выезжает сотня воинов.

Голос за кадром

Взяв по две пристяжных, сотня практически за ночь и световой день должны были нагнать новгородский обоз. Отряд состоял из Кучумских узбеков, приданных Епанчи для содержания в страхе и повиновении местных вогулов.

И действительно, проскакав ночь и световой день, они нашли место сражения. Запорошенные трупы с лицами, обгрызенными куницами и колонками, лежали по обеим сторонам санного следа.

Конные всадники кружат на месте. Под ногами коней замеченные снегом трупы воинов и коней.

Командир сотни

– Алга!

командир сотни, выхватывает саблю, и сотня, перейдя на галоп, движется дальше.

Следы обоза, петляют меж берез и осин, валунов и сваленных деревьев, уходят на запад.

Головной разведчик, увидав конский помет, спрыгивает с коня и, втыкает в него палец.

Головной разведчик

Теплый! Рядом, собаки неверные!

Сотня останавливается.

Следы обоза упираются в отвесную скалу.

Командир сотни

(рассматривая следы)

- Обоз вошел в камень?

Командир рассылает в разные стороны воинов для поиска следов, спешивается.

Он подходит к каменной скале, трогает ее руками, глядит вверх, осматривает каждый выступ.

Подъехавшие разведчики

(хором)

– Следов нет нигде, Шайтан их поглотил.

Голос за кадром

Не разыскав следов обоза и приняв решение идти в обратный путь, Разимурад ехал в раздумьях. Множество рассказов слышал он про людей, живущих в каменных скалах. Дивьи – люди, которых никто никогда не видел, слыли злыми колдунами, сбивающими путников с пути, путавшими следы. Они были ранее частью угорских народов, но, скрываясь от преследования могольских орд, ушли под землю и в камни Уральских гор. Вогулы рассказывали, что сумевшие вырваться из их чар навсегда забывали то, что с ними случилось во время нахождения в плену чар Чудьского княжества.

Разимурад останавливает коня, присматривается. Свежие следы обоза проходят уже через заметенные следы этого же обоза.

Всадники поворачивают коней по свежему следу. Проехав по следам, упираются в ту же скалу. Командир сотни разворачивает коня, и скачет обратно. За ним в панике скачут остальные. Мелькают ветки, хрипят кони.

И вновь впереди встает та же самая каменная скала.

Разимурад

– Мы ходим по кругу. Темные силы водят нас от камня к камню. Я не могу найти выход из этой западни.

Около пня валяется пустой горшок и замеченная шкатулка оставленного вогулом. Один из всадников показывает на пень плеткой.

Всадник

– Выход есть, таксыр, нужно принести в жертву коня, напоить кровью каменных людей, дать им свежего мяса, овса, и тогда они смогут отпустить нас.

Разимурад читает молитву. Все всадники, спешиваются и молятся.

Подводят пристяжную лошадь.

Режут лошадь.

Один воин ставит горшок, наполненный кровью лошади на пень. На нарезанное кусками мясо кладут вокруг пня. Рядом ставят полную торбу ячменя.

Разводят костры, останавливаются до утра отдохнуть.

Разыгрывается метель.

115. Нат. Сон Разимурада.

Лежит кайбаша* на поле боя мертвый. Разимурад осматривается. На берегу Туры догорает крепость Чиги Тура. Все поле устлано трупами воинов Сибирского ханства. К нему подходит человек с седой бородой, в белом одеянии, и, смотрит на Разимурада, это Гостомысл.

Гостомысл

(старец, опершись на посох)

– Воин, ты семь лет не был дома. Твои дети уже выросли, а три жены твоих ослепли от горя, выплавав глаза. Отца забрал Аллах, а мать была вынуждена отдать твоему младшему брату отцовские сады и пастбища. Я направляю тебя и твоих воинов домой. Весной в Сибирь придет белый хан, и, если ты не уйдешь, вот твоя и твоих нукеров участь, –

Гостомысл показывает рукой на поле боя.

Гостомысл

– Но ты не станешь изменником, если уйдешь сегодня, так как сразишься с передовым отрядом джунгар, которые идут скрытно на Искер. Тем самым спасешь Сибирское ханство от нападения.

Разимурад, просыпается. Берет рукой снег, растирает лицо.

Глядит на черный пень. Перевернутый горшок и пустая торба лежат у пня, от мяса ничего не осталось.

Следов никаких не нет, зато четкий санный след проходит через место бивака и теряется в заснеженном редколесье, указывая направление пути.

Разимурад

(десятникам)

– Поднимайте воинов, седлайте коней, нам пора в дорогу.

Отряд всадников едет по обозному следу. Впереди открывается сказочный тоннель из заснеженных деревьев, которые огромными арками нависают над дорогой, а пропустив отряд, колдовской лес выпрямляется и встает мертвой стеной.

Разимурад спит в седле. Спят и его воины. Отряд мерным шагом выезжает в степь. Едут по степи. Воины дремлют в седлах.

116. Инт. Сопка. Пещера волхвов.

Гостомысл, сидя на своем ложе, выстругивает заготовку для деревянной ложки. Истяслав со Стояном перебирают сушеные ягоды.

Никита собирается проверить петли поставленные на зайцев. Одевается. Выходит из пещеры.

Голос за кадром

Погода уже устанавливалась весенняя. Снег местами почернел и осел. Появились небольшие проталинки. Кое-где на солнечной стороне сопки принялись набухать на ветках деревьев почки. В это время как раз начинается гон у зайцев. Бегая друг за дружкой и набивая тропы в рыхлом снегу, ушастые зверьки носятся по ним, совсем не обращая внимания на опасность.

Этим-то и воспользовался каменотес. Расставив петли на тропках, он каждое утро после трапезы уходил проверять ловушки.

На смастеренных коротких лыжах Никита шагает вдоль тропы.

Он несет двух удушенных косых и, поправляет петлю. Раздается карканье ворон вблизи дороги.

Никита

– И с чего это всполошились, разбойницы?

Доносится топот лошадиных копыт, ржание, фыркание, лязг доспехов и оружия. Никита приседает за кустом, скрытно наблюдает за происходящим.

По дороге движется вооруженный конный отряд. Всадники, мерно раскачиваются в седлах, выглядят как-то неестественно в утреннем тумане. Впереди едет Разимурад.

Отряд, похожий на тень, проезжает походным шагом между сопками, вскоре исчезает в пелене снежной степи, а Никита, подхватывает двух пойманных русаков, быстро бежит на лыжах к своему жилищу.

117. Инт. Сопка. Пещера волхвов. Никита стоит на пороге пещеры. Тяжело дышит.

Истяслав

– Надобно бы Валихану отписать, что пришла в степь сотня узбеков.

Гостомысл приносит клетку с голубями. Истяслав пишет записку.

Через некоторое время из пещеры вылетает белый почтовый голубь.

Он пролетает над сонным отрядом всадников. Летит к стоящим за горизонтом юртам. Залетает в кошару. Где воркует у других голубей. К ножке птицы прикреплен трубочкой записка Истяслава. Смотрящий за голубями, дедушка-индус по имени Гаджи-Ата, снимает с лапки записку.

118. Инт. Сопка. Пещера. Волхвы.

Никита

– Отче, а зачем узбеки тут?

Гостомысл

– Силы татарские мы оттянули от Чиги Туры. Весной там битва затеется. А джунгарские разведчики уже снова у святых могил встали. Ежели кипчаки с узбеками объединятся, то не пройдут джунгары на север, а повернут на Бухару и Самарканд. Вот, стало быть, мы людям русским и поможем энтим. Не будет нынешней весной подмоги Кучуму из Бухары.

Никита

– Каким русским? Нет тут душ русских покамест, отче.

Гостомысл

– Нет, так будут. поход затевается супротив Кучума. Пока он к Казани югом двинется, Русь с севера и ударит. Хватит набегу устраивать да людей русских бить.

Никита

– Да ведь, отче, с воинами попы и опричники придут. Куды потом нам идтить-то?

Гостомысл

– На кудыкину гору, отрок. Мы для того и живем, чтоб русскому люду помогать. Чтоб расцвела красою сторона словен и русов. А что с нами опосля станется, то это неважно, боги наши за нас определили участь каждому.

Никита

– А откель ведаешь про все это?

Гостомысл

– Дар мне даден ведать про настоящее, а про будущее ты мне подсобляешь, отрок Вторак.

119. Нат. Снежная степь.

На встречу отряду Разимурада приближаются два всадника. Это Исатай и Отар.

Исатай

– Уран!

Разимурад

– Уран. Салам аскар. Мое имя – Разимурад, мой род идет от внука хана Мира Хубилая, что правил Китаем. Да будет свята его память.

Исатай

– Я аскар Исатай, приветствую тебя на нашей земле. Если с миром идешь, будь моим гостем.

Разимурад

– Благодарю тебя, Исатай, мне и моим людям не помешает отдых.

120. Нат. Сибирь. Русло замерзшей Речки выходит на огромное пространство Оби.

Упряжки останавливаются при выходе на Обь.

Ксения с сыном, берут топоры, идут рубить хвойные ветки оленям, на которых есть ягель.

Остяк перевязывает рану Архипа, накладывает свежую повязку.

Подает Архипу семь колобков замерзшего жира.

Остяк

– Если волки догонят, возьми это, и кидай им под ноги.

Архип

– Травленное?

Остяк

– Нет, там внутри китовый ус. Он скручен в теплом барсучьем жире и заморожен. Когда волк его проглотит, то жир в брюхе растает, ус распрямится и проткнет кишки. Волк подохнет. Мы так оленей в тундре бережем от них.

Архип

– Всего семь комков, больше нет?

Остяк

– Нет. Дальше рубить саблями будем, стрелять из лука.

Архип

(усмехается)

– Ага, особенно я одной рукой.

Остяк

– Поэтому я тебе жир дал. Старые волки бросятся на нас, а молодые отстанут. Я отдам им пристяжного оленя, а ты жир кидай на дорогу. Пока взрослые оленя грызть будут, молодых не подпустят. Они и сожрут китовый ус. Все меньше волков останется.

Вечереет.

Две упряжки нагоняет стая волков.

Вожак, поджав уши, несется первый. За ним летит доминирующая самка, а далее – вся стая.

Ксения целится из пищаля, стреляет.

Заряд попадает в вожака и самку, калечит лапы еще трем зверям.

Остальная стая, перепрыгивает через раненых и убитых сородичей, продолжает преследование.

Остяк отпускает пристяжного оленя, бьет его по ногам погонным шестом.

Олень начинает захромать, отстает от упряжек.

Стая, бросается на отставшего оленя забывая об упряжках.

Архип держит куски жира в здоровой руке.

Архип

- Я со страху про жир забыл!

Ксения

– Слушай, Архип, а почто ты без усов да бороды? Словно и впрямь шаман белый.

Архип

– Сбрил я их, чтобы в Искере татары не приметили.

Ксения

– Трунишь? Я ведь в тебе русского еще на базаре признала.

Архип

– И как это ты сподобилась, матушка?

Ксения

– Зрю, идешь ты, как гора, плечами татар толкаешь. Руку левую прижал к боку, словно саблю придерживаешь. Так что и бритый ты не похож на остяка или татарина косолапого.

Архип

(шутит, смеется)

– А с какого лешего я косолапить-то должен? Я же три века кряду, как они, на шее русского Ивана не сиживал.

Ксения тоже смеется.

Упряжки идут Обью. С левой стороны виднеется русло Иртыша. Правый высокий берег возвышается над великой рекой, а левый, низкий берег, покрытый снегами, маячит в тумане. Яркий свет луны освещает огромную пойму реки.

Архип

– Иртыш прошли скоро дома будем. А это действительно

Об!

Архип оглядывает просторы, разводит руки.

Ксения

– Ты про что?

Архип

– Об. У таджиков так вода зовется. А тут весьма много об. И свобода! Ни князей, ни бояр тебе. Юнцом на Волге жительствовавал, думал, там воля, а теперь понимаю, что здесь она, милая.

Ксения

(ежится от мороза)

– Так какая же это воля, коли нехристей кругом, как дерьма за баней?

Архип

– Остяки да вогулы мне не помеха, а узбек Кучум без Казани рано или поздно скатится в степь, где его раздерут, как шелудивого кота, джунгары. Да и вскоре приспееет сюда люд вольный и будет жить без царской милости и кнута опричного.

Ксения

(недоверчиво)

– Ох, и песнь поешь, будто мед пьешь. Да где же оно видано, чтобы без кнута людишки жили? Не вериться мне чтой-то. Свято место пусто не бывает, заживете вы вольно, а тут царевы холопы за оброком и наведаются.

Архип показывает пальцем на черные точки в конце убегающей колеи, это волки, вытаскивает куски замершего жира. Бросает на дорогу.

Архип

– А вот и паскудники нагоняют. Явились, не запылились.

Голос за кадром

Волки, расправившись с оленем и потеряв вожака, бежали уже не дружной стаей, а голодной сворой, постоянно завязывая меж собой стычки в борьбе за первенство. На ходу проглотив брошенные на дорогу куски жира, они ринулись дальше.

Но уже минут через пять самые сильные и проворные, которым досталась наживка, стали отставать от стаи. Китовые усы, свернутые в спираль, развернулись в их желудках, проткнув насквозь внутренности зверей. Осталось в живых всего четыре волка.

И, понимая, что дружной стаи уже нет, волки, пробежав немного за упряжками, остановились и, развернувшись, потрусили к умирающим сородичам.

Их они съедят завтра.

Волки разворачиваются.

121. Инт. ПЕРМСКИЙ КРАЙ. Изба. За столом казацкие атаманы Богдан Брызга, Никита Пан, Иван Кольцов.

Семен, отряхивается от снега в сенях, открывает дверь в избу.

Проходит в избу. Прикладывает ладони к печке. Греет руки.

Семен

– Мое почтение честному люду.

Атаман Богдан Брызга

– Семен вернулся! Ай, молодец! Ай, вовремя!

Богдан Брызга поднимается из-за стола, раскрывает объятия, кидается к Семену.

Обнимаются.

Атаман Богдан Брызга

– Ну, рассказывай, что разведал в краю сибирском? Как Кучум-хан? Крепко ли сидит на ханстве своем?

Семен освобождается от объятий Брязи, проходит к столу, садится на лавку, бросает шапку на столешницу.

Семен

– Обошел я, братья, почитай, все Сибирское ханство. Городище Искер, или, как его сейчас нарекли, Кашлык, не бачил, каюсь. Да и опасно открыто явиться опосля того, как Маметкул посла царева Чебукова убил. Но разведать наказал я надежному человеку. Более того скажу,

настроения средь остяков и вогулов разные. Коим не нравится хан Кучум, кои ему чуни лобзают. Имеется и поверье у многих народов, что раньше у них был белый князь на правлении. Справедлив был, людишек своих не забивал. Вольности давал всякие. Кучум-хан его убить хотел, да утек князь за камень. Но должен возвратиться с войском огромным и освободить народ угорский от ясака непосильного, Кучумом наложенного.

Богдан Брызга

– Вот и хорошо. Нам бы человечка из рыбоедов подговорить, чтоб этот сказ про белого князя да про каменные стрелы невиданные, которые гром и молнии извергают, крепости громят, разнес по стойбищам. Да вселить надежу, будто князь этот на Кучума скоро пойдет, чтоб люд сибирский освободить от его ханства.

Семен

– Есть один вогул-шаман, дюже смысленый, как раз он пушнину выменял да назад сбивается. У нас проводником был. Ох, и хитер, шельма! Но проверенный, в полоне был узбекском, бежал, да не один, вывел товарища казака, который и должен разведать крепость Кашлык. А пойдет он назад с моим крещеным татаринцом, который, вернувшись, принесет к лету план острога Кучумского.

Атаман Иван Кольцов, до сих пор сидевший молча, разворачивает свиток, обращается к присутствующим:

Атаман Иван Кольцов

– Я вот так разумею, братья. У Гришки и Якова Строгановых жалованная грамота, государем дадена. На двадцать лет им льготы жалованы. И разрешает сия грамота завоевание Сибири на Тоболе, Иртыше и Оби. Послушайте, что им Иван пишет: «Где пригодится для бережения и охочим на опочив крепости делати. Как отойдут урочные лета по жалованным грамотам лгото, и чем наши писцы опишут и оброк наш на вас писцы положат, и вы б те ваши оброки возили к нам на Москву».

Голос подает атаман Никита Пан:

Атаман Никита Пан

– Им сия грамота на семь лет дадена. И если поход не снарядят нынче, то отберет государь ее да другому охочему отдаст. Потому и спешают снаряжать Максим и Семен Строгановы нас для похода. А Никита, сын Григория Строганова, не желает похода, владения-то его далеке и набегам не подвергаются.

Атаман Иван Кольцов

– Думаю, что к лету соберемся для дела желанного, как раз на Семенов день и выступим. Это в честь нашего отважного лазутчика, А теперь, братья, тащите сюды плененного Кутатаба, дворецкого Кучумовского. Дадим ему дары для хана, уняв этим бдень их. Вскоре должны вернуться Ермак и Гроза от Максима Строганова. Максим уж и струги наказал нам к лету выделить для похода.

122. Нат. Северный Урал. Тайга. Два пеших путника на снегоступах.

По снегу и замершим рекам шагают Угор и его попутчик Ибрашка.

Заходят на одно стойбище, заходят на другое.

Пантомима

Угор везде собирает людей и рассказывает про белого князя, который должен их освободить от гнета Кучум Хана.

Голос за кадром

К середине весны пошел слух среди вогуличей и остяков о белом князе, собравшем войско для того, чтобы освободить их землю от узбека Кучума. Нес эту весть шаман Угор, который на каждом стойбище рассказывал о великом князе, несущем вольность народу своему. С шаманом шел в Сибирь татарин из местных, он тоже подтверждал сказанное, заверял, что сибирские татары не пойдут служить узбеку и встретят белого князя как повелителя.

123. Нат. Берег реки Обь. Кузня Архипа.

Архип, раскидывает ногами снег на крыльце, толкает и открывает дверь в кузню. Обращается к стоящим за его спиной Ксении и Ванюшке.

124. Инт. Помещение кузни. У печи лежат поленья.

Архип

– Ну, проходите, гости дорогие, токмо вот не топлено, простыла насквозь кузня моя. Сейчас я поленья брошу да огонь высеку.

Хлопает легонько по затылку Ванюшку

Архип

Ну-ка пострел, сбегай под навес. Надери коры для растопки.

Печь затоплена. Гудит огонь. Архип снимает верхнюю одежду.

Архип

– Давайте все на печь! Отогреемся опосля долгой дороги.

Ванюшка первый залезает наверх, укрывается шкурами, вскоре уже сопит своим курносим носом.

Архип с Ксенией сидят на лавках.

Архип

– Баньку я еще не поставил. Но ежели воды нагреть в казане, то можно в углу за печью купель княжью изготовить. Самим помыться, да и вещи кой-какие постирать.

Ксения

– А вода где?

Архип

– Утром снега наносим. А опосля сходим с Ванюшей майну пешней на речке продолбим, там и будем брать. Сейчас я до лабаза сбегаю, принесу запасов, пир устроим по случаю прибытия нашего.

Кузнец выходит.

Ксения веником и тряпкой убирает тенета, вытирает пыль по лавкам.

Осматривается.

Ксения

(сама с собой)

- Кузня-то из березы рублена. Печь глиной мазана. Побелить бы ее. А вот входная дверь открывается вовнутрь, не так, как у нас пермяков – наружу.

Ксения осматривает устройство запоров двери.

Архип

– Дверь отворяется вовнутрь избы для того чтоб выйти опосля бурана. Откапывать двери тут некому, коли занесет, а дверь наружу открывать надобно, так и просидишь до весны, пока-мест снег не растает.

Ксения

– А коль зверь какой носом пхнет, да дверь и откроется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.